

Виктор Владимирович Хлебников

Степь отпоёт (сборник)

Серия «Библиотека
«ОПТИМА FORMA»»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23990167
Степь отпоёт: РИПОЛ классик; Москва; 2016
ISBN 978-5-386-09034-0

Аннотация

Том разножанровых сочинений основоположника русского футуризма и реформатора поэтического языка Велимира Хлебникова (1885–1922). В издание вошли наиболее значительные его тексты – около 200 стихотворений, 26 поэм, большая часть драматических произведений, статьи, декларации, заметки. Настоящее издание – наиболее полное собрание произведений величайшего русского поэта XX века.

Содержание

Свояси	19
Стихотворения	24
1. Птичка в клетке	24
2. «И я свирел в свою свирель...»	26
3. «Россия забыла напитки...»	27
4. «Немь лукает луком немным...»	28
5. «Там, где жили свиристели...»	29
6. «Я славлю лёт его насилий...»	30
7. «Из мешка...»	31
8. «Времышы-камышы...»	32
9. «Жарбог! Жарбог!..»	33
10. «Огнивом-сечивом...»	34
11. Крымское. Записи сердца. Вольный размер	35
12. «Вечер. Тени...»	40
13. «В пору, когда в вырей...»	41
14. «Мне спойте про девушек чистых...»	42
15. «Мизинич, миг...»	43
16. «Любил я, стenal я, своей называл...»	44
17. «когда казак с высокой вышки...»	45
18. Скифское	46
19. Заклятие смехом	50
20. «О, достоевскиймо бегущей тучи!..»	51

21. «Бобэоби пелись губы...»	52
22. «Кому сказатеньки...»	53
23. Кузнечик	54
24. «Чудовище – жилец вершин...»	55
25. «С журчанием, свистом...»	56
26. Вам	57
27. Опыт жеманного	60
28. «Вы помните о городе, обиженном в чуде...»	61
1	61
2	62
29. «Я не знаю, земля кружится или нет...»	63
30. «Я переплыл залив Судака...»	64
31. Мария Вечора	66
32. «Полно, сивка, видно, тра...»	69
33. Трущобы	70
34. Змей поезда. Бегство	72
1	72
2	72
3	72
4	73
5	73
6	73
7	74
8	74
9	74

10	75
11	75
12	75
13	75
14	76
15	76
16	76
17	77
18	77
19	77
20	78
21	78
22	78
23	78
24	79
25	79
26	79
27	80
28	80
29	80
30	81
31	81
32	81
33	81
35. «Мы желаем звездам тыкать...»	83
36. Алферово	84

37. «Слоны бились бивнями так...»	86
38. «Люди, когда они любят...»	87
39. «Мои глаза бредут, как осень...»	88
40. Сон лихача	89
41. «Как два согнутые кинжала...»	90
42. «Очи Оки...»	91
43. «Наш кочень очень озабочен...»	92
44. «Когда над полем зеленеет...»	93
45. «Снежно-могучая краса...»	94
46. Ирония встреч	95
47. «Зеленый леший – бух лесиный...»	96
48. «Когда умирают кони, дышат...»	97
49. «Закон качелий велит...»	98
50. «Сон – то сосед снега весной...»	99
51. «Когда рога оленя поднимаются над зеленью...»	100
52. Па-люди	101
53. «Я победил: теперь вести...»	102
54. «Гонимый – кем, почему я знаю?...»	103
55. Из песен гайдамаков	106
56. Числа	107
57. Перевертень (Кукси, кум мук и сук)	108
58. Семеро	109
1	109
2	109
3	110

4	110
5	110
6	111
7	111
8	112
9	112
10	113
59. «Ночь, полная созвездий...»	114
60. «Где прободают тополя жесьь...»	115
61. «Небо душно и пахнет сизью и выменем...»	116
62. «Мне мало надо!...»	117
63. «О, черви земляные...»	118
64. «И смелый товарищ шиповника...»	119
65. Бех. Басня	120
66. Перуну	121
67. Утренняя прогулка	123
68. В лесу. Словарь цветов	124
69. «Меня проносят <на> <слоно>вых...»	127
70. Написанное до войны	129
71. Песнь смущенного	131
72. Ночь в Галиции	132
Русалка	132
Витязь	132
Песня ведьм	133
Русалки	133

Русалки	133
Похороны опришками товарища	134
Русалка	134
Русалки	135
Ведьмы	135
Разговаривающие галичники	135
73. «Сегодня снова я пойду...»	137
74. Курган	138
75. Трizza	139
76. «Годы, люди и народы...»	141
77. Воспоминания	142
78. Суэ	144
79. Смерть в озере	145
80. Бог XX века	147
81. «В холопий город парус тянет...»	150
82. «Усадьба ночью, чингисхань!...»	152
83. «Ни хрупкие тени Японии...»	154
84. Зверь + число	155
85. «И снова глаза щегольнули...»	157
86. Пен пан	158
87. «Моих друзей летели сонмы...»	159
88. «Моя так разгадана книга лица...»	160
89. «О, если б Азия сушила волосами...»	161
90. «Вновь труду доверил руки...»	162
91. «Где, как волосы девицыны...»	163
92. «Татлин, тайновидец лопастей...»	164

93. «Веко к глазу прилепленно приставив...»	165
94. «Ласок...»	167
95. «Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...»	168
96. «Народ поднял верховный жезел...»	170
97. Огневоду	172
98. «А я...»	174
99. Харьковское Оно́	177
100. «Сияющая вольза...»	178
101. «Ветер – пение...»	179
102. О свободе	180
103. Жизнь	181
104. «В этот день голубых медведёй...»	183
105. «Весны пословицы и скороговорки...»	184
106. «Весеннего Корана...»	185
107. «Над глухонемой отчизной «Не убей!»...»	187
108. Случай	189
109. «Точит деревья и тихо течет...»	190
110. «И черный рак на белом блюде...»	191
111. Мои походы	192
112. «Собор грачей осенний...»	193
113. Праотец	194
114. Кормление голубя	195
115. «Сыновеев ночи синева...»	196
116. Город будущего	197

117. Слово о Эль	201
118. «Москвы колымага...»	205
119. Праздник труда	206
120. Горные чары	209
121. Каракурт	211
122. Алеше Крученных	213
123. Саян	214
124. Море	217
125. «Как стадо овец мирно дремлет...»	221
126. «Люди! Над нашим окном...»	224
127. Самострел любви	225
128. «Тайной вечера глаз знает много Нева...»	226
129. «Девушки, те, что шагают...»	227
130. «Люди! Утопим вражду в солнечном свете!..»	228
131. «Помимо закона тяготения...»	229
132. Моряк и поец	230
133. «И вечер тедец...»	233
134. «“Э-э! Ы-ым!” – весь в поту...»	234
135. Пасха в Энзели	236
136. Новруз труда	239
137. Кавэ-кузнец	242
138. Иранская песня	244
139. «С утробой медною...»	246
1	246

2	248
140. Ночь в Персии	249
141. Дуб Персии	251
142. «Ночи запах – эти звезды...»	252
143. «Ручей с холодной водой...»	253
144. «Я видел юношу-пророка...»	257
145. «Ра – видящий очи свои в ржавой и красной болотной воде...»	259
146. Союзу молодежи	260
147. Я и Россия	262
148. 1905 год	263
149. «Детуся! Если устали глаза быть широкими...»	266
150. «Золотистые волосики...»	268
151. «Песенка – лесенка в сердце другое...»	269
152. «Звенят голубые бубенчики...»	270
153. «На родине красивой смерти – Машуке...»	271
154. Голод	274
155. Трубите, кричите, несите!	277
156. Обед	279
157. «Волга! Волга!»	281
158. «В тот год, когда девушки...»	283
159. «Сегодня Машук, как борзая...»	284
160. «Перед закатом в Кисловодск...»	285
161. «Русь зеленая в месяце Ай!...»	287

162. «Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые...»	291
163. «Вши тупо молилися мне...»	293
164. «Цыгане звезд...»	294
165. Москва будущего	295
166. Бурлюк	297
167. Крученных	301
168. «Русь, ты вся поцелуй на морозе!...»	302
169. Одинокый лицедей	303
170. «Пусть пахарь, покидая борону...»	305
171. «На глухом полустанке...»	307
172. «Москва, ты кто?..»	308
173. «Трижды Вэ, трижды Эм!...»	309
174. «Если я обращу человечество в часы...»	310
175. Признание. Корявый слог	312
176. «На нем был котелок вселенной...»	314
177. Отказ	316
178. «Ну, тащися, Сивка...»	317
179. Не шалить!	319
180. «Я призываю вас шашкой...»	320
181. Кто?	321
182. «Оснегурить тебя...»	322
183. «Приятно видеть...»	323
184. «Участок – великая вещь!...»	324
185. «Солнца лучи в черном глазу...»	325
186. «Народ отчаялся. Заплакала душа...»	326

187. «Есть запах цветов медуницы...»	327
188. Ночной бал	328
189. «Трата и труд, и трение...»	330
190. Всем	331
191. «Святче божий!..»	333
192. «Не чертиком масленичным...»	335
193. «Я вышел юношей один...»	337
194. «Еще раз, еще раз...»	338
Поэмы	339
195. Зверинец	339
196. Журавль	345
197. Лесная дева	353
198. И и Э. Повесть каменного века	358
1	358
2	358
3	359
4	360
5	360
6	361
7	361
8	362
9	363
10	364
11	365
12	366
13	367

14	367
15	369
16	370
17	370
18	371
19	372
20	372
21	373
22	373
23	374
Послесловие	375
199. «Любовь приходит страшным смерчем...»	377
I. Тень в саду (поет)	377
II. Голос из сада	379
III. Другой голос	380
IV. Первый голос	380
V. Второй голос	381
VI. Второй голос	382
VII. Первый голос	386
VIII	388
IX	393
X	393
200. Гибель Атлантиды	395
1	395
2	397

3	401
201. Ви́ла и Леший. Мир	406
202. Шаман и Венера	420
203. Марина Мнишек	432
204. Хаджи-Тархан	446
205. Сельская дружба	454
206. Каменная баба	463
Конец ознакомительного фрагмента.	465

Велимир Хлебников

Степь отпоёт

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик». Издание,
оформление. 2016

*** * ***

Виктор Владимирович Хлебников (1885-1922)

СВОЯСИ

В «Денем бoге» я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В. Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

И «Детях Выдры» я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц – красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад – золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях.

В «Ка» я дал созвучие «Египетским ночам», тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята – 1378 год до Р. Х., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Руковолосым Солнцем, сияющим

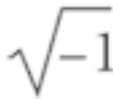
над людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца, стал на некоторое время волею Магомета Египта – Аменофиса IV единственным божеством древних храмов. Если определять землями, то в «Ка» серебряный звук, в «Девьем боге» золотой звук, в «Детях Выдры» – железно-медный.

Азийский голос «Детей Выдры», славянский «Девьего бога» и африканский «Ка».

«Вила и Леший» – союз балканской и сарматской художественной мысли.

Город задет в «Маркизе Дэзес» и «Чертике».

В статьях я старался разумно обосновать право на Провидение, создав мерный взгляд на законы времени, а в учении

о слове я имею частые беседы с Лейбница.

«Крымское» написано мольным размером.

Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее.

В «Кузнечике», в «Бобэоби», в «О, рассмейтесь» были узлы будущего – малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем,

я понял, что родина творчества – будущее. Оттуда дует ветер богов слова.

Я в чистом неразумии писал «Перевертень» и, только пережив на себе его строки: «Чин зван мечем навзничь» (война) – и ощутив, как они стали позднее пустотой: «Пал, а норров худ и дух ворона лап», – понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным «Я» на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно.

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращений всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова – вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак <и>, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки, – мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатэна «Манч! Манч!» из «Ка» вызывали почти боль; я не мог их читать, видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто. Отчего – я сам не знаю.

Но когда Давид Бурлюк писал сердце, через которое едут суровые пушки будущего, он был прав как толкователь вдохновения: оно – дорога копыта будущего, его железных подков.

«Ка» писал около недели, «Дети Выдры» – больше года, «Девин бог» – без малейшей поправки в течение двенадцати часов письма, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Привожу эти справки, чтобы показать, как разнообразны условия творчества.

«Зверинец» написан в Московском зверинце.

В «Госпоже Ленин» хотел найти «бесконечно малые» художественного слова.

В «Детях Выдры» скрыта разнообразная работа над величинами игра количеств за сумраком качеств.

«Девий бог», как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли.

Так же внезапно написан «Чертик», походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание «умно», а не заумно понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение.

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались десять лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира.

Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные за-

писи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем самая яркая черная Фраунгоферова чёрта современного человечества.

Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслим для войн, но его нельзя построить. Для мелкого ручья времени отдельной жизни отсутствуют опорные точки, нет дневников.

В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки.

И ясно замечаю в себе спицы повторного колеса и работаю над дневником, чтобы поймать в сети закон возврата этих спиц.

В желании ввести заумный язык в разумное поле вижу приход старой спицы моего колеса. Как жалко, что об этих спицах повтора жизни я могу говорить только намеками слов.

Но, может быть, скоро мое положение изменится.

Весна 1919

Стихотворения

1. Птичка в клетке

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты вила?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастья твоем
В милом гнездышке своем?
Или как мушек ты ловила
И их деткам носила?
О свободе ли, лесах,
О высоких ли холмах,
О лугах ли зеленых,
О полях ли просторных?
Скучно бедняжке на жердочке сидеть
И из оконца на солнце глядеть.
В солнечные дни ты купаешься,
Песней чудной заливаешься,
Старое вспоминаешь,
Свое горе забываешь,
Семечки клюешь,
Жадно водичку пьешь.

6 апреля 1897

2. «И я свирел в свою свирель...»

И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотель.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
И свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

Начало 1908

3. «Россия забыла напитки...»

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранным свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

Начало 1908

4. «Немь лукает луком немным...»

Немь лукает луком немным
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Клича старые «Гори!».
Закричальность задрожала,
В щит молчание взяла
И, столика и стожала,
Боем в темное пошла.
Лук упал из рук упавном,
Прорицает тишина,
И в смятении державном
Улетает прочь она.

Начало 1908

5. «Там, где жили свиристели...»

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

Начало 1908

6. «Я славлю лёт его насилий...»

Я славлю лёт его насилий,
Тех крыл, что в даль меня носили,
Свод синезначимой свободы,
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.

1908

7. «Из мешка...»

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир –
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

1908

8. «Времыши-камыши...»

Времыши-камыши
На озера берегу,
Где каменья временем
Где время камнем.
На берега озере
Времыши, камыши,
На озера берегу
Священно шумящие.

1908

9. «Жарбог! Жарбог!..»

Жарбог! Жарбог!
Я в тебя грезитвой мечу,
Дола славный стаедей,
О, взметни ты мне навстречу
Стаю вольных жарирей.
Жарбог! Жарбог!
Волю видеть огнезарную
Стаю легких жарирей,
Дабы радугой стожарною
Вспыхнул морок наших дней.

<1908>

10. «Огнивом-сечивом...»

Огнивом-сечивом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

1908

11. Крымское. Записи сердца. Вольный размер

Турки

Вырея блестящего и щеголя всегда – окурки

Валяются на берегу.

Берегу

Своих рыбок

В ладонях

Сослоненных.

Своих улыбок

Не могут сдержать белокурые

Турки.

Иногда балагурят.

Я тоже роняю окурки...

Море в этом заливе совсем засыпает.

Засыпают

Рыбаки в море невод.

Небо

Слева... в женщине

Вы найдете тень синей?

Рыбаки не умеют:

Наклонясь, сети сеют.

Рабочий спрашивает: «Ачи я бачил?»

Перекасти-полем катится собачка.

И, наклонясь взять камешек,

Чувствую, что нужно протянуть руку прямо еще.

Под руководством маменьки

Барышня учится в воду камень кинуть.

На бегучие сини

Ветер сладостно сеет

Запахом маслины,

Цветок Одиссея.

И, пока расцветает, смеясь, семья прибауток,

Из ручонки

Мальчонки

Сыпется, виясь, дождь в уплывающих уток.

Море щедрою мерой

Веет полуденным золотом.

Ах! Об эту пору все мы верим,

Все мы молоды,

И начинает казаться, что нет ничего невообразимого,

Что в этот час

Море гуляет среди нас,

Надев голубые невыразимые.

День, как срубленное дерево, точит свой сок.

Жарок песок.

Дорога пролегла песками.

Во взорах – пес, камень.

Возгласы: «Мамаша, мамаша!»

Кто-то ручкой машет.

Жар меня морит.

Морит и море.

Блится «сотки» донце...

Птица

Крутится,
Летя. Кру́ги...
Ах, други!
Я устал по песку таскаться!
А дитя,
Увидев солнце,
Закричало: «Цаца!»
И этот вечный по песку хруст ног!
Мне грустно.

О, этот туч в сеть мигов лов!
И крик невидимых орлов!
Отсюда далеко все видно в воде.
Где глазами бесплотных тучи прошли,
Я черчу «В» и «Д».
Чьи? Не мои.
Мои: «В» и «И».
По устеню
Ящерица
Тащится
Тенью,
Вся нежная от линьки.
Отсюда море кажется
Выполощенным мозолистыми руками в синьке.
День! Ты вновь стал передо мной, как карапузик-
мальчик,
Засунув кулачки в карманы.
Но вихрь уносит песень дальше
И ясны горные туманы.

Все молчит. Ни о чем не говорят.
Белокурости турок канули в закат.
О, этот ясный закат!
Своими красными красками кат!
И его печальные жертвы –
Я и краски утра мертвыея.
В эти пашни,
Где времена роняли свой сев,
Смотрятся башни,
Назад не присев!
Где было место богов и земных дев виру,
Там в лавочке – продают сыру.
Где шествовал бог не сделанный, а настоящий,
Там сложены пустые ящики.
И обращаясь к тучам,
И снимая шляпу,
И оставив ногу
Немного,
Лепечу – я с ними не знаком –
Коснеющим, детским, несмелым языком:
«Если мое скромное допущение справедливо,
Что золото, которое вы тянули,
Когда, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
То не верю, чтоб вы мне не сообщили,
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю»,
А также в предмете «русский язык»
Прошли ли

Спряжение глагола «люблю»? И сливы?

Ветер, песни сея,

Улетел в свои края.

Лишь бессмертновою

Я.

Только.

«И, кроме того, ставит ли вам учитель двойки?»

Старое воспоминание жалит.

Тени бежали.

И старая власть жива,

И грустны кружева.

И прежняя грусть

Вливает свой сон в слово «Русь»...

«И любите ли вы высунуть язык?»¹

Конец 1908

¹ Вырей – южные страны. Устенье – камни около стены. «Тянули» – лакомство, распространенное в средней России. «Сплю» – небольшая совка, водящаяся в Крыму. Турки нередко бывают белокурами. «Цаца» – слово из детского языка, значит «игрушка, забава». – Комментарий В. Хлебникова.

12. «Вечер. Тени...»

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе – бег оленя,

В каждом взоре – лёт копыя.

И когда на закате кипела вселенская ярь,

Из лавчонки вылетел мальчонка,

Провожаемый возгласом: «Жарь!»

И скорее справа, чем правый,

Я был более слово, чем слева.

<1908>

13. «В пору, когда в вырей...»

В пору, когда в вырей
Времирей умчались стаи,
Я времушком-камушком игрывало,
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло,
И времыня крылья простерла.

<1908>

14. «Мне спойте про девушек чистых...»

Мне спойте про девушек чистых,
Сих спорщиц с черемухой-деревом,
Про юношей стройно-плечистых:
Есть среди вас они – знаю и верю вам.

<1908>

15. «Мизинич, миг...»

Мизинич, миг,
Скользнув среди двух часов,
Мне создал поцелуйный лик,
И крик страстей, и звон оков.
Его, лаская, отпустил,
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом.
И в час работ,
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:
«Будь гостем дорогим!»

1908

16. «Любил я, стенал я, своей называл...»

Стенал я, любил я, своей называл
Ту, чья невинность в сказку вошла,
Ту, что о мне лишь цвела и жила
И счастьем нас отдала <...>
Но Крысолов верховный «крыса» вскрикнул
И кинулся, лаем длившись, за «крысой», –
И вот уже в липах небога,
И зыбятся свечи у гроба.

<1908>

17. «КОГДА КАЗАК С ВЫСОКОЙ ВЫШКИ...»

Когда казак с высокой вышки
Увидит дальнего врага,
Чей иск – казацкие кубышки,
А сабля – острая дуга, –
Он сбегает, развивая кудрями, с высокой вышки,
На коня он лихого садится
И летит без передышки
В говором поющие станицы.
Так я, задолго до того мига,
Когда признание станет всеобщим,
Говорю: «Над нами иноземцев иго,
Возропщем, русские, возропщем!
Поймите, что угнетенные и мы – те ж!
Учитесь доле внуков на рабах
И, гордости подняв мятеж,
Наденьте брони поверх рубрах!»

<1908>

18. Скифское

Что было – в водах тонет.
И вечерогривы кони,
И утровласа дева,
И нами всхожи севы.

И вечер – часу дань,
И мчатся вдаль суда,
И жизнь иль смерть – любое,
И алчут кони боя.

И в межи роя узких стрел –
Пустили их стрелки –
Бросают стаи конских тел
Нагие ездоки.

И месть для них – узда,
Желание – подпруга.
Быстра ли, медленна езда,
Бежит в траве подруга.

В их взорах голубое
Смеется вечно вёдро.
Товарищи разбоя,
Хребет сдавили бедра.

В ненастье любят гуню,
Земли сырая обувь.
Бежит вблизи бегунья,
Смеются тихо оба.

[Его плечо высоко,
Ее нога, упруга,
Им не страшна осока,
Их не остановит куга.]

Коня глаза косы,
Коня глаза игривы:
Иль злато жен косы
Тяжеле его гривы?

Качнулись ковыли,
Метнулись навстречу.
И ворог ковы лить
Грядет в предвестьях речи.

Сокольных крыл колки,
Заморские рога.
И гулки и голки,
Поют его рога.

Звонят-звонят тетивы,
Стрела глаз юный пьет.
И из руки ретивой
Летит-свистит копьё.

И конь, чья ярь испытана,
Грозит врагу копытами.
Свирепооки кони,
И кто-то, кто-то стонет.

И верная подруга
Бросается в траву.
Разрезала подпругу,
Вонзила нож врагу.

Разрежет жилы коням,
Хохочет и смеется.
То жалом сзади гонит,
В траву, как сон, прольется.

Земля в ней жалом жалится,
Таится и зыбѣт.
Змея, змея ли сжалится,
Когда коня вздыбит?

Вдаль убегает насильник.
Темен от солнца могильник.
Его преследует насельник
И песен клич весельный...

О, этот час угасающей битвы,
Когда зыбятся в поле молитвы!..
И темны, смутны и круглы,

Над полем кружатся орлы.

Завыли волки жалобно:

Не будет им обеда.

Не чувят кони жала ног.

В сознании – победа.

Он держит путь, где хата друга.

Его движения легки.

За ним в траве бежит подруга –

В глазах сверкают челоноки.

Конец 1908

19. Заклятие смехом

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянтвуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешиц надсмеяльных – смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смэйево, смбйево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

<1908–1909>

20. «О, достоевскиймо бегущей тучи!..»

О, достоевскиймо бегущей тучи!
О, пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня.

<1908–1909>

21. «Бобэоби пелись губы...»

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так ил холсте каких-то соответствий
Вне протяжении жило Лицо.

<1908–1909>

22. «Кому сказатеньки...»

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька?
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:
Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветреной воды.

<1908–1909>

23. Кузнечик

Крылышкаю золотиписьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

<1908–1909>

24. «Чудовище – жилец вершин...»

Чудовище – жилец вершин,
С ужасным задом,
Схватило несшую кувшин,
С прелестным взглядом.
Она качалась, точно плод,
В ветвях косматых рук.
Чудовище, урод,
Довольно, тешит свой досуг.

<1908–1909>

25. «С журчанием, свистом...»

С журчанием, свистом
Птицы взлетать перестали.
Трепещущим листом
Они не летали.
Тянулись таинственно перья
За тучи широким крылом.
Беглец науки лицемерья,
Я туче скакал напролом.

1908–1913

26. Вам

Могилы вольности – Каргебиль и Гуниб
Были соразделителями со мной единых зрелищ,
И, за столом присутствуя, они б
Мне не воскликнули б: «Что, что, товарищ, мелешь?»
Боец, боровшийся, не поборов чуму,
Пал около дороги круторогий бык,
Чтобы невопрошающих – к чему?
Узнать дух с радостью владык.
Когда наших коней то бег, то рысь вспугнули их,
Чару рассеянно-гордых орлов,
Ветер, неосязуемый для нас и тих,
Вздымал их царственно на гордый лов.
Вселенной повинуюся указу,
Вздымался гор ряд долгий.
И путешествовал по Кавказу
И думал о далекой Волге.
Конь, закинув резво шею,
Скакал по легкой складке бездны.
С ужасом, в борьбе невольной хорошея,
Я думал, что заниматься числами над бездною полезно.
Невольны числа и слагал,
Как бы возвратясь ко дням творенья,
И вычислил, когда последний галл
Умрет, не получив удовлетворенья.
Далёко в пропасти шумит река,

К ней бело-красные просыпались мела,
Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих,
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая, на городскую торговку цветами похожа,
Зная, как городские люди к цвету падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим пророк
Похоронен; скошен он над плитой и увенчан чалмой.
И мощи старинной раковины, изогнуты в козлиный рог,
На камне выступали; казалось, образ бога камень увенчал
мой.
Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подъемлет хвост,
Полунеземной объят тоской?
Тогда живая и быстроглазая ракушка была его свидетель,

Ныне – уже умерший, но, как и раньше, зоркий камень,
Цветы обступили его, как учителя дети,
Его – взиравшего веками.

И ныне он, как с новгородичами, беседует о водяном
И, как Садко, берет на руки ветхогусли –
Теперь, когда Кавказом, моря ощеренным дном,
В нем жизни сны давно потускли.

Так, среди «Записки кушетки» и «Нежный Иосиф»,
«Подвиги Александром» ваяете чудесными руками –
Как среди цветов колосьев
С рогом чудесным виден камень.

То было более чем случай:

Цветы молилися, казалось, пред времен давно
прошедших слом

О доле нежной, о доле лучшей:

Луга топтались их ослом.

Здесь лег войною меч Искандров,

Здесь юноша загнал народы в медь,

Здесь истребил победителя леса ндрав

И уловил народы в сеть.

16 сентября 1909

27. Опыт жеманного

Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изящно переставить ударение,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значения любви
чар,
То я зову вас на вечер.
Там будут барышни и панны,
А стаканы в руках будут пенны.
Ловя руками тучку,
Ветер получает удар ея, и не я,
А согласно махнувшие в глазах светляки
Мне говорят, что сношенья с загробным миром легки.

<1909>

28. «Вы помните о городе, обиженном в чуде...»

1

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И взятый из языка старинной чуди.
Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской (есть много неги в сельском имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названьи чужой народ.
Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.
Где раньше возглас раздавался мальчишески-
прекрасных труб,
Там ныне выси застит дыма смольный чуб.
Где отражался в водах отсвет коровьих ног,
Над рекой там перекинут моста железный полувенчик.
Раздору, плахам – вчера и нынче – город ясли.
В нем дружбы пепел и зола, истлев, погасли.
Когда-то, понуриив голову, стрелец безмолвно шествовал
за
плахой.

Не о нем ли в толпе многоголосой девичий голос
заплакал?

В прежних сил закат,
К работе призван кат.

А впрочем, все страшней и проще:

С плодами тел казенных на полях не вырастают рощи.

Казнь отведена в глубь тайного двора –

Здесь на нее взирает детвора.

Когда толпа шумит и веселится,

Передо мной всегда казенных лица.

Так и теперь: на небе ясном тучка –

Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

2

В тебе, любимый город,

Старушки что-то есть.

Уселась на свой короб

И думает поесть.

Косынкой замахнулась – косынка не простая:

От и до края летит птиц черная стая.

<1909>

29. «Я не знаю, земля кружится или нет...»

Я не знаю, Земля кружится или нет,
Это зависит, уложится ли в строчку слово.
Я не знаю, были ли мо<ими> бабушкой и дедом
Обезьяны, т<ак> к<ак> я не знаю, хочется ли мне
сладкого или кислого.
Но я знаю, что я хочу кипеть и хочу, чтобы солнце
И жилу моей руки соединила общая дрожь.
Но я хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза,
Как олень оленя (о, их прекрасные глаза!).
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу, общий трепет
приобщился вселенной.
И я хочу верить, что есть что-то, что остается,
Когда косу любимой девушки заменить, напр<имер>,
временем.
Я хочу вынести за скобки общего множителя,
соединяющего меня,
Солнце, небо, жемчужную пыль.

<1909>

30. «Я переплыл залив Судака...»

Я переплыл залив Судака.

Я сел на дикого коня.

Я воскликнул:

России нет, не стало больше,

Ее раздел рассек, как Польшу.

И люди ужаснулись.

Я сказал, что сердце современного русского висит, как нетопырь.

И люди раскаялись.

Я сказал:

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Я сказал: Долой Габсбургов! Узду Гогенцоллернам!

Я писал орлиным пером. Шелковое, золотое, оно вилось вокруг крупного стержня.

Я ходил по берегу прекрасного озера, в лаптях и голубой рубашке. Я был сам прекрасен.

Я имел старый медный кистень с круглыми шишками.

Я имел свирель из двух тростин и рожка отпиленного.

Я был снят с черепом в руке.

Я в Петровске видел морских змей.

Я на Урале перенес воду из Каспия в моря Карские.

Я сказал: Вечен снег высокого Казбека, но мне милей свежая парча осеннего Урала.

На Гребенских горах я находил зубы ската и серебряные

раковины вышиной в колесо фараоновой колесницы.

Конец 1909 – начало 1910

31. Мария Вечора

Выступы замок простер
В синюю неба пустыню.
Холодный востока костер
Утра встречает богиню.
И тогда-то
Звон раздался от подков.
Вел, как хата,
Месяц ясных облаков
Лаву видит седоков.
И один из них широко
Ношей белою сверкнул,
И в его ночное око
Сам таинственный разгул
Выше мела белых скул
Заглянул.
«Не святые, не святоши,
В поздний час несемся мы,
Так зачем чураться ноши
В час царицы ночи – тьмы!»
Уж по твердой мостовой
Идут взмыленные кони.
И опять взмахнул живой
Ношей мчащийся погони.
И кони устало зевают, замучены,
Шатаются конские стати.

Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И, вящей породе поспешная дань,
Ворота раскрылись настезь.
«Раскройся, раскройся, широкая тканьь,
Находку прекрасную застишь.
В руках моих дремлет прекрасная лань!»
И, преодолевая странный страх,
По пространной взбегает он лестнице
И прячет лицо в волосах
Молчащей кудесницы.
«В холодном сумраке покоя,
Где окружили стол скамьи,
Веселье встречу я какое
В разгуле витязей семьи?»
И те отвечали с весельем:
«Правду промолвил и дело.
Дружен урод с подземельем,
И любит высоты небесное тело». —
«Короткие четверть часа
Буду вверху и наедине.
Узнаю, льнут ли ее волоса
К моей молодой седине».
И те засмеялись дружно.
Качаются старою стрелкой часы.
Но страх вдруг приходит. Но все же наружно
Те всадники крутят лихие усы...
Но что это? Жалобный стон и трепещущий говор,
И тела упавшего шум позже стука.

Весь дрожа, пробегает в молчании повар
И прочь убегает, не выронив звука.
И мчатся толпою, недоброе чужа,
До двери высокой, дубовой и темной,
И плачет дружинник, ключ в скважину суя,
Суровый, сердитый, огромный.
На битву идут они к женственным чарам,
И дверь отворилась под тяжким ударом
Со скрипом, как будто, куда-то летя,
Грустящее молит и плачет дитя.
Но зачем в их руках заблестали клинки?
Шашек лезвия блещут из каждой руки.
Как будто заснувший, лежит общий друг,
И на пол стекают из крови озера.
А в углу близ стены – вся упрек и испуг –
Мария Вечора.

<1909–1912>

32. «Полно, сивка, видно, тра...»

Полно, сивка, видно, тра
Бросить соху. Хлещет ливень и сечет.
Видно, ждет нас до утра
Сон, коняшня и почет.

<1909–1912>

33. Трущобы

Были наполнены звуком трущобы,
Лес и звенел и стонал,
Чтобы
Зверя охотник копьем доконал.
Олень, олень, зачем он тяжело
В рогах глагол любви несет?
Стрелы вспорхнула медь на ляжку,
И не ошибочен расчет.
Сейчас он сломит ноги оземь
И смерть увидит прозорливо,
И кони скажут говорливо:
«Нет, не напрасно стройных возим».
Напрасно прелестью движений
И красотой немного девьего лица
Избегнуть ты стремился поражений,
Копьем искавших беглеца.
Все ближе конское дыханье
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нету, нет спасенья.
Но вдруг у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.
Без несогласья и без крика

Они легли в свои гробы,
Он же стоял с осанкою владыки –
Были созерцаемы поникшие рабы.

<1910>

34. Змей поезда. Бегство

Посвящается охотнику за лосями, павдинцу Попову; конный, он напоминал Добрыню. Псы бежали за ним, как ручные волки. Шаг его – два шага простых людей.

1

Мы говорили о том, что считали хорошим,
Бранили трусость и порок.
Поезд бежал, разумным служа ношам,

2

Змеей качаемый чертог.
Задвижками стекол стучал,
Шатал подошвы ног.

3

И одурь сонная сошла на сонных кукол,
Мы были – утесы земли.
Сосед соседу тихо шушукал

4

В лад бега железного скользкой змеи.
Испуг вдруг оживил меня. Почудилось, что жабры
Блестят за стеклами в тени.

5

И посмотрел. Он задрожал, хоть оба были храбры,
Был ясен строй жестоких игол.
Так, змей крылатый! Что смерть, чума иль на охоте
бабры.

6

Пред этим бледным жалом, им призрак нас дразнил и
дрыгал.
Имена гордые, народы, почестей хребты? –

Над всем, всё попирая, призрак прыгал.

7

То видя, вспомнил я лепты,
Что милы суровому сердцу божеств.
«Каковых ради польз, – воскликнул я, – ты возродил
черты

8

Могучих над змеем битвы торжества?»
Как ужас или как творец неясной шутки
Он принял вид и облик подземных существ?

9

Но в тот же миг заметил я ножки малютки,
Где поприще бега было с хвостом.
Эти короткие миги были столь жутки,

10

Что я доныне помню, что было потом.
Гребень высокий, как дальние снежные горы,
Гада покрыл широким мостом.

11

Разнообразные людские моря
Как знаки жили в чешуе.
Смертей и гибели плачевные узоры

12

Вились по брюху, как плющ на стене.
Наместник главы, зияла раскрытая книга,
Как челка лба на скакуне.

13

Сгибали тело чудовища преемственные миги,
То прядая кольцами, то телом коня, что встал, как свеча.
Касались земли нескромные вериги.

14

И пасть разинута была, точно для встречи меча.
Но сеть звездами расположенных колючек
Испугала меня, и я заплакал не крича.

15

Власам подобную читая книгу, попутчик
Сидел на гаде, черный вран,
Усаженный в концах шипами и сотнями жучек.

16

Крыла широкий сарафан
Кому-то в небе угрожал шипом и бил, и зори
За ним светлы, как око бабра за щелью тонких ран.

17

И спутник мой воскликнул: «Горе! Горе!» –
И слона вымолишь не мог, охвачен грустью.
Угроза и упрек блестели в друга взоре.

18

Я мнил, что человечество – верховье, мы ж мчимся к
устью,
И он крылом змеиным напрягал,
Блестя зубов ужасной костью.

19

И вдаль поспешно убегал,
Чтоб телу необходимый дать разбег
И старого движенья вал.

20

В глазах убийство и ночлег,
Как за занавеской желтой ссору,
Прочесть умел бы человек.

21

Мы оглянулись сразу и скоро
На наших сонных соседей:
Повсюду храп и скука разговора.

22

Всё покорялось спячке и беседе.
Я вспомнил драку с змеем воина,
Того, что, меч держа, к победе

23

Шел. И воздух гада запахом, а поле кровию напоены
Были, когда у ног, как труп безжизненный, чудовище
легло.

Кипела кровию на шее трупа черная пробоина.

24

Но сердце применить пример старинный не могло.
Меж тем после непонимаемых метаний
Оно какой-то цели досягло

25

И, сев на корточки, вытягивало шею. Рой желаний
Его томил и мучил, чем-то звал.
Окончен был обряд каких-то умываний,

26

Он повернулся к нам – я в страхе умирал! –
Соседа сонного схватил и, щелкая,
Его съедал. Змей стряпчего младого пожирал!

27

Долина огласилась голкая
Воплем нечеловеческим уст жертвы.
Но челюсть, частая и колкая,

28

Медленно пожирала члены мертвы.
Соседей слабо убаюкал сон,
И некоторые из них пошли, где первый.

29

«Проснитесь! – я воскликнул. – Проснитесь! Горе!
Гибнет он!»
Но каждый не слышал, храпел с сноровкой,
Дремотой унесен.

30

Тогда, доволен сказки остановкой,
Я выпрыгнул из поезда прочь,
Чуть не ослеплен еловою мутовкой.

31

Боец, я скрылся в куст, чтоб жить и мочь.
Товарищ моему последовал примеру.
Нас скрыла ель – при солнце ночь.

32

И мы, в деревья скрывшись, как в пещеру,
Были угасших страхов пепелище.
Мы уносили в правду веру.

33

А между тем рассудком нищи
Змеем пожирались вместо пищи.

1910

35. «Мы желаем звездам тыкать...»

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы ушили сладость рыкать.
Будьте грозны, как Остраница,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу –
Врагам сказал: «Иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

36. Алферово

Немало славных полководцев,
Сказавших «счастлив», умирая,
Знал род старинных новгородцев,
В потомке гордом догорая.

На белом мохнатом коне
Тот в Польше разбил короля.
Победы, коварны оне,
Над прежним любимцем шаля.

Тот сидел под старой липой,
Победитель в Измаиле,
И, склонен над приказов бумажною кипой,
Шептал, умирая: «Мы победили!»

Над пропастью дядя скакал,
Когда русские брали Гуниб.
И от раны татарскою шашкой стекал
Ручей. – Он погиб.

То бобыли, то масть вороная
Под гулкий звон подков
Носила седоков
Вдоль берега Дуная.

Конюшен дедовских копыта,
Шагами русская держава
Была походами покрыта,
Товарищами славы.

Тот на Востоке служил
И, от пули смертельной не сделав изгиба,
Руку на сердце свое положил
И врагу, улыбаясь, молвил: «Спасибо».

Теперь родовых его имений
Горят дворцы и хутора,
Ряды усадебных строений
Всю ночь горели до утра.

Но, предан прадедовским устоям,
Заветов страж отцов,
Он ходит по покоям
И теребит концы усов.

В созвездье их войдет он сам!
Избранники столицы,
Нахмутив свои лица,
Глядят из старых рам.

<1910>

37. «Слоны бились бивнями так...»

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью.
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душил шею другого.

<1910–1911>

38. «Люди, когда они любят...»

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин – жар любви горничной Волконского.

<1911>

39. «Мои глаза бредут, как осень...»

Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам – мира осям:

«Не позволя́м».

Хотел бы шляхтичем на сейме,
Руку положив на рукоятку сабли,
Тому, отсвет желаний чей мы,
Крикнуть, чтоб узы воль ослабли.
Так ясневельможный пан Сапега,
В гневе изумленном возрастая,
Видит, как на плечо белее снега
Меха надеты горностоя.
И падает, шатаясь, пан
На обгаренный свой жупан...

<1911>

40. Сон лихача

Зачем я сломил
Тело и крыло
Летевшей бабурки?
Плачет село
Над могилой девчурки.

<1911>

41. «Как два согнутые кинжала...»

Как два согнутые кинжала,
Вонзились в небо тополя,
И, как усопшая, лежала
Кругом широкая земля.
Брошен в сумрак и тоску,
Белый дворец стоит одинок.
И вот к золотому спуска песку,
Шумя, пристаёт одинокий челнок.
И дева пройдет при встрече,
Объемлема власами своими,
И руки положит на плечи,
И, смеясь, произносится имя.
И она его для нежного досуга
Уводит, и багряный одетого руб,
А утром скатывает в море подруга
Его счастливый заколотый труп.

<1911>

42. «Очи Оки...»

Очи Оки
Блещут вдали.

<1911–1912>

43. «Наш кочень очень озабочен...»

Наш кочень очень озабочен:
Нож отточен, точен очень!

<1911–1912>

44. «Когда над полем зеленеет...»

Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синее,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела, –
Тогда на белую свечу,
Мчась по текущему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег.

1911–1912

45. «Снежно-могучая краса...»

Снежно-могучая краса
С красивым сном широких глаз,
Твоя полночная коса
Предстала мне в безумный час.
Как обольстителен и черен
Сплетенный радостью венок,
Его оставил, верно, ворон,
В полете долгом одинок.
И стана белый этот снег
Не для того ли строго пышен,
Чтоб человеку человек
Был звук миров, был песнью слышен.

1911–1912

46. Ирония встреч

Ты высокомерно улыбнулась
На робкий приступ слов осады,
И ты пошла, не оглянулась,
Полна задумчивой досады.
Да! Дерзко королеву просить склонить
Блеск гордых губ.
Теперь я встретился. Угодно изменить
Судьбе тебя: ты изучала старый труп.

<1912>

47. «Зеленый леший – бух лесиный...»

Зеленый леший – бух лесиный
Точил свирель,
Качались дикие осины,
Стенала благостная ель.
Лесным пахучим медом
Помазал кончик дня
И, руку протянув, мне лед дал,
Обманывая меня.
И глаз его – тоски сосулек –
Я не выносил упорный взгляд:
В них что-то просит, что-то сұлит
В упор представшего меня.
Вздымались руки-грабли,
Качалася кудель
И тела стан в морщинах дряблый,
И синяя видель.
Я был ненароком, спеша,
Мои млады лета,
И, хитро подмигнув, лешак
Толкнул меня: «Туда?»

<1912?>

48. «Когда умирают кони, дышат...»

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

<1912>

49. «Закон качелий велит...»

Закон качелей велит

Иметь обувь то широкую, то узкую.

Времени то ночью, то днем,

А владыками земли быть то носорогу, то человеку.

<1912>

50. «Сон – то сосед снега весной...»

Сон – то сосед снега весной,
То левое непрочное правительство в какой-то думе.
Коса то украшает темя, спускаясь на плечи, то косит
траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.

<1912>

51. «Когда рога оленя подымаются над зеленью...»

Когда рога оленя подымаются над зеленью,
Они кажутся засохшее дерево.
Когда сердце н<о>чери обнажено в словах,
Бают; он безумен.

<1912>

52. Па-люди

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее –
Он, лишенный души!..

<1912>

53. «Я победил: теперь вести...»

Я победил: теперь вести
Народы серые я буду.
В ресницах, вера, заблести,
Вера, помощница чуду.
Куда? Отвечу без торговли:
Из той осоки, чем я выше,
Народ, как дом, лишенный кровли.
Воздвигнет стены в меру крыши.

Лето 1912

54. «Гонимый – кем, почему я знаю?..»

Гонимый – кем, почему я знаю?
Вопросом: поцелуев в жизни сколько?
Румынкой, дочерью Дуная,
Иль песнью лет про прелесть польки, –
Бегу в леса, ущелья, пропасти
И там живу сквозь птичий гам.
Как снежный сноп, сияют лопасти
Крыла, сверкавшего врагам.
Судеб виднеются колеса
С ужасным сонным людям свистом.
И я, как камень неба, несся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: «Озари».
Над юга степью, где волны
Качают черные рога,
Туда, на север, где стволы
Поют, как с струнами дуга,
С венком из молний белый черт
Летел, крути власы бородки:
Он слышит вой власатых морд
И слышит бой в сквородки.
Он говорил: «Я белый ворон, я одинок,

Но всё – и черную сомнений ношу,
И белой молнии венок –
Я за один лишь призрак брошу:
Взлететь в страну из серебра,
Стать звонким вестником добра».
У колодца расколоться
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чёботы,
Черноглазые, ея.
Шепот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда,
Окна, избы с трех сторон,
Воют сытые стада.
В коромысле есть цветочек,
А на речке синей челн.
«На, возьми другой платочек,
Кошелек мой туго полн». –
«Кто он, кто он, что он хочет?
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочет
Близко тяткиной избы?
Или? Или я отвечу

Чернооку молодцу, –
О, сомнений быстрых вече, –
Что пожалуюсь отцу?
Ах, юдоль моя гореть».
Но зачем устами ищем
Пыль, гонимую кладбищем,
Знойным пламенем стереть?
И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун.
Возренье старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.

<1912>

55. Из песен гайдамаков

«С нависня ан летит, бывало, горинѡж,
В заморских чѣботах мелькают ноги,
А пани, над собой увидев нож.
На землю падает, целует ноги.
Из хлябей вынырнет усатый пан моржом,
Чтоб простонать: «Santa Maria!»
Мы ж, хлопцы, весело заржем
И топим камнями в глубинах Чартория.
Панов сплавляем по рекам,
А дочери ходили по рукам.
Была веселая пора,
И с ставкою большою шла игра.
Пани нам служит как прачка-наймитка,
А пан плывет, и ему на лицо садится кигитка».
– Нет, старче, то негоже:
Парча отстоит от рогожи.

<1912>

56. Числа

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным
движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого
хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его – единица.

<1912>

57. Перевертень (Кукси, кум мук и скук)

Кони, топот, инок,
Но не речь, а черен он.
Идем, молод, долом меди.
Чин зван мечем навзничь.
Голод, чем меч долог?
Пал, а норов худ и дух вóрона лап.
А что? Я лов? Воля отча!
Яд, яд, дядя!
Иди, иди!
Мороз в узел, лезу взором.
Солов зов, воз волос.
Колесо. Жалко поклаж. Оселок.
Сани, плот и воз, зов и толп и нас.
Горддох, ход дрог.
И лежу. Ужели?
Зол, гол лог лоз.
И к вам и трем с смерти мавки.

58. Семеро

1

Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Кому ты так ржешь и смотришь сердито?
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
И вот обменял я стопу на копыто.

2

У девушек нет таких странных причуд,
У девушек нет таких странных причуд,
Им ветренный отрок милее.
Здесь девы холодные сердцем живут,
Здесь девы холодные сердцем живут,
То дочери великой Гилеи.

3

Гилеи великой знакомо мне имя,
Гилеи великой знакомо мне имя,
Но зачем ты оставил свой плащ и штаны?
Мы предстанем перед ними,
Мы предстанем перед ними,
Как степные скакуны.

4

Что же дальше будут делая,
Игорь, Игорь,
Что же дальше будут делая
С вами дщери сей страны?
Они сядут на нас, белые,
Товарищ и друг,
Они сядут на нас, белые,
И помчат на зов войны.

5

Сколько ж вас, кому охотней,
Борис, Борис,
Сколько ж вас, кому охотней
Жребий конский, не людской?
Семь могучих оборотней,
Товарищ и друг,
Семь могучих оборотней –
Нас, снедаемых тоской.

6

А если девичья коптит,
Борис, Борис,
А если девичья конница
Бой окончит, успокоясь?
Страсти верен, каждый гонится,
Товарищ и друг,
Страсти верен, каждый гонится
Разрубить мечом их пояс.

7

Не ужасное ль в уме,
Борис, Борис,
Не ужасное ль в уме

Вы замыслили, о, братья?
Нет, покорны девы в тьме,
Товарищ и друг,
Нет, покорны девы в тьме –
Мы похитим меч и платья.

8

Но, похитив их мечи, что вам делать с их слезами,
Борис, Борис,
Но, похитив их мечи, что вам делать с их слезами?
То исконное оружие.
Мы горящими глазами,
Товарищ и друг,
Мы горящими глазами
Им ответим. Это средство – средств не хуже их.

9

Но зачем вам стало надо,
Борис, Борис,
Но зачем вам стало надо
Изменить красе лица?
Убивает всех пришельцев их громада,
Товарищ и друг,

Убивает всех пришельцев их громада,
Но нам любо скок беглеца.

10

Кратких кудрей, длинных влас,
Борис, Борис,
Кратких кудрей, длинных влас
Распри или вас достойны?
Этот спор чарует нас,
Товарищ и друг,
Этот спор чарует нас,
Ведут к счастью эти войны.

1912

59. «Ночь, полная созвездий...»

Ночь, полная созвездий.

Какой судьбы, каких известий

Ты широко сияешь, книга?

Свободы или ига?

Какой прочесть мне должно жребий

На полночь широком небе?

<1912>

60. «Где прободают тополя жесьть...»

Где прободают тополя жесьть
Осени тусклого паяца,
Где исчезает с неба тяжесьть
И вас заставила смеяться,
Где под собранием овинов
Гудит равнинная земля,
Чтобы доходы счел Мордвинов,
Докладу верного внемля,
Где заезжий гость лягает пяткой,
Увы, несчастного в любви соперника,
Где тех и тех спасают прятки
От света серника,
Где под покровительством Януси
Живут индейки, куры, гуси,
Вы под заботами природы-тети
Здесь, тихоглазая, цветете.

Август 1912

61. «Небо душно и пахнет сизью и выменем...»

Небо, душно и пахнет сизью и выменем.

О, полюбите, пощадите вы меня!

Я и так истекаю собою и вами,

Я и так уж распят степью и ивами.

«Конец 1912»

62. «Мне мало надо!..»

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока
Да это небо,
Да эти облака!

<1912, 1922>

63. «О, черви земляные...»

О, черви земляные,
В барвиночном напитке
Зажгите водяные
Два камня в черной нитке.
Темной славы головня,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сжужу. Согрей меня.
На утесе моих плеч
Пусть лицо не шелохнется,
Но пусть рук поющих речь
Слуха рук моих коснется.
Ведь водою из барвинка
Я узнаю, все узнаю,
Надсмеялась ли косынка,
Что зима, растаяв с краю.

1913

64. «И смелый товарищ шиповника...»

И смелый товарищ шиповника,
Как камень, блеснул
В лукавом слегка разговоре.
Не зная разгадки виновника,
Я с шумом подвинул свой стул.
Стал думать про море.
О, разговор невинный и лукавый,
Гадалкою развернутых страниц
Я в глубь смотрел, смущенный и цекавый,
В глубь пламени мерцающих зениц.

1913

65. Бех. Басня

Знай, есть трава, нужна для мазей.
Она растет по граням грязей.
То есть рассказ о старых князях:
Когда груз лет был меньше стар,
Здесь билась Русь и сто татар.
С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
Его помощники в свирели
Про дни весенние свистели
И щеки толстые надули,
И стали круглы, точно дули.
Но та земля забыла смех,
Лишь и день чумной здесь лебедь неся,
И кости бешено кричали: «Бех», –
Одеты зеленью из проса,
И кости звонко выли: «Да!»
Мы будем помнить бой всегда».

1913

66. Перуну

Над тобой носились беркута,
Порой садясь на бога грудь,
Когда миял ты, рея, омута,
На рыбы наводя поселки жуть.
Бог, водами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусимы
Роду низвергших тя людей?
Не знал ли ты, что некогда восстанем,
Как некая вселенной тень,
Когда гонимы быть устанем
И обретем в времёнах рень?
Сил синих снём,
Когда копьем мужа встречали,
Тебе не пел ли: «Мы не уснем
В иных времен начале»?
С тобой надежды верных плыли,
Тебя провожавших зовом «Боже»,
И как добычу тебя поделили были,
Когда взошел ты на песчаной рени ложе.
Как зверь влачит супруге снеди,
Текущий кровью жаркий кус,
Владимир не подарил ли так Рогнеде
Твой золоченый длинный ус?
Ты знаешь: путь изменит пря,

И станем верны, о, Перуне,
Когда желтой и белой силы пря
Перед тобой вновь объединит нас в уне.
Навьем возложенный на сани,
Как некогда ты проплыл Днепр –
Так ты окончил Перунепр,
Узнав вновь сладость всю касаний.

<1913>

67. Утренняя прогулка

Лапой белой и медвеж<ь>ей
Друг из воздуха помажет,
И порыв метели свежий
Отошедшее расскажет.
Я пройтись остерегуся,
Общим обликом покат.
Слышу крик ночного гуся,
Где проехал самокат.
В оглоблях скривленных
Шагает Крепыш,
О, горы зеленых,
Сереющих крыш!
Но дважды тринадцать в уме.
Плохая поклажа в суме!
К знахарке идти за советом?
Я верю чертям и приметам!

13 февраля 1913

68. В лесу. Словарь цветов

На эти златистые пижмы
Росистые волосы выжми.
Воскликнет насмешливо: «Только?»
Серьгою воздушная ольха.
Калужниц больше черный холод,
Иди, позвал тебя Рогволод.
Коснется калужницы дремя,
И станет безоблачным время.
Ведь мною засушено дремя
На память о старых богах.
Тогда серебристое племя
Бродило на этих лугах.
Подъемля медовые хоботы,
Ждут ножку богинины чёботы.
И белые ель и березы,
И смотрят на небо дерезы.
В траве притаилась дурника,
И знахаря ждет молодика.
Чтоб злаком лугов молодиться,
Пришла на заре молодница.
Род конского черепа – кость,
К нему наклоняется жость.
Любите носить все те имена,
Что могут онежиться в Лялю.
Деревня сюда созвана,

В телеге везет свою кралю.
Лялю на лебеде
Если заметите,
Лучший ни небе день
Крилей отметите.
И крикнет и цокнет весенняя кровь:
«Ляля на лебеде – Ляля любовь!»
Что юноши властной толпою
Везут на пути к водопою
Кралю своего села –
Она на цветах весела.
Желтые мрачны снопы
Праздничной возле толпы.
И ежели пивни захлопали
И песни вечерней любви,
Наверное, стройные тополи
Смотрят на праздник в пыли.
Под именем новым – Олеги,
Вышаты, Добрыни и Глебы
Везут конец дышла телеги,
Колосьями спрятанной в хлебы,
Своей голубой королевы.
Но и в цветы запрятав низ рук,
Та, смугла, встает, как призрак.
«Ты священна, Смуглороссия», –
Ей поют цветов колосья.
И пахло кругом мухомором и дремой,
И пролит был запах смертельных черемух.
Эй! Не будь сурова, не будь сурова,

Но будь проста, как вся дуброва.

<1913>

69. «**Меня проносят <на> <слоно>вых...»**

Меня проносят <на> <слоно>вых
Носилках – слон девицедымный.
Меня все любят – Вишну новый,
Сплетя носилок призрак зимний.

Вы, мышцы слона, не затем ли
Повиснули в сказочных ловах,
Чтобы ласково лилась на земли,
Та падала, ласковый хобот.

Вы, белые призраки с черным,
Белее, белее вишенья,
Трепещ<е>те станом упорным,
Гибки, как ночные растения.

А я, Бодисатва на белом слоне,
Как раньше, задумчив и гибок.
Увидев то, дева ответ<ила> мне
Огнем благодарных улыбок.

Узнайте, что быть <тяжелым> слонком
Нигде, никогда не бесчестно.
И вы зачарован<ы> сном,

Сплетайтесь носилками тесно.

Волну клыка как трудно повторить,
Как трудно стать ногой широкой.
Песен с ненками, свирелей завет,
Он с нами, на нас, синеокий.

<1913>

70. Написанное до войны

– Что ты робишь, печенеже,
Молотком своим стуча?
– О, прохожий, наши вежи
Меч забыли для мяча.
В день удалого похода
Сокрушила из засады
Печенегова свобода
Святославовы насады.
Он в рубахе холщевой,
Опоясанный мечом,
Шел пустынной бечевой.
Страх для смелых нипочем!
Кто остаться в Перемышле
Из-за греков не посмели,
На корму толпою вышли –
Неясыти видны мели.
Далеко та мель прославлена,
Широка и мрачна слава,
Нынче снова окровавлена
Светлой кровью Святослава.
Чу, последний, догоняя,
Воин, дальнего вождя,
Крикнул: «Дам, о, князь, коня я,
Лишь беги от стрел дождя!»
Святослав, суров, окинул

Белым сумраком главы,
Длинный меч из ножен вынул
И сказал: «Иду на вы!»
И в трепет бросились многие,
Услыша знакомый ответ.
Не раз мы в увечьях, убогие,
Спасались от княжеских чет.
Над смущенною долиной
Он возникнул, как утес,
Но прилет петли змеиной
Смерть воителю принес.
«Он был волком, не овечкой! –
Степи молвил предводитель. –
Золотой покроей насечкой
Кость, где разума обитель.
Знаменитый сок Дуная
Наливая в глубь главы,
Стану пить я, вспоминая
Светлых клич: «Иду на вы!» –
Вот зачем сию я, согнут,
Молотком своим стуча.
Знай, шатры сегодня дрогнут,
Меч забудут для мяча.
Степи дочери запляшут,
Дымом затканы парчи,
И подковой землю вспашут,
Славя бубны и мячи.

71. Песнь смущенного

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечерком
И, руку простирая длинную,
Наполнить созвездьем гостиную.

Конец 1913

72. Ночь в Галиции

Русалка

С досок старого дощаника
Я смотрю на травы дна,
В кресла белого песчаника
Я усядуся одна.
Оран, оран дикой костью
Край, куда идешь.
Ворон, ворон, чуешь гостью?
Мой, погибнешь, господине!

Витязь

Этот холод окаянный,
Дикий вой русалки пьяной.
Всюду визг и суматоха,
Остаться стало плохо.

(Уходит.)

Песня ведьм

Ла-ла сов! Ли-ли соб!
Жун-жан – соб леле.
Соб леле! Ла, ла, соб.
Жун-жан! Жун-жан!

Русалки

(поют)

Иа ио цолк.
Цио иа пацо!
Пиц пацо! Пиц пацо!
Ио иа цолк!
Дынза, дынза, дынза!

Русалки

(держат в руке ученик Сахарова и поют по нему)

Между вишен и черешен
Наш мелькает образ грешен.
Иногда глаза проколет

Нам рыбачья острога,
А ручей несет и холит,
И несет сквозь берега.
Пускай к пню тому прильнула
Туша белая овцы
И к свирели протянула
Обнаженные резцы.
Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац.

Похороны опришками товарища

«Гож нож!» – то клич боевой,
Теперь ты не живой.
Суровы легини,
А лица их в тени.

Русалка

Кого несет их шайка,
Соседка, отгадай-ка.

Русалки

Ио иа цолк,
Ио иа цолк.
Пиц, пац, пацу,
Пиц, пац, паца.
Ио иа цолк, ио иа цолк,
Копоцамо, миногоамо, пинцо, пинцо, пинцо!

Ведьмы

Шагадам, магадам, выкадам.
Чух, чух, чух.
Чух.

(Вытягиваются в косяк, как журавли, улетают.)

Разговаривающие галичники

Вон гуцул сюда идет,
В своей черной бузрукавке.
Он живет
На горах с высокой Мавкой.

Люди видели намерднн,
Темной ночью на заре,
Это верно и не бреднн,
Там на камне-дикаре.
Узнай же! Мава черннброва,
Но мертвый уж, как лук, в руках:
Гадюку держите сурово,
И рыба песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней,
Шагами хищными сильна,
С дугою властных глаз она,
И ими смотрится в упор,
А за ремнем у ней топор.
Улыбки нету откровеннее,
Да, ты ужасно, привидение.

Декабрь 1913

73. «Сегодня снова я пойду...»

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

<1914>

74. Курган

Копье татар чего бы ни трогало –
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин догола,
Летит в Сибирь – Сибири конница.

Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик Еврея.
Вокруг земля, свист суслика, нора и –
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц подьмет стаю рожц,
Несется конь, похищенный цыганом,
Лежит суровый запорожец
Часы столетий под курганом.

1915

75. Тризна

Гол и наг лежит строй трупов,
Песни смертные прочли.
Полк стоит, глаза потупив,
Тень от летчиков в пыли.
И когда легла дубрава
На конце глухом села,
Мы сказали: «Небу слава!» –
И сожгли своих тела.
Люди мы иль копья рока
Все в одной и той руке?
Нет, ниц вемы; нет урока,
А окопы вдалеке.
Тех, кто мертв, собрал кто жив,
Кудри мертвых вились русо.
На леса тела сложив,
Мы свершали тризну русса.
Черный дым восходит к небу,
Черный, мощный и густой.
Мы стоим, свершая требу,
Как обряд велит простой.
У холмов, у ста озер
Много пало тех, кто жили.
На суровый, дубовый костер
Мы руссов тела положили.
И от строгих мертвых тел

Дон восходит и Иртыш.
Сизый дым, клубясь, летел.
Мы стоим, хранили тишь.
И когда веков дубрава
Озарила черный дым, –
Стукнув ружьями, направо
Повернули сразу мы.

1915

76. «Годы, люди и народы...»

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.

<1915>

77. Воспоминания

Достойны славы пехотинцы,
Закончив бранную тревогу.
Но есть на свете красотинцы
И часто с ними идут в ногу.
Вы помните, мы брали Перемышль
Пушкинианской красоты.
Не может быть, чтоб вы не слышали
Осады вашей высоты.
Как судорга – пальба Кусманека,
Иль Перемышль старый старится?
От поцелуев нежных странника
Вся современность ниагарится.
Ведь только, только Ниагаре
Воскликну некогда: «Товарищ!»
(Самоотрицание в анчаре,
На землю ласково чинарясь.)
А вы, старейшие из старых,
Старее, нежели Додо,
Идите прочь! Не на анчарах
Вам вить воробушка гнездо.
Для рукоплескания подмышек
Раскрывши свой увядший рот,
Вас много, трепетных зайчишек,
Скакало в мой же огород.
В моем пере на Миссисипи

Обвенчан старый умный Нил.
Его волну в певучем скрипе
Я эхнатэнственно женил.

<1915>

78. Суэ

На небо восходит Суа.
С востока приходят с улыбкой Суэ.
Бледнея, шатаются нашей земли,
Не могут набег отразить, короли.
Зовут Суэ князя Веспуччи,
Разит он грозою гремучей.
Чипчасы шатаются, падая,
Победой Суэ окровавленно радуя.
И вот Монтезума, бледнея, пришел
И молвил: «О, боги! Вам дали и дол», –
Не смея сказать им: «О, братья!»
Но что же? На нем уж железное платье –
Суэ на владыку надели.
Он гордость смирил еле-еле.
Он сделался скоро темней и смуглей,
Он сделался черен, как пепел.
Три дня он лежал на цветах из углей,
Три дня он из клюва колибрины не пил.
На третий его на носилках уносят.
Как смерть, их пришествие губит и косит.

<1915>

79. Смерть в озере

«За мною, взвод!» –
И по лону вод
Идут серые люди,
Смелы в простуде.
Это кто вырастил серого мамонта грудью?
И ветел далеких шумели стволы.
Это смерть и дружина идет на полюдьё,
И за нею хлынули валы.
У плотины нет забора,
Глухо визгнули ключи.
Колесница хлынула Мора
И за нею влажные мечи.
Кто по руслу шел, утопая,
Погружаясь в тину болота,
Тому смерть шепнула: «Пая,
Здесь стой, держи ружье и жди кого-то».
И к студеным одеждам привыкнув
И застынув мечтами о ней,
Слушай: смерть, пронзительно гикнув,
Гонит тройку холодных коней.
И, ремнями ударив, торопит
И на козлы, гневна вся, встает,
И заречную конницей топит
Кто на Висле о Доне поет.
Чугун льется по телу вдоль ниток,

В руках ружья, а около – пушки.
Мимо лиц – тучи серых улиток,
Пестрых рыб и красивых ракушек.
И выпы протяжно ухали,
Моцарта пропели лягвы,
И мертвые, не зная, здесь мокро, сухо ли,
Шептали тихо: «Заснул бы, ляг бы!»
Но когда затворили гати туземцы,
Каждый из них умолк.
И диким ужасом исказились лица немцев,
Увидя страшный русский полк.
И на ивовой ветке извилин,
Сноп охватывать лапой натужась,
Хохотал задумчивый филин,
Проливая на зрелище ужас.

<1915>

80. Бог XX века

Как А,
Как башенный ответ – который час?
Железной палкой сотню раз
Пересеченная Игла,
Серя в небе, точно Мгла,
Жила. Пастух железный, что он пас?
Прочтя железных строк записки,
Священной осению векши,
Страну стадами пересекая,
Струили цокот, шум и писки.
Бросая ветку, родите стук вы!
Она, упав на коврик клюквы,
Совсем как ты, сокрывши веко,
Молилась богу другого века.
И тучи проволоки упали
С его утеса на леса,
И грозы стаями летали
В тебе, о, медная леса.
Утеса каменные лбы,
Что речкой падали, курчавясь,
И окна северной избы –
Вас озарял пожар-красавец.
Рабочим сделан из осей,
И икс грозы закрыв в кавычки,
В священной печи жег привычки

Страны болот, озер, лосей.
И от браг болотных трезв,
Дружбе чужд столетий-пьяниц,
Здесь возник, быстер и резв,
Бог заводов – самозванец.
Ночью молнию урочно
Ты пролил на города,
Тебе молятся заочно
Труб высокие стада.
Но гроз стрела на волосок
Лишь повернется сумасшедшим,
Могильным сторожем песок
Тебя зарыть не сможет – нечем.
Железных крыльев треугольник,
Тобой заклеван дола гад,
И разум старший, как невольник,
Идет исполнить свой обряд.
Но был глупец. Он захотел,
Как кость игральную, свой день
Провести меж молний. После, цел,
Сойти к друзьям из смерти тень.
На нем охотничьи ремни
И шуба заячьего меха,
Его ружья верны кремни,
И лыжный бег его утеха.
Вдруг слабый крик. Уже смущенные
Внизу столпились товарищи.
Его плащи испепеленные.
Он обнят дымом, как пожарище.

Толпа бессильна; точно курит
Им башни твердое лицо.
Невеста трупа взор зажмурит,
И после взор еще... еще...
Три дин висел как назидание
Он и вышине глубокой неба.
Где смельчака найти, чтоб дань его
Безумству снести на землю, где бы?

<1915>

81. «В холопий город парус тянет...»

В холопий город парус тянет.
Чайкой вольницу обманет.
Куда гнется – это тайна,
Золотая судна райна.
Всюду копыя и ножи,
Хлещут мокрые ужи.
По корме смоленной стукать
Не устанет медный укоть,
На носу темнеет пушка,
На затылках хлопцев смушки.
Что задумались, други,
Иль челна слабы упруги?
Видишь, сам взошел на мост,
Чтоб читать приказы звезд.
Догорят тем часом зори
На смоле, на той кокоре.
Кормщик, кормщик, видишь, пря
В небе хлещется, и зря?
Мчимтесь дальше на досчане!
Мчимся, мчимся, станичане.
Моря веслам иль узки?
Мчитесь дальше, паузки!
В нашей пре заморский лен,
В наших веслах только клен.
На купеческой беяне

Браги груз несется пьяный;
И красивые невольницы
Наливают ковш повольницы.
Голубели раньше льны,
Собирала псковитянка,
Теперь, бурны и сильны,
Плещут, точно самобранка.

<1915>

82. «Усадьба ночью, чингисхань!..»

Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите, синие березы.
Заря ночная, заратустрь!
А небо синее, моцарть!
И, сумрак облака, будь Гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!
Но смерч улыбок пролетел лишь,
Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача
И озирал ночную, смел, тишь.
И вас я вызвал, смелоликих,
Вернул утопленниц из рек.
«Их незабудка громче крика», –
Ночному парусу изрек.
Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.
Мне снилась девушка-лосось
В волнах ночного водопада.
Пусть сосны бурей омамаены
И тучи движутся Батья,
Идут слова, молчаний Каины, –
И эти падают святые.
И тяжелой походкой на каменный бал
С дружиною шел голубой Газдрубал.

<1915>

83. «Ни хрупкие тени Японии...»

Ни хрупкие тени Японии,
Ни вы, сладкозвучные Индии дщери,
Не могут звучать похороннее,
Чем речи последней вечера.
Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило – основа
Для пляски смерти и удачи.

<1915>

84. Зверь + число

Когда мерцает в дыме сел
Сверкнувший синим коромысел,
Проходит Та, как новый вымысел,
И бросит ум на берег чисел.

Воскликнул жрец: «О, дети, дети!» –
На речь афинского посла.
И ум, и мир, как плащ, одеты
На плечах строгого числа.

И если смертный морщит лоб
Над винно-пенным уравнением,
Узнайте: делает он, чтоб
Стать роста на небо растением.

Прочь застенки! Глаз не хмурия,
Огляните чисел лом.
Ведь уже трепещет буря,
Полупоймана числом.

Напишу в чернилах: верь!
Близок день, что всех возвысил!
И грядет бесшумно зверь
С парой белых нежных чисел!

Но, услышав нежный гомон
Этих уст и этих дней,
Он падет, как будто сломан,
На утесы меж камней.

21 августа 1915

85. «И снова глаза щегольнули...»

И снова глаза щегольнули
Жемчугом крупным своим
И просто и строго взглянули
На то, что мы часто таим.
Прекрасные жемчужные глаза,
Звенит в них утром войска «вашество».
За серебром бывают образа,
И им не веровать – нерящество.
Упорных глаз сверкающая резь
И серебристая воздушь.
В глазах: «Певец, иди и грезь!» –
Кроме меня, понять кому ж?
И вы, очаревна, внимая,
Блеснете глазами из льда.
Взошли вы, как солнце в погоду Мамая,
Над степью старою слов «никогда».
Пожар толпы погасит выход
Ваш. Там буду я, вам верен, близь,
Петь восхитительную прихоть
Одеть холодных камней низь.
Ужель, проходя по дорожке из мауни,
Вы спросите тоже: «Куда они?»

Сентябрь – октябрь 1915

86. Пен пан

У вод я подумал о бесе
И о себе,
Над озером сидя на пне.
Со мной разговаривал пен пан
И взора озерного жемчуг
Бросает воздушный, могуч меж
Ивы,
Большой, как и вы.
И много невестнейших вдов вод
Преследовал ум мой, как овод,
Я, брезгая, брызгаю ими.
Мое восклицалось имя –
Шепча, изрицал его воздух.
Сквозь воздух умчаться не худ зов,
Я озеро бил на осколки
И после расспрашивал: «Сколько?»
И мир был прекрасно улыбен,
Но многого этого не было.
И свист пролетевших копыток
Напомнил мне много попыток
Прогнать исчезающий нечет
Среди исчезающих течений.

«конец 1915»

87. «Моих друзей летели сонмы...»

Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грезный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже, куда они?

Начало 1916

88. «Моя так разгадана книга лица...»

Моя так разгадана книга лица:
На белом, на белом – два серые зня!
За мною, как серая пигалица,
Тоскует Москвы простыня.

<Начало 1916>

89. «О, если б Азия сушила волосами...»

О, если б Азия сушила волосами
Мне лицо – золотым и сухим полотенцем,
Когда я в студеном купаюсь ручье.
Ныне я, скромный пастух,
Косу плету из Рейна и Ганга и Хоанхо.
И коровий рожок лежит около –
Отпиленный рог и с скважиной звонкая трость.

<1916>

90. «Вновь труду доверил руки...»

Вновь труду доверил руки
И доверил разум свой.
Он ослабил голос муки,
Неумолчный ночью вой.
Судьбы чертеж еще загадочный
Я перелистываю днями.
Блеснет забытыми заботами
Волнующая бровь,
Опять звенит работами
Неунывающая кровь.

<1916>

91. «Где, как волосы девицыны...»

Где, как волосы девицыны,
Плещут реки, там в Царицыне,
Для неведомой судьбы, для неведомого боя,
Нагибалися дубы нам ненужной тетивою,
В пеший полк 93-й,
Я погиб, как гибнут дети.

19 мая 1916

92. «Татлин, тайновидец лопастей...»

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей
Он железною подковой
Рукой мертвой завязал.
В тайновиденье щипцы.
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслыханны и вещи
Жестяные кистью вещи.

Конец мая 1916

93. «Веко к глазу прилепленно приставив...»

Веко к глазу прилепленно приставив,
Люди друг друга, быть может, целуют,
Быть может же, просто грызут.
Книга войны за зрачками пылает
Того, кто у пушки, с ружьем, но разут.
Потомок! От Костомарова позднего
Скитаясь до позднего Погодина,
Имя прочтете мое, темное, как среди звезд Нева,
Среди клюкву смерти проливших за то, чему имя
старинное «родина»,
А имя мое страшней и тревожней
На столе пузырька
С парой костей у слов: «Осторожней,
Живые пока!»
Это вы, это вы тихо прочтете
О том, как ударил в лоб,
Точно кисть художника, дроби ком,
Я же с зеленым гробиком
У козырька
Пойду к доброй старой тете.
Сейчас все чары и насморк,
И даже брашна,
А там мне не будет страшно.

– На смерть!

2-я половина 1916

94. «Ласок...»

Ласок
Груди среди травы,
Вы вся – дыханье знойных засух.
Под деревом стояли вы,
А косы
Жмут жгут жестоких жалоб в жёлоб,
И вы голубыми часами
Закутаны медной косой.
Жмут, жгут их медные струи.
А взор твой – это хата,
Где жмут веретено
Две мачехи и пряжи.
Я выпил вас полным стаканом,
Когда голубыми часами
Смотрели в железную даль.
А сосны ударили в щит
Своей зажурчавшей хвои,
Зажмуривши взоры старух.
И теперь
Жмут, жгут меня медные косы.

<1916>

95. «Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...»

Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова
Явились вы, как лебедь в озере.
Я не ожидал от вас иного
И не сумел прочесть письмо зари.
А помните? Туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо,
И косы падали вечерней голубиной
На ваше смуглое плечо.
Ведь это вы скрывались в ниве
Играть русалкою на гусях кос.
Ведь это вы, чтоб сделаться красивой,
Блестели медом – радость ос.
Их бусы золотые
Одели ожерельем
Лицо, глаза и волос.
Укусов запятые
Учили препинанью голос,
Не зная ссор с весельем.
Здесь Божия мать, ступая по колосьям,
Шагала по нивам ночным.
Здесь думою медленной рос я
И становился иным.
Здесь не было «да»,

Но не будет и «но».

Что было – забыли, что будем – не знаем.

Здесь Божия мать мыла рядом,

И голубь садится на темя за чаем.

1916, 1922

96. «Народ поднял верховный жезел...»

Народ поднял верховный жезел,
Как государь идет по улицам.
Народ восстал, как раньше грезил.
Дворец, как Цезарь раненный, сутулится.

В мой царский плащ окутанный широко,
Я падаю по медленным ступеням,
Но клич «Свободе не изменим!»
Пронесся до Владивостока.

Свободы песни, снова вас поют!
От песен пороха народ зажегся.
В кумир свободы люди перельют
Тот поезд бегства, тот, где я отрекся.

Крылатый дух вечернего собора
Чугунный взгляд косит на пулеметы.
Но ярость бранного позора –
Ты жрица, рвущая тенета.

Что сделал я? Народной крови темных снегирей
Я бросил около пылающих знамен,
Подругу одевая, как Гирей,

В сноп уменьшительных имен.

Проклятья дни! Ужасных мук ужасный стон.

А здесь – о, ржавчина и цвель! –

Мне в каждом зипуне мерещится Дантон,

За каждым дереном – Кромвель.

10 марта 1917

97. Огневоду

Слово пою я о том,
Как огневод, пота струями покрытый, в пастушеской
шкуре из пепла, дыма и копоти,
Темный и смуглый,
Белым поленом кормил тебя,
Дрвоедного зверя огня.
Он, желтозарный, то прятался смертью
За забор темноты, то ложился кольцом, как собака,
В листве черного дерева мрака.
И тогда его глаз нам поведал про оперение синего
зимородка.
И черными перьями падала черная ветвь темноты.
После дико бросался и грыз, гривой сверкнув золотой,
Груды полен сребрунных,
То глухо выл, пасть к небу подняв, – от холода пламенный
голод, жалуясь звездам.
Через решетку окна звезды смотрели.
И тебя, о, огонь, рабочий кормил
Тушами белых берез испуганной рощи,
Что колыхали главами, про ночь шелестя
И что ему все мало бы, а их ведь не так уже много.
О приходе людей были их жалобы. Даже
На вывеску «Гробов продажа» (крик улиц темноты)
Падала тихая сажа.

23 октября 1917

98. «А я...»

Л. Г.

А я
Из вздохов дань
Сплетаю
В Духов день.
Береза склонялась к соседу,
Как воздух зеленый и росный.
Когда вы бродили по саду,
Вы были смелы и прекрасны.
Как будто увядает день его,
Береза шуметь не могла.
И вы ученица Тургенева!
И алое пламя повязки узла!
Может быть, завтра
Мне гордость
Сиянье сверкающих гор даст.
Может, я сам,
К седьмым небесам
Многих недель проводник,
Ваш разум окутаю,
Как строгий ледник,
И снежными глазами
В зеленые ручьи
Парчой спадая гнутою,

Что все мы – ничьи,
Плещем у ног
Тканей низами.
Горной тропею поеду я,
Вас проповедуя.
Чтоб звезды и солнце – все позже устроится.
А вы, вы – девушка в день Троицы.
Там буду скитаться годы и годы.
С коз
Буду писать сказ
О прелестях горной свободы.
Их дикое вымя
Сосет пастушонок.
Где грозы скитаются мимо,
В лужайках зеленых,
Где облако мальчик теребит,
А облако – лебедь,
Усталый устами.
А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает, светел,
Выше откоса.
Ветер утих. И утих
Вечер утех
У тех смелых берез,
С милой смолой,
Где вечер в очах
Серебряных слез.

И дерево чар серебряных слов.
Нет, это не горы!
Думаю, ежели к небу камень теснится,
А пропасти пеной зеленою моются,
Это твои в день Троицы
Шелковые взоры.
Где тропинкой шелковой,
Помните, я шел к вам,
Шелковые ресницы!
Это,
Тонок
И звонок,
Игрис в свирель
Пастушонок.
Чтоб кашу сварить,
Пламя горит.
А в омуте синем
Листья кувшинок.

<Май – июнь, 1918>

99. Харьковское Оно́

Где на олене суровый король
Вышел из сумрака северных зорь,
Где белое, белое – милая боль,
Точно грыз голубя милого хорь.

Где ищет белых мотыльков
Его суровое бревно,
И рядом темно молоко –
Так снежен конь. На нем Оно!

Оно струит, как темный мед,
Свои целуемые косы.
На гриве бьется. Кто поймет,
Что здесь живут великороссы?

Ее речными именами
Людей одену голоса я.
Нога качает стремянами,
Желтея смугло и босая.

<Лето 1918>

100. «Сияющая вольза...»

Сияющая вольза
Желаемых ресниц
И ласковая дольза
Ласкающих десниц.
Чезори голубые
И нрови своенравия.
О, мраво! Моя моролева,
На озере синем – мороль.
Ничтруссы – туда!
Где плачет зороль.

<1918>

101. «Ветер – пение...»

Ветер – пение
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча быть мячом.
Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок.
В струны великих, поверьте,
Ныне играет Восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И, многих людей проводник,
Я разум одену, как белый ледник.

1918–1919

102. О свободе

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней – туда!
Люди крылом лебединым
Знамя проносят туда.

Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении – холод!
Пусть на земле образа!
Новых построит их голод.

Двинемся, дружные, к песням!
Все за свободой – вперед!
Станем землею – воскреснем,
Каждый потом оживет!

Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

Начало ноября 1918, 1922

103. Жизнь

Росу вишневую меча
Ты сушишь волосом волнистым.
А здесь из смеха палача
Приходит тот, чей смех неистов.

То черноглазаю гадалкой,
Многоглагольная, молчишь,
А то хохочущей русалкой
На бивне мамонта сидишь.

Он умер, подымая бивни,
Опять на небе виден Хорс.
Его живого знали ливни –
Теперь он глыба, он замерз.

Здесь скачешь ты, нежна, как зной,
Среди ножей, светла, как пламя,
Здесь облак выстрелов сквозной,
Из мертвых рук упало знамя.

Здесь ты поток времен убыстрила,
Скороговоркой судит плаха.
А здесь кровавой жертвой выстрела
Ложится жизни черепаха.

Здесь красных лебедей заря
Сверкает новыми крылами.
Там надпись старого царя
Засыпана песками.

Здесь скачешь вольной кобылицей
По семикрылому пути.
Здесь машешь алою столицей,
Точно последнее «прости».

Начало января 1919

104. «В этот день голубых медведёй...»

В этот день голубых медведёй,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за синей водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

На серебряной ложке протянутых глаз
Мне протянуто море и на нем буревестник;
И к шумящему морю, вижу, птичая Русь
Меж ресниц пролетит неизвестных.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но зато в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

<1919>

105. «Весны пословицы и скороговорки...»

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенет
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползет.

Весна 1919

106. «Весеннего Корана...»

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних послгов.
Как солнца рыболов,
В надмирную синюю тоню
Закинувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бури запах свежий.
О, тополь-рыбак,
Станом зеленый,
Зеленые неводы
Ты мечешь столба.
И вот весенний бог
(Осетр удивленный)
Лежит на каждой лодке
У мокрого листа.
Открыла просьба: «Небо дай» –
Зеленые уста.
С сетями ловли бога
Великий Тополь
Ударом рога
Ударит б поле
Волною синей водки.

Весна 1919

107. «Над глухонемой отчизной «Не убей!»...»

Над глухонемой отчизной: «Не убей!»

И голубой станицей голубей

Пьяница пением посоха пуйль,

Когда ворковало мычание гуль:

«Взвод, направо, разом пли!

Ошибиться не моги! Стой – пали!

Свобода и престол,

Вперед!»

И дева красная, открыв подол,

Кричит: «Стреляй в живот!

Смелее, прямо в пуп!»

Храма дальнего набат,

У забора из оград

Общий выстрел, дымов восемь –

«Этот выстрел невпопад!»

Громкий выстрелов раскат.

Восемнадцать быстрых весен

С песней падают назад.

Молот выстрелов прилежен,

И страницей ночи нежен,

По-русалочьи мятежен

Умный труп.

Тело раненой волчицы

С белой пеной на губах?
Пехотинца шаг стучится
Меж малиновых рубах.
Так дваждыпадшая лежала,
И ветра хладная рука
Покров суровый обнажала.
Я видел тебя, русалку восстаний,
Где стонут!

1919

108. Случай

Напитка огненной смолой
Я развеселил суровый чай,
И Лиля разуму «долой»
Провозглашает невзначай.
И пара глаз на кованом затылке
Стоит на страже бытия.
Лепешки мудрые и вилки,
Цветов кудрявая и смелая семья.
Прозрачно-белой кривизной
Нас отражает самовар,
Его дыхание и зной,
И в небо падающий пар –
Всё бытия дает уроки,
<Закона требуя взамен> потоки.

Бег могучий, бег трескучий
Прямо к солнцу <держит> бык,
Смотрит тучей, сыплет кучей
Черных искр, грозить привык.
Добрый бык, небес не мучай,
Не дыши, как паровик.
Ведь без неба <видеть> нечем,
В чьи рога венками мечем.

109. «Точит деревья и тихо течет...»

Точит деревья и тихо течет
В синих рябинах вода.
Ветер бросает нечет и чёт,
Тихо стоят невода.
В воздухе мглистом испарина,
Где-то, не знают кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом дивчина.
И только шум ночной осоки,
И только дрожь речного злака,
И кто-то бледный и высокий
Стоит, с дубровой одинаков.

<1919>

110. «И черный рак на белом блюде...»

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи.
И разговоры о простуде,
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок:
«Мы погибоша, аки обре!»
Как Цезарь некогда, до ног
Закройся занавесью. Добре!
Умри, родной мой. Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
«Я тот, кого не беспокоят».

<1919>

111. Мои походы

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака –
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

1919–1920

112. «Собор грачей осенний...»

Собор грачей осенний,
Осенняя дума грачей.
Плетня звено плетений,
Сквозь ветер сон лучей.
Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Речной воды затоны
И снежный путь холста.
Три девушки пытали:
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им немного лет.
И всюду меркнет тень,
Ползет ко мне плетень.
Нет!

1919–1920

113. Праотец

Меток из тюленей могучих на теле охотника,
Широко льются рыбьей кожи измятые покровы.
И чучеле сухого осетра стрелы
С орлиными перышками, дроты прямые и тонкие,
С камнем, кремнем зубчатым на носу вместо клюва и
парою перьев орлиных на хвосте.
Суровые могучие открыты глаза, длинные жестокие
волосы у охотника.
И лук в руке, с стрелой наготове, осторожно вытянут
вперед,
Подобно оку бога и сновидению, готовый ринуться
певучей смертью: Дззи!
Ни грубых круглых досках и ремнях ноги.

1919–1920

114. Кормление голубя

Вы пили теплое дыхание голубки,
И, вся смеясь, вы наглецом его назвали.
А он, вложив горбатый клюв в накрашенные губки
И трепеща крылом, считал вас голубем? Едва ли!
И стая иволог летела,
Как треугольник зорь, на тело,
Скрывая сумраком бровей
Зеркала утренних морей.
Те низко падали, как пение царей.
За их сияющей соломой,
Как воздухом погоды золотой,
Порою вздрагивал знакомый
Холма на землю лёт крутой.
И голубя малиновые лапки
В ее прическе утопали.
Он прилетел, осенне-зябкий.
Он у товарищей в опале.

1919–1920

115. «Сыновееет ночи синева...»

Сыновееет ночей синева,
Веет во всё любимое,
И кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.
Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.
Это было, когда великаны
Одевались алой чалмой
И моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.
Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея
И на вале морском вдалеке
Крыло подымалось косое.

1920

116. Город будущего

Здесь площади из горниц, в один слой,
Стеклянную страницу повисли,
Здесь камню сказано «долгой»,
Когда пришли за властью мысли.
Прямоугольники, чурбаны из стекла,
Шары, углов, полей полет,
Прозрачные курганы, где легла
Толпа прозрачно-чистых сот,
Раскаты улиц странного чурбана
И лбы стены из белого бревна –
Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина.
Где небо пролито из синего кувшина,
Из рук русалки темной площади,
И алошарая вершина
Светла венком стеклянной проседи,
Ученым глазом в ночь иди!
Ее на небо устремленный глаз
В чернила ночи ярко пролит.
Сорвать покровы напоказ
Дворец для толп упорно волит,
Чтоб созерцать ряды созвездий
И углублять закон возмездий.
Где одинокая игла
На страже улицы угла,

Стеклянный путь покоя над покоем
Был зорким стражем тишины,
Со стен цветным прозрачным роем
Смотрели старцы-вещуны.
В потоке золотого, куполе,
Они смотрели, мудрецы,
Искали правду, пытали, глупо ли
С сынами сеть ведут отцы.
И шуму всего человечества
Внимало спокойное жречество.
Но книгой черных плоскостей
Разрежет город синеву,
И станет больше и синей
Пустотный ночи круг.
Над глубиной прозрачных улиц
В стекле тяжелом, в глубине
Священных лиц ряды тянулись
С огнем небес наедине.
Разрушив жизни грубый кокон,
Толпа прозрачно-светлых окон
Под шаровыми куполами
Былых видений табуны,
Былых времен расскажет сны.
В высоком и отвесном храме
Здесь рода смертного отцы
Взошли на купола концы,
Но лица их своим окном,
Как невод, не задержат свет<a>,
На черном вырезе хором

Стоит толпа людей завета.
Железные поля, что ходят ни колесах
И возят мешок толп, бросая общей кучей,
Дворец стеклянный, прямей, чем старца посох,
Свою бросают ось, один на черных тучах.
Ремнями приводными живые ходят горницы,
Светелка за светелкою, серебряный набат,
Узнавшие неволю веселые затворницы,
Как нити голубые стеклянных гладких хат.
И, озаряя дол,
Верхушкой гордой цвел
Высокий горниц ствол.
Окутанный зарницей,
Стоит высот цевницей.
Отвесная хором нить,
Верхушкой сюда падай,
Я буду вечно помнить
Стены прозрачной радуй.
О, ветер города, размерно двигай
Здесь неводом ячеек и сетей,
А здесь страниц стеклянной книгой,
Здесь иглами осей,
Здесь лесом строгих плоскостей.
Дворцы-страницы, дворцы-книги,
Стеклянные развернутые книги,
Весь город – лист зеркальных окон,
Свирель в руке суровой рока.
И ляжкой на шее бурлака
Влача устало небеса,

Ты мечешь в даль стеклянный дол,
Разрез страниц стеклянного объема
Широкой книгой открывал.
А здесь на вал окутал вал прозрачного холста,
Над полом громоздил устало пол,
Здесь речи лил сквозь львиные уста
И рос, как множество зеркального излома.

1920

117. Слово о Эль

Когда судов широкий вес
Был пролит на груди,
Мы говорили: видишь, лямка
На шее бурлака.
Когда камней бесился бег,
Листом в долину упадая,
Мы говорили – то лавина.
Когда плеск волн, удар в моржа,
Мы говорили – это ласты.
Когда зимой снега хранили
Шаги ночные зверолова,
Мы говорили – это лыжи.
Когда волна лелеет челн
И носит ношу человека,
Мы говорили – это лодка.
Когда широкое копыто
В болотной тони держит лося,
Мы говорили – это лапа.
И про широкие рога
Мы говорили – лось и лань.
Через осипший пароход
Я увидал кривую лопасть:
Она толкала тяжесть вод,
И луч воды забыл, где пропасть.
Когда доска на груди воина

Ловила копья и стрелу,
Мы говорили – это латы.
Когда цветов широкий лист
Облавой ловит лёт луча,
Мы говорим – протяжный лист.
Когда умножены листы,
Мы говорили – это лес.
Когда у ласточек протяжное перо
Блеснет, как лужа ливня синего,
И птица льется лужей ноши,
И лег на лист летуньи вес,
Мы говорим – она летает,
Блестая глазом самозванки.
Когда лежу я на лежанке,
На ложе лога на лугу,
Я сам из тела сделал лодку,
И лень на тело упадает.
Ленивец, лодырь или лодка, кто я?
И здесь и там пролита лень.
Когда в ладонь сливались пальцы,
Когда не движет легот листья,
Мы говорили – слабый ветер.
Когда вода – широкий камень,
Широкий пол из снега,
Мы говорили – это лед.
Лед – белый лист воды.
Кто не лежит во время бега
Звериным телом, но стоит,
Ему названье дали – люд.

Мы воду черпаем из ложки.
Он одинок, он выскочка зверей,
Его хребет стоит, как тополь,
А не лежит хребтом зверей.
Прямостоячее двуногое,
Тебя назвали через люд.
Где лужей пролилися пальцы,
Мы говорили – то ладонь.
Когда мы легки, мы летим.
Когда с людьми мы, люди, легки,
Любим. Любимые – людимы.
Эль – это легкие Лели,
Точек возвышенный ливень,
Эль – это луч весовой,
Воткнутый в площадь ладьи.
Нить ливня и лужа.
Эль – путь точки с высоты,
Остановленный широкой
Плоскостью.
В любви сокрыт приказ
Любить людей,
И люди – те, кого любить должны мы.
Матери ливнем любимец –
Лужа-дитя.
Если шириною площади остановлена точка – это Эль.
Сила движения, уменьшенная
Площадью приложения, – это Эль.
Таков силовой прибор,
Скрытый за Эль.

Начало 1920

118. «Москвы колымага...»

Москвы колымага,
В ней два имаго.
Голгофа
Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи, отелись
В шубе из лис!

Апрель 1920

119. Праздник труда

Алое плавало, алое
На копьях у толпы.
Это труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Труднеделя! Труднеделя!
Кожа лоснится рубах.
Льется песня, в самом деле,
В дне вчерашнем о рабах,
О рабочих, не рабах!
И, могучая, раскатом
Песни падает, пока
Озаряемый закатом
Отбивает трепака.
Лишь приемы откололи
Сапогами впереди,
Как опять Востоком воли
Песня вспыхнула в груди.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в медный рот!
Веселым чародеям
Широкая дорога.
Трубач, обвитый змеем
Изогнутого рога.
Это синие гусары
На заснувшие ножи

Золотые лили чары
Полевых колосьев ржи.
Городские очи радуя
Огневым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит, беззаботен.
И на площади пологой
Гулко шли рогоголовцы –
Битвенным богом
Желтый околыш, знакомый тревогам.
И на затылках, наголо стриженных,
Раньше униженных, –
Черные овцы.
Лица закрыли,
Кудри струили.
Суровые ноги в зеленых обмотках,
Ищут бойцы за свободу знакомых,
В каждой винтовке ветка черемухи –
Боевой привет красотке.
Как жестоки и свирепы
Скакуны степных долин!
Оцепили площадь цепи,
На макушках – алый блин!
Как сегодня ярки вещи!
Золотым огнем блеснув,
Знамя падает и плещет,
Славит ветер и весну.
Это идут трубачи,
С ног окованные в трубы.

Это идут усачи,
В красоте суровой грубы.
И, как дочь могучей меди
Меж богов и меж людей,
Звуки, облаку соседи,
Рвутся в небо лебедей!
Веселым чародеям
Свободная дорога,
Трубач сверкает змеем
Изогнутого рога.
Алый волос расплескала,
Точно дева, площадь города,
И военного закала
Черны ветреные бороды.
Золото красными птицами
Носится взад и вперед.
Огненных крыл вереницами
Был успокоен народ.

20 апреля 1920

120. Горные чары

Я верю их вою и хвоям,
Где стелется тихо столетье сосны
И каждый умножен и нежен,
Как баловень бога живого.
И вижу широкую вежу
И нежу собою и нижу.
Падун улетает по дань,
И вы, точно ветка весны,
Летя по утиной реке паутиной.
Ночная усадьба судьбы,
Север цели всех созвездий
Созерцали вы.
Вилось одеянье волос,
И каждый – путь солнца,
Летевший в меня, чтобы солнце на солнце менять.
Березы мох – маленький замок,
И вы – одеяние ивы,
Что с тихим напевом «увы!»
Качала качель головы.
На матери камень
Ты встала; он громок
Морями и материками,
Поэтому пел мой потомок.
Но ведом ночным небосводом
И за руку зорями зорко ведом.

Вхожу в одинокую хижу,
Куда я годую себя и меня.
Печаль, распустив паруса,
Где делится горе владелицы,
Увозит свои имена,
Слезает неясной слезой,
Изученной тропкой из окон
Хранимой хра<мин>ы.
И лавою падает вал,
Оливы желанья увел
Суровый поток
Дорогою пяток.

1920

121. Каракурт

От зари и до́ ночи
Вяжет Врангель онучи,
Он готовится в поход
Защищать царев доход.
Чтоб, как ранее, жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видать бы никогда.
Чтоб жилось бы им как прежде,
Так, чтоб ни в одном глазу,
Сам господь, высок в надежде,
Осушил бы им слезу.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак,
Сам господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Есть волшебная овца,
Каждый год дает руно.
«Без содействия Творца
Быть купцами не дано».
Кровь волнуется баронья.
«Я спаситель тех, кто барин».
Только каркает воронья
Стая: «Будешь ты зажарен!»
Тратьте рати, рать за ратью,

Как морской песок.
Сбросят в море вашу братью:
Советстят – высок.

Конец октября 1920

122. Алеше Крученых

Игра в аду и труд в раю –
Хорошеу́ки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время?
Сим победиши!

26 октября 1920

123. Саян

Саян здесь катит вал за валом,
И берега из мела.
Здесь думы о бывалом
И время онемело.
Вверху широким полотнищем
Шумят тревожно паруса,
Челнок смутил широким днищем
Реки вторые небеса.
Что видел ты? Войска?
Собор немых жрецов?
Иль повела тебя тоска
Туда, в страну отцов?
Зачем ты стал угрюм и скупен,
Тебя течением несло,
И вынул из уключин
Широкое весло?
И, прислонясь к весла концу,
Стоял ты, очарован,
К ночному камню-единцу
Был смутный взор прикован.
Пришел охотник и раздел
Себя от ветхого покрова,
И руки на небо воздел
Молитвой зверолова.
Поклон глубокий три раза,

Обряд кочевника таков.
«Пойми, то предков образа,
Соседи белых облаков».
На вышине, где бор шумел
И где звенели сосен струны,
Художник вырезать умел
Отцов загадочные руны.
Твои глаза, старинный боже,
Глядят в расщелинах стены.
Пасут оленя и треножат
Пустыни древние сыны.
И за суровым клинопадом
Бегут олени диким стадом.
Застыли сказочными птицами
Отцов письма в поднебесья.
Внизу седое красное сье
Поет вечерними синицами.
В своем величии убогом
На темя гор восходит лось
Увидеть договора с богом
Покрытый знаками утес.
Он гладит камень своих рог
О черный каменный порог.
Он ветку рвет, жует листы
И смотрит тупо и устало
На грубо-древние черты
Того, что миновало.

II

Но выше пояса письмен,
Каким-то отроком спасен,
Убогий образ на березе
Красою ветхою сиял.
Он наклонился детским ликом
К широкой бездне перед ним,
Гвоздем над пропастью клоним,
Грозою дикою щадим,
Доской закрыв березы тыл,
Он, очарованный, застыл.
Лишь черный ворон с мрачным криком
Летел по небу, нелюдим.
Береза что́ ему сказала
Своею чистою корой,
И пропасть что́ ему молчала
Пред очарованной горой?
Глаза нездешние расширил,
В них голубого света сад.
Смотрел туда, где водопад
Себе русло ночное вырыл.

1920–1921

124. Море

Бьются синие которы
И зеленые имуры.
Эй, на палубу, поморы,
Эй, на палубу, музуры,
Голубые удальцы!
Ветер баловень – а-ха-ха! –
Дал пощечину с размаха,
Судно село кукарачь,
Скинув парус, мчится вскачь.
Волны скачут лата-тах!
Волны скачут а-ца-ца!
Точно дочери отца.
За морцом летит морцо.
Море бешеное взы-ы!
Море, море, но-но-но!
Эти пади, эти кручи
И зеленая крутель.
Темный волн кумоворот,
В тучах облако и мра
Белым баловнем плывут.
Моря катится охава,
А на небе виснет зга –
Эта дзыга синей хляби,
Кубари веселых волн.
Море вертится юлой,

Море грезит и моргует
И могилами торгует.
Наше оханное судно
Полететь по морю будно.
Дико гонятся две влаги,
Обе в пене и белаге,
И волною кокова
Сбита, лебеда глава.
Море плачет, море вакает,
Черным молния варакает.
Что же, скоро стихнет вза
Наша дикая гроза?
Скоро выглянет ваража
И исчезнет ветер вражий?
Дырой диль сияет в небе,
Буря шутит и шиганит,
Небо тучи великанит.
Эй, на палубу, поморы,
Эй, на палубу, музуры,
Ветер славить молодцы!
Ветра с морем нелады
Доведут нас до беды.
Судно бьется, судну ва-ва!
Ветер бьется в самый корог,
Остов бьется и трещит.
Будь он проклят, ветер-ворог, –
От тебя молитва щит.
Ветер лапою ошкуя
Снова бросится, тоскуя,

Грозно вырастет волна,
Возрастая в гневе старом,
И опять волны ударом
Вся ладья потрясена.
Завтра море будет óтеть,
Солнце небо позолотит.
Буря – киш, буря – кши!
Почернел суровый юг,
Занялась ночная темень.
Это нам пришел каюк,
Это нам приходит неман.
Судну ва-ва, море бяка,
Море сделало бо-бо.
Волны, синие борзые,
Скачут возле господина,
Заяц тучи на руке.
И волнисто-белой грудью
Грозят люду и безлюдью,
Полны злости, полны скуки.
В небе черном серый кукиш,
Небо тучам кажет шиш.
Эй ты, палуба лихая,
Что задумалась, молчишь?
Ветер лапою медвежьей
Нас голубит, гладит, нежит.
Будет небо голубо,
А пока же нам бо-бо.
Буря носится волчком,
По морскому бога хая.

А пока же, охохонюшки,
Ветру молимся тихонечко.

1920–1921

125. «Как стадо овец мирно дремлет...»

Как стадо овец мирно дремлет,
Так мирно дремлют в коробке
Боги былые огня – спички, божественным горды огнем.
Капля сухая желтой головки на ветке,
Это же праотцев ужас –
Дикий пламени бог, скорбный очами,
В буре красных волос.
Молния пала ни хату отцов с соломенной крышей,
Дуб раскололся, дымится,
Жены и дети, и старцы, невесты черноволосые,
Их развевались волосы, –
Все убегают в леса, крича, оборачиваясь, рукой подымая
до неба,
На острые зубы зверя лесного, гадов шипящих укус,
Как обед для летучего гнуса.
Дико пещера пылает:
Золото здесь, зелень и синь горят языками.
Багровый, с зеленью злою
Взбешенных глаз в красных ресницах,
Бог пламени, жениной палкой побитый,
Машет дубиной корявой, гнев на селе срывает.
Соседи бросились грабить село из пещер.
Копья и нож, крики войны!

Клич «С нами бог!»,
И каждый ворует у бога
Дубину и длинные красные волосы.
«Бог не с нами!» – плачут в лесу
Деревни пылавшей жильцы.
Как волк, дико выл прадед,
Видя, как пеплом
Становится хижина.
Только угли горят и шипят.
Ничего уже больше, горка золы.
Смотрят глазами волков
Из тьмы. Плачь, жена!
Нет уже хижины милой
Со шкурами, удочками, копьями
И мясом оленей, прекрасным на вкус.
В горы бежит он проворно, спасаясь.

А сыны «Мы с нами!»
Запели, воинственные.
И сделали спички,
Как будто и глупые –
И будто божественные,
Молнию так покорив,
Заперев в узком пространстве.
«Мы с нами!» – запели сурово они,
Точно перед смертью. –
Ведайте, знайте: «Мы с нами!»
Сделали спички –
Стадо ручное богов,

Огня божество победив.
Это победа великая и грозная.
К печке, к работе
Молнию с неба свели.
Небо грозное, полное туч, –
Первая коробка для спичек,
Грозных для мира.
Овцы огня в руне золотом
Мирно лежат в коробке.
А раньше пещерным львом
Рвали и грызли людей,
Гривой трясли золотой.
А я же, алчный к победам,
Буду делать сурово
Спички судьбы,
Безопасные спички судьбы!
Буду судьбу зажигать,
Разум в судьбу обмакнув.
«Мы с нами!» – Спички судьбы.
Спички из рока, спички судьбы.
Кто мне товарищ?
Буду судьбу зажигать,
Сколько мне надо
Для жизни и смерти.
Первая коробка
Спичек судьбы –
Вот она! Вот она!

126. «Люди! Над нашим окном...»

Люди! Над нашим окном
В завтрашний день
Повесим ковер кумачовый,
Где были бы имена Платона и Пугачева.
Пророки, певцы и провидцы!
Глазами великих озер
Будем смотреть на ковер,
Чтоб большинству не ошибиться!

<1921>

127. Самострел любви

Хотите ли вы
Стать для меня род тетивы
Из ваших кос крученых?
На лук ресниц, в концах печенный,
Меня стрелюю нате,
И я умчусь грозы пернатей.

25 января 1921

128. «Тайной вечера глаз знает много Нева...»

Тайной вечера глаз знает много Нева,
Здесь спасителей кровь причастилась вчера
С телом севера, камнем булыжника.
В ней воспета любовь отпылавших страниц.
Это пеплом любви так черны вечера
И рабочих и бледного книжника.
Льется красным струя,
Лишь зажжется трояк
На усталых мостах.
Трубы ветра грубы,
А решетка садов стоит стражей судьбы.
Тайной вечера глаз знает много Нева
У чугунных коней, у широких камней
Дворца Строганова.

Февраль 1921, начало 1922

129. «Девушки, те, что шагают...»

Девушки, те, что шагают
Сапогами черных глаз
По цветам моего сердца.
Девушки, опустившие копья
На озера своих ресниц.
Девушки, моющие ноги
В озере моих слов.

<1921>

130. «Люди! Утопим вражду в солнечном свете!..»

Люди! Утопим вражду в солнечном свете!
В плаще мнимых звезд ходят – я жду –
Смелых замыслов дети,
Смелых разумов сын.

<1921>

131. «Помимо закона тяготения...»

Помимо закона тяготения
Найти общий строй времени,
Ярочатых солнечных гусель, –
Основную мелкую ячейку времени и всю сеть.

<1921>

132. Моряк и поец

Как хижина твоя бела!
С тобой я подружился!
Рука морей нас подняла
На высоту, чтоб разум закружился.
Иной открыт пред нами выдел.
И, пьяный тем, что я увидел,
Я Господу ночей готов сказать:
«Братишка!» –
И Млечный Путь
Погладить по головке.
Былое – как прочитанная книжка.
И в море мне шумит братва,
Шумит морскими голосами,
И в небесах блестит братва
Детей лукавыми глазами.
Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть, что есть, в земное братство?
И, открывая умные объятья,
Воскликнуть: «Звезды – братья! Горы – братья!
Боги – братья!»
Сапожники! Гордо сияющий
Весь Млечный Путь –
Обуви дерзкой дратва.
Люди и звезды – братва!
Люди! Дальше окоп

К силе небесной проложим.
Старые горести – стоп!
Мы быть крылатыми можем.
Я, человечество, мне научу
Ближние солнца честь отдавать!
«Ась, два», – рывкая солнцам сурово.
Солнце! Дай ножку!
Солнце! Дай ножку!

Загар лица, как ветер, смугол,
Синел морской рубашки угол.
Откуда вы, моряк?

Где моря широкий уступ
В широкую бездну провалится,
Как будто казнен Лизогуб
И где-то невеста печалится.
И воды носятся вдали,
Уж покорены небесами.
Так головы, казненные Али,
Шептали мертвыми устами
Ему, любимцу и пророку,
Слова упорные: «Ты – бог» –
И медленно скользили по мечу,
И умирали в пыли ног,
Как тихой смерти вечера,
Когда рыдать и грезить нечего.
И чокаясь с созвездьем Девы
И полночи глубокой завсегдагой,

У шума вод беру напевы,
Напевы слова и раскаты.
Годы прошедшие, где вы?
В земле нечитаемых книг!
И пело созвездие Девы:
«Будь, воин, как раньше, велик!»
Мы слышим в шуме дальних весел,
Что ужас радостен и весел,
Что он – у серой жизни вычет
И с детской радостью граничит.

<Начало 1921>

133. «И вечер тедец...»

И вечер тедец,
И тополь земец,
И мореречи,
И ты, далече!

<1921>

134. «“Э-э! Ы-ым!” – весь в поту...»

«Э-э! Ы-ым!» – весь в поту,
Понукает вола серорогого,
И ныряет соха выдрой в топкое логово.
Весенний кисель жевали и ели зубы сохи деревянной.
Бык гордился дородною складкой на шее
И могучим холмом на шее могучей,
Чтобы пленять им коров,
И рога перенял у юного месяца,
Когда тот блестит над темным вечерним холмом.
Другой – отдыхал,
Черно-синий, с холмом на шее, с горбом,
Стоял он, вор черно-синей тени от дерева,
С нею сливаясь.
Жабы усердно молились, работая в большие пузыри,
Точно трубач в рог,
Надув ушей перепонки, раздув белые шары.
Толстый священник сидел впереди,
Глаза золотые навывкате,
И книгу погоды читал.
Черепяхи вытягивали шеи, точно удивленные,
Точно чем<-то> в этом мире изумленные, протянутые к тайне.
Весенних запахов и ветров пулемет –
Очнись, мыслитель, есть и что-то –
В нахмуренные лбы и ноздри,

Ноздри пленяя пулями красоты обоняния,
Стучал проворно «ту-ту-ту».
Цветы вели бои, воздушные бои пылью,
Сражались пальбою пушечных запахов,
Билися битвами запахов:
Кто медовее – будет тот победитель.
И давали уроки другой войны
И запахов весенний пулемет,
И вечер, точно первосвященник зари.
Битвами запаха бились цветы,
Летали душистые нули.
И было согласное и могучее пение жаб
В честь ясной погоды.
Люди, учитесь новой войне,
Где выстрелы сладкого воздуха,
Окопы из брачных цветов,
Медового неба стрельба, боевые приказы.
И вздымались молитвенниками,
Богослужбными книгами пузыри
У квакавших громко лягушек,
Набожных, как всегда вечерами при тихой погоде.

Весна 1921

135. Пасха в Энзели

Темно-зеленые, золотоокие всюду сады,
Сады Энзели.
Это растут портахалы,
Это нарынчи
Золотою рососою осыпали
Черные ветки и сучья.
Хинное дерево
С корой голубой
Покрыто улитками.
А в Баку нет нарынчей,
Есть остров Наргинь,
Отчего стала противною
Рыба морская, белуга или сомы.
О сумасшедших водолазах
Я помню рассказы
Под небом испуганных глаз.
Тихо. Темно.
Синее небо.
Цыганское солнышко всходит,
Сияя на небе молочном.
Бочонок джи-джи
Пронес армянин,
Кем-то нанят.
Братва, обнимаясь, горланит:
«Свадьбу новую справляет

Он, веселый и хмельной.
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной».

Так до утра.

Пения молкнут раскаты.

Слушай, годок: «Троцкий» пришел.

«Троцкого» слышен гудок.

Утро. Спали, храпели.

А берега волны бились и пели.

Утро. Ворона летит,

И курским соловьем

С вершины портахала

Поет родной России Ка,

Вся надрываясь хрипую грудью.

На родине, на севере, ее

Зовут каргою.

Я помню, дикий калмык

Волжской степи

Мне с сердцем говорил:

«Давай такие деньги,

Чтоб была на них карга».

Ноги, усталые в Харькове,

Покрытые ранами Баку,

Высмеянные уличными детьми и девицами,

Вымыты в зеленых водах Ирана,

В каменных водоемах,

Где плавают красные до огня

Золотые рыбы и отразились плодовые деревья

Ручным бесконечным стадом.
Отрубить в ущельи Зоргама
Темные волосы Харькова,
Дона и Баку.
Темные вольные волосы,
Полные мысли и воли.

Весна 1921

136. Новруз труда

Снова мы первые дни человечества!
Адам за адамом
Проходят толпой
На праздник Байрама
Словесной игрой.
В лесах золотых
Заратустры,
Где зелень лесов златоуста!
Это был первый день месяца Ая.
Уснувшую речь не забыли мы
В стране, где название месяца – Ай
И полночью Ай тихо светит с небес.
Два слова, два Ая,
Два голубя бились
В окошко общей таинственной были...
Алое падает, алое
На древках с высоты.
Мощный труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в рыжий рот.
Городские очи радуя
Золотым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит, беззаботен.

Трубач, обитый змеем
Изогнутого рога!
Веселым чародеям
Широкая дорога!
Несут виденье алое
Вдоль улицы знамёнщики,
Воспряньте, все усталые!
Долой, труда погонщики!
Это день мирового Байрама.
Поодаль, как будто у русской свободы на паперти,
Ревнивой темницею заперты,
Строгие, грустные девы ислама.
Черной чадрую закутаны,
Освободителя ждут они.
Кардаш, ружье на изготовку
Руками взяв, несется вскачь,
За ним летят на джигитовку
Его товарищи удач.
Их смуглые лица окутаны в шали,
А груди в высокой броне из зарядов,
Упрямы кони устало дышали
Разбойничьей прелестью горных отрядов.
Он скачет по роще, по камням и грязям,
Сквозь ветер, сквозь чашу, упорный скакун,
И ловкий наездник то падает наземь,
То вновь вверх седла – изваянья чугун.
Так смуглые воины горных кочевий
По-братски несутся, держась за нагайку,
Под низкими сводами темных деревьев,

Под рокот ружейный и гром балалайки.

Начало мая 1921

137. Кавэ-кузнец

Был сумрак сер и заспан.
Меха дышали наспех,
Над грудой серой пепла
Храпели горлом хрипло.
Как бабки повивальные
Над плачущим младенцем,
Стояли кузнецы у тела полуголого,
Краснея полотенцем.
В гнездо их наковальни,
Багровое жилище,
Клещи носили пищу –
Расплавленное олово.
Свирепые, багряные
Клещи, зрачками, оловянные,
Сквозь сумрак проблистав,
Как вдоль других устав.
Они, как полумесяц, блестят на небеси,
Змеей из серы вынырнув удушливого чада,
Купают в красном пламени заплаканное чадо
И сквозь чертеж неясной морды
Блеснут багровыми порой очами черта.
Гнездо ночных движений,
Железной кровью мытое,
Из черных теней свитое,
Склонившись к углям падшим,

Как колокольчик, бьется железных пеней плачем.
И те клещи свирепые
Труда заре пою.
И где, верны косым очам,
Проворных теней плети
Ложились по плечам,
Как тень багровой сети,
Где красный стан с рожденья бедных
Скрывал малиновый передник
Узором пестрого Востока,
А перезвоны молотков – у детских уст свисток, –
Жестокие клещи,
Багровые, как очи,
Ночной закал свободы и обжиг
Так обнародовали:
«Мы, Труд Первый и прочее и прочее...»

Начало мая 1921

138. Иранская песня

Как по речке по Ирану,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды,
Ходят двое чудаков
Да стреляют судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврет.
Уху варят и поваривают.
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет
Братвой облаку уда́лой.
Где же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказкам наперед:
Прежде сказки – станут былью,
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснуся, в землю втопан,

Пыльным черепом тоскуя.
Или все свои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

Май 1921

139. «С утробой медною...»

1

С утробой медною
Верблюду,
Тебя ваял потомок Чингисхана.
В пустынях белых, с шелестом сухих бумаг,
Письменного стола
Колючей мысли выюк несешь –
Кузнец случайно ли забыл дать удила? –
Туда, где звон чернильных струй,
На берега озер черниловодных,
Под деревом времен Батыя, копной его ветвей,
Нависших на глаза, на лоб писателя,
Семьей птенцов гнезда волос писателя,
Кто древней Галиле^e
Дал грани большаков и угол.
Прносишь равенство, как выюк,
Несешься вскачь, остановивши время
Над самой пропастью письменного стола, –
Где страшно заглянуть, –
Чтоб звон чернильных струй,
Чей водопровод –
Дыхание песчаных выюг,

Дал равенство костру
И умному огню в глазах
Холодного отца чернильных рек,
Откуда те бежали быстрым стадом,
И пламени зеркальному чтеца,
Ч(ей) разум почерк напевал,
Как медную пластину – губ Шалапина
Толпою управлявший голос.
Ты, мясо медное с сухою кожей
В узорном чучеле веселых жен,
По скатерти стола задумчивый прохожий, –
Ты тенью странной окружен.
В переселенье душ ты был,
Быть может, раньше – нож.
Теперь носи в сердцах песчаных
Из мысли нож!
Люди открытий,
Люди отплытий,
Режьте в Реште
Нити событий.

Летевший
Древний германский орел,
Утративший Ха,
Ищет его
В украинском «разве»,
В колосе ржи.
Шагай
Через пустыню Азии,

Где блещет призрак Аза,
Звоном зовет сухие рассудки.

2

Раньше из Ганга священную воду
В шкурах овечьих верблюды носили,
Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке
дикарей.
Этот, из меди верблюд,
Чернильные струи от Волги до Ганга
Нести обречен.
Не расплеши же,
Путник пустыни стола,
Бочонок с чернилами!²

5 июня 1921

² Почерк писателя настраивает душу читателя на одно и то же число колебаний. Задача переносить груз чисел колебания из одной души в другую выпала <на> долю одного испаганского верблюда, когда он пески пустыни променял на плоскость стола, живое мясо – на медь, а свои бока расписал веселыми ханум, не боящимися держать в руках чаши с вином. Итак, находясь у тов. Абиha, верблюд обречен носить на горбах равенство основного душевного звука в душе писателя и душ<е> чит<ателя>. Аз – освобожденная личность, освобожден<ное> Я. Хабиx – по-германски орел. Орел хабиx летит в страну Азии, построивш<ую> свободную личность, чего она до сих пор не сделала, а делали приморские народы (греки, англичане). Комментарий В. Хлебникова.

140. Ночь в Персии

Морской берег.

Небо. Звезды. Я спокоен. Я лежу.

А подушка – не камень, не перья:

Дырявый сапог моряка.

В них Самородов в красные дни

На море поднял восстанье

И белых суда увел в Красноводск,

В красные воды.

Темнеет. Темно.

«Товарищ, иди, помогай!» –

Иранец зовет, черный, чугунный,

Подымая хворост с земли.

Я ремень затянул

И помог взвалить.

«Саул!» («Спасибо» по-русски.)

Исчез в темноте.

Я же шептал в темноте

Имя Мехди.

Мехди?

Жук, летевший прямо с черного

Шумного моря,

Держа путь на меня,

Сделал два круга над головой

И, крылья сложив, опустился на волосы.

Тихо молчал и после

Вдруг заскрипел,
Внятно сказал знакомое слово
На языке, понятном обоим.
Он твердо и ласково сказал свое слово.
Довольно! Мы поняли друг друга!
Темный договор ночи
Подписан скрипом жука.
Крылья подняв, как паруса,
Жук улетел.
Море стерло и скрип и поцелуй на песке.
Это было!
Это верно до точки!

1921

141. Дуб Персии

Над скатертью запутанных корней
Пустым кувшином
Подымает дуб столетние цветы
С пещерой для отшельников.
И в шорохе ветвей
Шумит созвучие
С Маздаком Маркса,
«Хамау, хамау!
Уах, уах, хаган!» –
Как волки, ободряя друг друга,
Бегут шакалы.
Но помнит шепот тех ветвей
Напев времен Батыея.

Лето 1921

142. «Ночи запах – эти звезды...»

Ночи запах – эти звезды
В ноздри буйные вдыхая,
Где вода легла на гвозди,
Говор пеной колыхая,
Ты пройдешь в чалме зеленой
Из засохнувшего сена –
Мой учитель опаленный,
Черный, как костра полено.
А другой придет навстречу,
Он устал, как весь Восток,
И в руке его замечу
Красный сорванный цветок.

<Лето 1921>

143. «Ручей с холодной водой...»

Ручей с холодной водой,
Где я скакал, как бешеный мулла,
Где хорошо.
Чека за сорок верст меня позвала на допрос.
Ослы попадались навстречу.
Всадник к себе завернул.
Мы проскакали верст пять.
«Кушай», – всадник чурек отломил золотистый,
Мокрый сыр и кисть голубую вина протянул на ходу,
Гнездо голубых змеиных яиц,
Только нет матери.
Скачем опять, на ходу
Кушая неба дары.
Кони трутся боками, ремнями седла.
Улыбка белеет в губах моего товарища.
«Кушай, товарищ», – опять на ходу протянулась рука с
кистью глаз моря.
Так мы скакали вдвоем на допрос у подножия гор.
И буйволов сухое молоко хрустело в моем рту,
А после чистое вино в мешочках и золотистая мука.
А рядом лес густой, где древний ствол
Был с головы до ног окутан хмурым хмелем,
Чтоб лишь кабан прошиб его, несясь как пуля.
Чернели пятна от костров, зола белела, кости.
И стадо в тысячи овец порою, как потоп,

Руководимо пастухом, бежало нам настречу
Черными волнами моря живого.
Вдруг смерилось темное ущелье. Река темнела рядом,
По тысяче камней катила голубое кружево.
И стало вдруг темно, и сетью редких капель,
Чехлом холодных капель
Покрылись сразу мы. То грозное ущелье
Вдруг встало каменной книгой читателя другого,
Открытое для глаз другого мира.
Аул рассыпан был, казались сакли
Буквами нам непонятной речи.
Там камень красный подымался в небо
На полверсты прямою высотой, кем-то читаемой доньше.
Но я чтеца на небе не заметил,
Хотя, казалось, был он где-то около.
Быть может, он чалмой дождя завернут был.
Служебным долгом внизу река шумела,
И оттеняли высоту деревья-одиночки.
А каменные ведомости последней тьмы тем лет
Красны, не скомканны стояли.
То торгова крик? Иль описание любви, и нежной и
туманной?
Как пальцы рук, над каменной газетой белели облака.
К какому множеству столетий
Окаменелых новостей висели правильно строки?
Через день Чека допрос окончила ненужный,
Н я, гонимый ей, в Баку на поезде уехал.
Овраги, где клубилася река
В мешках внезапной пустоты,

Где сумрак служил небу.
И узнавал растений храмы
И чины, и толпу.
Здесь дикий виноград я рвал,
Все руки исцарапав.
И я уехал.
Овраги, где я лазил, мешки русла пустого, где прятались
святилища растений,
И груша старая в саду, на ней цветок богов – омела
раскинула свой город,
Могучее дерево мучая деревней крови другой, цветами
краснея, –
Прощайте все!
Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые пастухи, в
деревни
золотые веди свои стада.
Бежали буйволы, и запах молока вздымался деревом на
небо
И к тучам шел.
Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц за черною
решеткою ресниц,
Откуда лились лучи материнства и на теленка и на людей.
Прощай, ночная темнота,
Когда и темь и буйволы
Одной чернели тучей,
И каждый вечер натыкался я рукою
На их рога крутые,
Кувшин на голове
Печальнооких жен

С медлительной походкой.

Лето – осень 1921

144. «Я видел юношу-пророка...»

Я видел юношу-пророка,
Припавшего к стеклянным волосам лесного водопада,
Где старые мшистые деревья стояли в сумраке важно, как старики,
И перебирали на руках четки ползучих растений.
Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь
Стеклянных матерей и дочерей
Рождения водопада, где мать воды и дети менялись местами.
Внизу река шумела.
Деревья заполняли свечами своих веток
Пустой объем ущелья, и азбукой столетий толпились утесы.
А камни-великаны – как плечи лесной девы
Под белою волной,
Что за морем искал священник наготы.
Он Разиным поклялся быть напротив.
Ужели снова бросит в море княжну? Противо-Разин грезит.
Нет! Нет! Свидетели – высокие деревья!
Студеною волною покрыв себя
И холода живого узнав язык и разум,
Другого мира, ледян<ого> тела,
Наш юноша поет:
«С русалкою Зоргама обручен

Навеки я,
Волну очеловечив.
Тот – сделал волной деву».
Деревья шептали речи столетий.

Лето – осень 1921

145. «Ра – видящий очи свои в ржавой и красной болотной воде...»

Ра – видящий очи свои в ржавой и красной болотной
воде,

Созерцающий свой сон и себя

В мышонке, тихо воруящем болотный знак,

В молодом лягушонке, надувшем белые пузыри в знак
мужества,

В траве зеленой, порезавшей красным почерком стан у
девушки, согнутой с серпом,

Собиравшей осоку для топлива и дома,

В струях рыб, волнуящих травы, пускающих кверху
пузырьки,

Окруженный Волгой глаз.

Ра – продолженный в тысяче зверей и растений,

Ра – дерево с живыми, бегающими и думающими
листами, испускающими шорохи, стоны.

Волга глаз,

Тысячи очей смотрят на него, тысячи зир и зин.

И Разин,

Мывший ноги,

Подпил голову и долго смотрел на Ра,

Так что тугая шеи покраснела узкой чертой.

146. Союзу молодежи

Русские мальчики, львами
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда
Или бросались туда,
Где львиная голая грудь –
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные львы, вы походили на моряка
Среди ядер свирепо-свинцовых,
Что дыру на котле
Паров, улететь готовых,
Вместо чугунных втул
Локтем своего тела смело заткнул.
Шипит и дымится рука,
И на море пахнет жарким – каким?
Редкое жаркое, мясо человека.
Но пар телом заперт,
Пары не летят,
И судно послало свистящий снаряд.
Вам, юношам, не раз кричавшим
«Прочь» мировой сове,

Совет:

Смело вскочите на плечи старших поколений,

То, что они сделали, – только ступени.

Оттуда видней!

Много и далёко

Увидит ваше око,

Высеченное плеткой меньшего числа дней.

1921

147. Я и Россия

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху,
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила копры и кумачовые ткани.
Гражданки и граждане
Меня – государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
Ольги и Игоря,
Не по заказу
Радуюсь солнцу, смотрели сквозь кожу,
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку –
Дал солнце народам Меня!
Голый стоял около моря.
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

1921

148. 1905 год

Пули, летя невпопад,
В колокола били набат.
Царь! Выстрел вышли:
Мы вышли!
А, Волга, не сдавай,
Дон, помогай!
Кама, Кама! Где твои орлы?
Днепр, где твои чубы?
Это широкие кости,
Дворцов самочинные гости,
Это ржаная рать
Шла умирать!
С бледными, злыми, зелеными лицами,
Прежде добры и кротки́,
Глухо прорвали плотину
И хлынули
Туда, где полки
Шашки железные наголо вынули.
Улиц, царями жилых, самозванные гости,
Улиц спокойных долгие годы!
Это народ выпрямляется в росте
Со знаменем алым свободы!
Брать плату оков с кого?
И не обеднею Чайковского,
Такой медовою, что тают души,

А страшною, чугуною обедней
Ответил выстрел первый и последний,
Чтоб на снегу валялись туши.
Дворец с безумными глазами,
Дворец свинцовыми устами,
Похож на мертвеца,
Похож на Грозного-отца,
Народ «любимый» целовал...
Тот хлынул прочь, за валом вал...
Над Костромой, Рязанью, Тулой,
Ширококостной и сутулой,
Шарахал веник пуль дворца.
Бежали, пальцами закрывши лица,
И через них струилась кровь.
Шумела в колокол столица.
Но то, что было, будет вновь.
Чугунных певчих без имен –
Придворных пушек рты открыты:
Это отец подымал свой ремень
На тех, кто не сыты!
И, отступление заметив,
Чугунным певчим Шереметев
Махнул рукой, сказав: «Довольно
Свинца крамольникам подпольным!»
С челюстью бледной, дрожащей, угрюмой,
С остановившейся думой
Шагают по камням знакомым:
«Первый блин комом!»

Конец 1921

149. «Детуся! Если устали глаза быть широкими...»

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя «браток»,
Я, синеокий, клянуся
Высоко держать вашей жизни цветок.
Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь, мы будем брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого.
И мне хорошо и внезапно,
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневавшийся долго во многом,
Вдруг я поверил навеки:
Что предназначено там,
Тщетно рубить дровосеку.
Много мы лишних слов избежим.
Просто я буду служить вам обедню,

Как волосатый священник с длинною гривой.
Пить голубые ручьи чистоты,
И страшных имен мы не будем бояться.

13 сентября 1921, начало 1922

150. «Золотистые волосики...»

Ю. С.

Золотистые волосики,
Точно день Великороссии.
В светло-серые лучи
Полевой глаз огордится:
Это брызнули ключи
Синевы у Богородицы.

1921

151. «Песенка – лесенка в сердце другое...»

Песенка – лесенка в сердце другое.
За волосами пастушьей соломы
Глаза пастушески-святые
Не ты ль на дороге Батя
Искала людей незнакомых?

1921

152. «Звонят голубые бубенчики...»

Звонят голубые бубенчики,
Как нежного отклика звук,
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова «люблю».

1921

153. «На родине красивой смерти – Машуке...»

На родине красивой смерти – Машуке,
Где дула войскового дым
Обвил холстом пророческие очи,
Большие и прекрасные глаза,
И белый лоб широкой кости, –
Певца прекрасные глаза,
Чело прекрасной кости
К себе на небо взяло небо,
И умер навсегда
Железный стих, облитый горечью и злостью.
Орлы и ныне помнят
Сражение двух желез,
Как небо рокотало
И вспыхивал огонь.
Пушек облаков тяжелый выстрел
В горах далече покатился
И отдал честь любимцу чести,
Сыну земли с глазами неба.
И молния синею веткой огня
Блеснула по небу
И кинула в гроб травяной
Как почести неба.
И загрохотал в честь смерти выстрел тучи

Тяжелых гор.
Глаза убитого певца
И до сих пор живут не умирая
В туманах гор.
И тучи крикнули: «Остановитесь,
Что делаете, убийцы?» – тяжелый голос прокатился.
И до сих пор им молятся,
Глазам,
Во время бури.
И были вспышки гроз
Прекрасны, как убитого глаза.
И луч тройного бога смерти
По зеркалу судьбы
Блеснул – по Ленскому и Пушкину, и брату в небесах.
Певец железа – он умер от железа.
Завяли цветы пророческой души.
И дула дым священником
Пропел напутственное слово,
А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу.
И доньше во время бури
Горец говорит:
«То Лермонтова глаза».
Стоусто небо застонало,
Воздавши воинские почести,
И в небесах зажглись, как очи,
Большие серые глаза.
И до сих пор живут среди облаков,
И до сих пор им молятся олени,

Писателю России с туманными глазами,
Когда полет орла напишет над утесом
Большие медленные брови.
С тех пор то небо серое –
Как темные глаза.

<Октябрь 1921>

154. Голод

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые...
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох –
Пища лесная.
Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Зайчью капусту, гусениц жирных
Или больших пауков – они слаще орехов.
Ловят кротон, ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода бегают:
Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек борщ –
Мамка сварит.
На зайца что нежно прыжками скачет по лесу,
Дети, точно во сне,
Точно на светлого мира видение,
Восхищенные, смотрят большими глазами,

Святыми от голода,
Правде не верят.
Но он убегает проворным виденьем,
Кончиком уха чернея.
Вдогонку ему стрела полетела,
Но поздно – сытный обед ускакал.
А дети стоят очарованные...
«Бабочка, глянь-ка, там пролетела...
Лови и беги! А там голубая!..»
Хмуρο в лесу. Волк прибежал издалёка
На место, где в прошлом году
Он скушал ягненка.
Долго крутился юлой, всё место обнюхал,
Но ничего не осталось –
Дела муравьев, – кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и седых глухарей,
Заснувших под снегом, будет лапой
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...
Лисонька, огнёвка пушистая,
Комочком на пень взобралась
И размышляла о будущем...
Разве собакою стать?
Людам на службу пойти?
Сеток растянуто много –
Ложись в любую...
Нет, дело опасное.
Съедят рыжую лиску,

Как съели собак!

Собаки в деревне не лают...

И стала лисица пуховыми лапками мыться,

Взвивши кверху огненный парус хвоста.

Белка сказала, ворча:

«Где же мои орехи и желуди? –

Скушали люди!»

Тихо, прозрачно, уж вечерело,

Лепетом тихим сосна целовалась

С осинкой.

Может, назавтра их срубят на завтрак.

7 октября 1921

155. Трубите, кричите, несите!

Вы, поставившие ваше брюхо на пару толстых свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли, что целый великий край,
Может быть, станет мертвецкой?
Я знаю, кожа ушей ваших, точно у буйволов мощных,
туга,
И ее можно лишь палкой растрогать.
Но неужели от «Голодной недели» вы ударитесь
рысаками в бега,
Когда над целой страной
Повис смерти коготь?
Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звездное небо,
А вы пойдете и купите
На вечер – кусище белого хлеба.
Вы думаете, что голод – докучливая муха
И ее можно легко отогнать,
Но знайте – на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а – дать.
Несите большие караван
На сборы «Голодной недели».
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседел!
Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.

Что бедствие грозно и может усилиться –
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!

Октябрь 1921

156. Обед

Со смехом стаканы – глаза!
Бьется игра мировая!
Жизни и смерти жмурки и прятки.
Смерть за косынкой!
Как небо, эту шею бычью
Секач, как месяц, озарял.
Человек
Сидит рыбаком у моря смертей,
И кудри его, как подсолнух,
Отразились в серебряных волнах.
Выудил жизнь на полчаса.
Мощным берегом Волги
Ломоть лежит каравая –
Укором, утесом, чтобы на нем
Старый Разин стоял,
Подымаясь как вал.
И в берег людей
Билась волна мировая.
Мяса образа
Над остовом рта:
Храмом голодным
Были буханки серого хлеба.
Тучей
Смерти усталой волною хлестали
О берег людей.

Плескали и бились русалкой
В камни людей.
В тулупе набата
День пробежал.
В столицы,
Где пуль гульба, гуль вольба,
Воль пальба,
Шагнуть тенью Разина.

<Октябрь 1921>

157. «Волга! Волга!»

Волга! Волга!

Ты ли глаза-трупы

Возводишь на меня?

Ты ли стреляешь глазами

Сёл охотников за детьми,

Исчезающими вечером?

Ты ли возвела мертвые белки

Сёл самоедов, обреченных уснуть,

В ресницах метелей,

Мертвые бельма своих городов,

Затерянные в снегу?

Ты ли шамкаешь лязгом

Заколоченных деревень?

Жителей нет – ушли,

Речи ведя о свободе.

Мертвые очи слепца

Ты подымаешь?

Как! Волга, матью,

Бывало, дикой волчицей

Щетинившая шерсть,

Когда смерть приближалась

К постелям детей –

Теперь сама пожирает трусливо детей,

Их бросает дровами в печь времени?

Кто проколол тебе очи?

Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пятакострочной платы!
Волга, снова будь Волгой!
Бойко, как можешь,
Взгляни в очи миру!
Граждане города голода.
Граждане голода города.
Москва, остров сытых веков
В волнах голода, в море голода,
Помощи чарус взвивай.
Дружнее, удары гребцов!

<Октябрь – ноябрь 1921>

158. «В тот год, когда девушки...»

В тот год, когда девушки
Впервые прозвали меня стариком
И говорили мне: «Дедушка», – вслух презирая
Оскорбленного за тело, отнюдь не стыдливо
Поданное, но не съеденное блюдо,
Руками длинных ночей,
В лечилищах здоровья, –
В это<м> я ручье Нарзана
Облил тело свое,
Возмужал и окреп
И собрал себя воедино.
Жилы появились на рук<ах>,
Стала шире грудь,
Борода шелковистая
Шею закрывала.

7 ноября 1921

159. «Сегодня Машук, как борзая...»

Сегодня Машук, как борзая,
Весь белый, лишь в огненных пятнах берез.
И птица, на нем замерзая,
За летом летит в Пятигорск.

Летит через огненный поезд,
Забыв про безмолвие гор,
Где осень, сгибая свой пояс,
Колосья собрала в подол.

И что же? Обратно летит без ума,
Хоть крылья у бедной озябли.
Их души жестоки, как грабли,
На сердце же вечно зима.

Их жизнь жестока, как выстрел.
Счет денег их мысли убыстрил.
Чтоб слушать напев торгашей,
Приделана пара ушей.

9 ноября 1921, начало 1922

160. «Перед закатом в Кисловодск...»

К. А. Виноградовой

Перед закатом в Кисловодск
Я помню лик, суровый и угрюмый,
Запрятан в воротник:
То Лобачевский – ты,
Суровый Числоводск.
Для нас священно это имя.
«Мир с непоперечными кривыми»
Во дни «давно» и весел
Сел в первые ряды кресел
Думы моей,
Чей занавес уж поднят.
И я желал сегодня,
А может, и вчера,
В знаменах Невского,
Под кровлею орлиного пера,
Увидеть имя Лобачевского.
Он будет с свободой на «ты»!
И вот к колодцу доброты,
О, внучки Лобачевского,
Вы с ведрами идете,
Меня встречая
А я, одет умом в простое,
Лакаю собачонкой

В серебряном бочонке
Вино золотое.

10 ноября 1921

161. «Русь зеленая в месяце Ай!..»

Русь зеленая в месяце Ай!
Эй, горю-горю, пень!
Хочу девку – исповедь пня.
Он зеленый вблизи мухоморов.
Хоти девок – толкала весна.
Девы жмурятся робко,
Запрятав белой косынкой глаза.
Айные радости делая,
Как ветер проносятся
Жених и невеста, вся белая.
Лови и хватай!
Лови и зови огонь горихвостки.
Туши поцелуем глаза голубые,
Шарапай!
И, простодушный, медвежьей лапой
Лапай и цапай
Девичью тень.
Ты гори, пень!
Эй, гори, пень!
Не зевай!
В месяце Ай
Хохота пай
Дан тебе, мяса бревну.
Ну?
К девам и жёнкам

Катись медвежонком
Или на панской свирели
Свисти и играй. Ну!
Ты собираешь в лукошко грибы
В месяц Ау.
Он голодай, падает май.
Ветер сосною люлюкает,
Кто-то поет и аукает,
Веткой стокою стучает.
И ляпуна не поймать
Бесу с разбойничьей рожей.
Сосновая мать
Кушает синих стрекоз.
Кинь ляпуна, он негожий.
Ты, по-разбойничьи вскинувши косы,
Ведьмой сигаешь через костер,
Крикнув: «Струбай!»
Всюду тепло. Ночь голуба.
Девушек толпы темны и босы,
Темное тело, серые косы.
Веет любовью. В лес по грибы.
Здесь сыроежка и рыжий рыжик
С малиновой кровью,
Желтый груздь, мохнатый и круглый,
И ты, печерица,
Как снег скромно-белая.
И белый, крепыш с толстой головкой.
Ты гнешь пояса,
Когда сенозарник,

В темный грозник.
Он – месяц страдник,
Алой змеею возник
Из черной дороги Батыя.
Колос целует
Руки святые
Полночи богу.
В серпня неделю машешь серпом,
Гонишь густые колосья,
Тучные гривы коней золотых,
Пóтом одетая, пьешь
Из кувшинов холодную воду.
И в осенины смотришь на небо,
На ясное бабье лето,
На блеск паутины.
А вечером жужжит веретено.
Девы с воплем притворным
Хоронят бога мух,
Запекши с малиной в пирог.
В месяц реун слушаешь сов,
Урожая знахарок.
Смотришь на зарево.
После зазимье, свадебник месяц,
В медвежьем тулупе едет невеста,
Свадьбы справляешь,
Глухарями украсив
Тройки дугу.
Голые рощи. Сосна одиноко
Темнеет. Ворон на ней.

После пойдут уже братчины.
Брага и хмель на столе.
Бороды политы серыми каплями,
Черны меды на столе.
За ними зимник –
Умник в тулупе.

Осень 1921

162. «Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые...»

Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые,
Проносят медь, железо, олово;
Огня – ночного властелина – вой;
Клещи до пламени малиновые;
В котлах чугуновых кипятки
Слюною кровавою клокочет;
Он дерево нечаянно зажег,
Оно шипит и вспыхнуть хочет!
Ухват руду хватает мнями
И мчится, увлекаемый ремнями.
И, неуклюжей сельской панны,
Громадной тушей великана
Руда уселась с края чана,
Чугун глотая из стакана!
Где печка с сумраком боролась,
Я слышал голос – ржаной, как колос:
«Ты не куй меня, мати,
К каменной палате!
Ты прикуй меня, мати,
К девич<ь>ей кровати!»
Он пел по-сельскому у горна,
Где всё – рубаха даже – черно.
Зловещий молот пел набат,

Руда снует вперед-назад!
Всегда горбата, в черной гриве,
Плеснув огнем, чтоб быть красивой.

Осень 1921

163. «Вши тупо молилися мне...»

Вши тупо молилися мне,
Каждое утро ползли по одежде,
Каждое утро я казнил их –
Слушай трески, –
Но они появлялись вновь спокойным прибором.

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Сваи вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату
«Мы – будетляне».
Все это делал, как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

<Осень 1921>

164. «Цыгане звезд...»

Цыгане звезд
Раскинули свой стан,
Где белых башен стадо.
Они упали в Дагестан,
И принял горный Дагестан
Железно-белых башен табор,
Остроконечные шатры.
И духи древнего огня
Хлопочут хлопотливо,
Точно слуги.

<Осень 1921>

165. Москва будущего

В когтях трескучих плоскостей,
Смирней, чем мышь в когтях совы,
Летали горницы
В пустые остовы и соты,
Для меда человека бортень, –
Оставленные соты
Покинутого улья
Суровых житежей.
Вчера еще над Миссисипи,
Еще в пыли Янтцекиянга
Висела келья
И парила, а взором лени падала
К дворцу веселья и безделья,
Дворцу священного безделья.
И, весь изглоданный полетами,
Стоял осенний лист
Широкого, высокого дворца
Под пенье улетавших хат.
Лист города, изглоданный
Червем полета,
Лист осени гнилой
Сквозит прозрачным костяком
Истлевшей и созревшей сердцевины.
Пусть клетчатка жилая улетела –
Прозрачные узоры сухожилия

И остова сухой чертеж
Хранились осенью листа.
Костлявой ладонью узорного листа
Дворец для лени подымал
Стеклянный парус полотна.
Он подымался над Окой,
Темнея полыми пазами,
Решеткой пустою мест,
Решеткою глубоких скважин
Крылатого села,
Как множество стульев
Ушедшей толпы:
«Здесь заседание светлиц
И съезд стеклянных хат»

<Осень 1921>

166. Бурлюк

С широкою кистью в руке ты бегал рысью
И кумачовой рубахой
Улицы Мюнхена долго смущал,
Краснощеким пугая лицом.
Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал,
И твой трясся живот от радости буйной
Черноземов могучих России.
Могучим «хо-хо-хо!»
Ты на все отвечал, силы зная свои,
Одноглазый художник,
Свой стеклянный глаз темной воды
Вытирая платком носовым и говоря: «Д-да», –
Стеклом закрывая
С черепаховой ручкой.
И, точно бурав,
Из-за стеклянной брони, из-за окопа
Внимательно рассматривал соседа,
Сверлил собеседника, говоря недоверчиво: «Д-да».
Вдруг делался мрачным и скорбным.
Силу большую тебе придавал
Глаз одинокий.

И, тайны твоей не открыв,
Что мертвый стеклянный шар
Был товарищем жизни, ты ворожил.
Противник был в чарах воли твоей,
Черною, мутною бездной вдруг очарован.
Братья и сестры, сильные хохотом, все великаны,
С рассыпчатой кожей,
Рыхлой муки казались мешками.
Перед невидящим глазом
Ставил кружок из стекла
Оком кривой, могучий здоровьем художник.
Разбойные юга песни порою гремели
Через рабочие окна, галка влетала – увидеть, в чем дело.
И стекла широко звенели
На Бурлюков «хо-хо-хо!».
Горы полотен могучих стояли по стенам.
Кругами, углами и кольцами
Светились они, черный ворон блестел синим клювом
углом.
Тяжко и мрачно багровые и рядом зеленые висели
холсты,
Другие ходили буграми, как черные овцы, волнуясь,
Своей поверхности шероховатой, неровной –
В них блестели кусочки зеркал и железа.
Краску запекшейся крови
Кисть отлагала холмами, оспой цветною.
То была выставка приемов и способов письма
И трудолюбия уроки,
И было всё чарами бурлючьего мертвого глаза.

Какая сила искалечила
Твою непризнанную мощь
И дерзкой властью обеспечила
Слова: «Бурлюк и подлый нож
В грудь бедного искусства»?
Ведь на «Иоанне Грозном» шов –
Он был заделан позже густо –
Провел красиво Балашов.
Россия, расширенный материк,
И голос Запада громадно увеличила,
Как будто бы донесся крик
Чудовища, что больше в тысячи раз.
Ты, жирный великан, твой хохот прозвучал по всей
России,
И стебель днепровского устья, им ты зажат был в кулаке,
Борец за право народа в искусстве титанов,
Душе России дал морские берега.
Странная ломка миров живописных
Выла предтечею свободы, освобождением от цепей.
Так ты шагало, искусство,
К песни молчания великой.
И ты шагал шагами силача
В степях глубокожирных
И хате подавал надежду
На купчую на земли,
Где золотились горы овинов,
Наймитам грусти искалеченным.
И, колос устья Днепра,
Комья глины людей

Были послушны тебе.
С великанским сердца ударом
Двигал ты глыбы волн чугуна
Одним своим жирным хохотом.
Песни мести и печали
В твоём голосе звучали.
Долго ты ходы точил
Через курган чугунного богатства,
И, богатырь, ты вышел из кургана
Родины древней твоей.

Осень 1921

167. Крученых

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в тридцать лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чёных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англизга, крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза,
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выпады личные любите.
Вы очарователь<ный> писатель –
Бурлюка отрицатель<ный> двойник.

Осень 1921

168. «Русь, ты вся поцелуй на морозе!..»

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи.
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и та.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает, синея, молния без чувств.
А ночь блестит умно и черно.

<Осень 1921>

169. Одинокий лицедей

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп, влачился по пустыне,
Где умирала невозможность,
Усталый лицедей,
Шагая напролом.
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей
В дыму угроз нескромных.
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ, вечерний странник
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой, и шел, пока
Меня свободы истер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил.
Как воин истины и ею потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело, которому пылали раньше толпы!
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,

Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

Конец 1921 – начало 1922

170. «Пусть пахарь, покидая борону...»

Пусть пахарь, покидая борону,
Посмотрит вслед летающему ворону
И скажет: в голосе его
Звучит сражение Трои,
Ахилла бранный вой
И плач царицы,
Когда он кружит, черногубый,
Над самой головой.
Пусть пыльный стол, где много пыли,
Узоры пыли расположит
Седыми недрами волны.
И мальчик любопытный скажет:
Вот эта пыль – Москва, быть может,
А это Пекин или Чикаго пажить.
Ячейкой сети рыболова
Столицы землю окружили.
Узлами пыли очикажить
Захочет землю звук миров.
И пусть невеста, не желая
Носить кайму из похорон ногтей,
От пыли ногти очищая,
Промолвит: здесь горят, пылая,
Живые солнца, и те миры,

Которых ум не смеет трогать,
Закрыл холодным мясом ноготь.
Я верю, Сириус под ногтем
Разрезать светом изнемог темь.

Конец 1921 – начало 1922

171. «На глухом полустанке...»

На глухом полустанке
С надписью «Хопры»,
Где ветер оставил «Кипя»
И бросил на землю «ток»,
Ветер дикий трех лет,
Ветер, ветер,
Ухая, охая, ахая, всей братвой
Поставили поваленный поезд,
На пути – катись.
И радостно говорим все сразу: «Есть!»
Рок, улыбку даешь?

14 декабря 1921

172. «Москва, ты кто?..»

Москва, ты кто?
Чаруешь или зачарована?
Куешь свободу
Иль закована?
Чело какую думой морщится?
Ты мировая заговорщица.
Ты, может, светлое окошко
В другие времена,
А может, опытная кошка:
Велят науки распинать
Под острыми бритвами умных ученых,
Застывших над старою книгою
На письменном столе
Среди учеников?
О, дочь других столетий,
О, с порохом бочонок –
<Твоих> разрыв оков.

15 декабря 1921

173. «Трижды Вэ, трижды Эм!..»

Трижды Вэ, трижды Эм!
Именем равный отцу!
Ты железо молчания ешь,
Ты возницей стоишь
И слова гонишь бич<о>м
Народов взволнованный цуг!

Начало 1922

174. «Если я обращаю человечество в часы...»

Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?
Там, где род людей себе нажил почечуй,
Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны,
Я вам расскажу, что я из будущего чую,
Мои зачеловеческие сны.
Я знаю, что вы – правоверные волки,
Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои,
Но неужели вы не слышите шорох судьбы иголки,
Этой чудесной швейи?
Я затоплю моей силой, мысли потопом
Постройки существующих правительств,
Сказочно выросший Китеж
Открою глупости старой холопам.
И, когда председателей земного шара шайка
Будет брошена страшному голоду зеленою коркой,
Каждого правительства существующего гайка
Будет послушна нашей отвертке.
И, когда девушка с бородой
Бросит обещанный камень,
Вы скажете: «Это то,

Что мы ждали веками».

Часы человечества, тикая,

Стрелкой моей мысли двигайте!

Пусть эти вырастут самоубийством правительства и
книгой – те.

Будет земля бесповеликая!

Будь ей песнь повеликою:

Я расскажу, что вселенная – с копотью спичка

На лице счета.

И моя мысль – точно отмычка

Для двери, за ней застрелившийся кто-то...

28 января 1922

175. Признание. Корявый слог

Нет, это не шутка!
Не остроглазья цветы.
Это рок. Это рок.
Вэ-Вэ, Маяковский! – Я и ты,
Нас как сказать по-советски,
Вымолвить вместе в одном барахле?
По Рософесорэ,
На скороговорок скорословаре?
Скажи откровенно:
Хам!
Будем гордиться вдвоем
Строгою звука судьбой.
Будем двое стоять у дерева молчания,
Вымокнем в свисте.
Турок сомненья
Отгоним Собеским
Яном от Вены.
Железные цари,
Железные венцы
Хама
Тяжко наденем на́ голову,
И – шашки наголо!
Из ножен прошедшего – блесните, блесните!
Дни мира, усните,
Цыц!

Старые провопли, Мережковским усните,
Рыдал он папашей нежности нашей.
Звуки – зачинщики жизни.
Мы гордо ответим
Песней сумасшедшей
В лоб небесам.
Да, но пришедший
И не Хам, а Сам.
Грубые бревна построим
Над человеческим роем.

Начало 1922

176. «На нем был котелок вселенной...»

На нем был котелок вселенной
И лихо был положен,
А звезды – это пыль!
Не каждый день гуляла щетка,
Расчесывая пыль, –
Враг пыльного созвездия.
И, верно, в ссоре с нею он.
Салага, по-морскому, веселый мальчуган,
В дверную ручку сунул
«Таймс» с той звезды
Веселой, которой
Ярость ядер
Сломала полруки,
Когда железо билось в старинные чертоги.
Беловолосая богиня с отломанной рукой.
А волны, точно рыба,
В чугунном кипятке,
Вдоль печи морской битвы
Скакали без ума.
Беру... Читаю известия с соседней звезды:
«Новость! Зазор!
На земном шаре, нашем добром и милым знакомом,
Основано Правительство земного шара.

Думают, что это очередной выход бюджетлян,
Громадных паяцов солнечного мира.
Их звонкие шутки и треск в пузыри, и вольные остроты
Так часто доносятся к нам с Земли,
Перелетев пустые области.
На события с Земли
Ученые устремили внимательные стекла».
Я вскочил с места. Скомкал в досаде известия:
– Какая выдумка! Какая ложь!
Ничего подобного. Ложь!

Начало 1922

177. Отказ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: «Это он!»,
Склоняя головку,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть темные ружья
Стражи, уличающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

Январь, апрель 1922

178. «Ну, тащися, Сивка...»

Ну, тащися, Сивка
Шара земного.
Айда понемногу!
Я запрег тебя
Сохой звездною,
Я стегаю тебя
Плеткой грёзною.
Что пою о всём,
Тем кормлю овсом,
Я сорву кругом траву отчую
И тебя кормлю, ею потчую.
Не затем кормлю –
Седину позорить:
Дедину люблю
И хочу озорить!
Полной чашей торбы
Насыпаю овса,
До всеобщей борьбы
За полет в небеса.
Я студеной водою
Расскажу, где иду я,
Что великие числа –
Пастухи моей мысли.
Я затем накормил,
Чтоб схватить паруса,

Ведь овес тебе мил
И приятна роса.
Я затем сорвал сена доброго,
Что прочла душа, по грядущему чтица, –
Что созвездья вот подымается вал,
А гроза налетает, как птица.
Приятель белогривый, – знашь? –
Чья грива тонет в снежных гóрах.
На тучах надпись «Наш»,
А это значит: готовлю порох.

Ну, тащися, Сивка, но этому пути
Шара земного, – Сивка Кольцова, кляча Толстого.
Кто меня кличет из Млечного Пути?
[А? Вова!
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твое благородное копытце!]

2 февраля 1922

179. Не шалить!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою –
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги.
Кто со мною – в полет?
А со мной – мои други!

Февраль 1922

180. «Я призываю вас шашкой...»

Я призываю вас шашкой
Дотронуться до рубашки.

Ее нет.

Шашкой сказать: король гол.

То, что мы сделали пухом дыхания,

Я призываю вас сделать железом.

15 февраля 1922

181. Кто?

Парень
С слоновьим затылком
И нежными и добрыми громадными неловкими ушами
Выпятил вперед,
Свесив губу, как слово «так!»,
Свой железный подбородок
Вождя толп,
Прет вперед и вперед, и вперед!
С веселыми глазами
Крушения на небе летчик,
Где мрачность миров осыпана
Осколками птицы железной,
Веселой птицы осколками.
И слабыми, добрыми губами.
Богатырь с сажень в плечах –
Кто он?
Бывало, своим голосом играя, как улыбкой,
Он зажигает спичку острот
О голенище глупости.

Начало 1922

182. «Оснегурить тебя...»

Оснегурить тебя
Пороши серебром.
Дать большую метлу,
Право гнать зиму
Тебе дать.

Начало 1922

183. «Приятно видеть...»

Приятно видеть
Маленькую пытящую русалку,
Приползшую из леса,
Прилежно стирающей
Тестом белого хлеба
Закон всемирного тяготения!

Начало 1922

184. «Участок – великая вещь!..»

Участок великая вещь!
Это – место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует!

Начало 1922

185. «Солнца лучи в черном глазу...»

Солнца лучи в черном глазу
У быка
И на крыле синей мухи,
Свадебной капли чертой
Мелькнувшей над ним.

<Весна 1922>

186. «Народ отчаялся. Заплакала душа...»

Народ отчаялся. Заплакала душа.
Он бросил сноп ржаной о землю
И на восток ушел с жаной,
Напеву самолета внемля.

В пожарах степь,
Холмы святые.
В глазах детей
Встают Батыи.

Колосьев нет... их бросил гневно
Боже ниц,
И на восток уходит беженец.

<Март 1922?>

187. «Есть запах цветов медуницы...»

Есть запах цветов медуницы
Среди незабудок
В том, что я,
Мой отвлеченный строгий рассудок,
Есть корень из Нет-единицы,
Точку раздела тая
К тому, что было,
И тому, что будет.
Кол.

Начало 1922

188. Ночной бал

Девы подковою топали
О поле, о поле, о поле!
Тяжкие билися тополи,
Звездный насыпан курган.
Ночь – это глаз у цыган!
Колымага темноты,
Звучно стучали коты!
Ниже тучи опахала
Бал у хаты колыхала,
Тешась в тучах, тишина,
И сохою не пахала
Поля молодца рука.
Но над вышитой сорочкой
Снова выросли окопы,
Через мглу короткой ночки
Глаз надвинулись потопы.
Это – бревна, не перина,
Это – кудри, не овчина...
Кто-то нежный и звериный.
«Ты дичишься? Что причина?
Аль не я рукой одною
Удержу на пашне тройку?
Аль не я спалил весною
Так, со зла, свою постройку?
Чтобы билось серебро,

Покрывало милой плечи,
Кто всадил нож под ребро
Во глухом лесу, далече?
Кровью теплой замарал
Мои руки, деньги шаря.
Он спросонок заорал
С диким ужасом на харе.
И теперь красоткой первой
Ты проходишь меж парней.
Я один горюю стервой
На задворках, на гумне».
Каркнет ворон на юру.
Всё за то, пока в бору
Роса пала над покойником,
Ты стоял лесным разбойником.
Всё задаром! Даром волос вьется скобкой,
Даром в поле зеленыя.
«Точно спичка о коробку,
Не зажжешься о меня».
Смотришь тихо и лениво,
Тихо смотришь на кистень.
Где же искра? Знать, огниво
Недовольно на кремень.

Начало 1922

189. «Трата и труд, и трение...»

Трата и труд, и трение,
Теките из озера три!
Дело и дар из озера два!
Трава мешает ходить ногам,
Отрава гасит душу, и стынет кровь.
Тупому ножу трудно резать.
Тупик – это путь с отрицательным множителем.
Любо идти по дороге веселому,
Трудно и тяжело тропою тащиться.
Туша, лишённая духа,
Труп неподвижный, лишённый движения,
Труна – домовина для мертвых,
Где нельзя шевельнуться, –
Все вы течете из тройки,
А дело, добро – из озера два.
Дева и дух, крылами шумите оттуда же.
Два – движет, трется – три.
«Трави ужи», – кричат на Волге,
Задерживая кошку.

Начало 1922

190. Всем

Есть письма – мечь.
Мой плач готов,
И выюга веет хлопьями,
И носятся бесшумно духи.
Я продырявлен копьями
Духовной голодухи,
Истыкан копьями голодных ртов.
Ваш голод просит есть,
И в котелке изящных чум
Ваш голод просит пищи – вот грудь надармака!
И после упадаю, как Кучум
От копий Ермака.
То голод копий проколоть
Приходит рукопись полоть.
Ах, жемчуга с любимых мною лиц
Узнать на уличной торговке!
Зачем я выронил эту связку страниц?
Зачем я был чужак неловкий?
Не озорство озябших пастухов –
Пожара рукописей палач, –
Везде зазубренный секач
И личики зарезанных стихов.
Все, что трехлетняя година нам дала,
Счет песен сотней округлить,
И всем знакомый круг лиц,

Везде, везде зарезанных царевичей тела,
Везде, везде проклятый Углич!

Апрель – май 1922

191. «Святче божий!..»

Святче божий!
Старец, бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая,
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
«Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!»
Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали:
Зачем идешь?

И какого ты роду-племени,
И откуда – ты?
Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет.
Только три мужика в черном поле
Да тьма воронов!
Вот пастух с бичом,
В узлах чертики
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

Май – июнь 1922

192. «Не чертиком масленичным...»

Не чертиком масленичным
Я раздуваю себя
До писка смешинного
И рожи плаксивой грудного ребенка.
Нет, я из братского гроба
И похо<рон> – колокол Воли.
Руку свою подымаю
Сказать про опасность.
Далекий и бледный, но не <житейский>
Мною указан вам путь,
А не большими кострами
Для варки быка
На палубе вашей,
Вам знакомых и близких.
Да, я срывался и падал,
Тучи меня закрывали
И закрывают сейчас.
Но не вы ли падали позже
И<гнали память крушений>,
В камнях <невольной> лепили
Тенью земною меня?
За то что напомнил про звезды
И был сквозняком быта этих голяков,
Не раз вы оставляли меня
И уносили мое платье,

Когда я переплывал проливы песни,
И хохотали, что я гол.
Вы же себя раздевали
Через несколько лет,
Не заметив во мне
Событий вершины,
Пера руки времен
За думой писателя.
Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Пел свои песни-лекар<ства>.

Май – июнь 1922

193. «Я вышел юношей один...»

Я вышел юношей один
В глухую ночь,
Покрытый до земли
Тугими волосами.
Кругом стояла ночь,
И было одиноко,
Хотелось друзей,
Хотелось себя.
Я волосы зажег,
Бросался лоскутами, кольцами
И зажигал кр<угом> себя <нрзб>,
Зажег поля, деревья –
И стало веселей.
Горело Хлебникова поле,
И огненное Я пылало в темноте.
Теперь и ухожу,
Зажегши волосами,
И вместо Я
Стояло – Мы!
Иди, варяг суровый Нансен,
Неси закон и честь.

Начало 1922?

194. «Еще раз, еще раз...»

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

<Май 1922>

Поэмы

195. Зверинец

Посв<ящается> В. И.

О, Сад, Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную схватку.

Где немцы ходят пить пиво.

А красотки продавать тело.

Где орлы сидят подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным вечера, днем.

Где верблюд, чей высокий горб лишен всадника, знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг, цветущий широким камнем.

Где наряды людей баскующие.

Где люди ходят насупившись и сумные.

А немцы цветут здоровьем.

Где черный взор лебедя, который весь подобен зиме, а черно-желтый клюв – осенней рощице, немного осторожен и недоверчив для него самого.

Где синий красивейшина роняет долу хвост, подобный видимой с Павдинского камня Сибири, когда по золоту пала и

зелени леса брошена синяя сеть от облаков, и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы.

Где у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских.

Где мы сжимаем руку, как если бы в ней был меч, и шепчем клятву: отстоять русскую породу ценой жизни, ценой смерти, ценой всего.

Где обезьяны разнообразно злятся и выказывают разнообразные концы туловища и, кроме печальных и кротких, вечно раздражены присутствием человека.

Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть, влагая древний смысл в правду: «Есть хочца! Поесть бы!» – и приседают, точно просят милостыню.

Где медведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказаний сторожа.

Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского.

Где грудь сокола напоминает перистые тучи перед грозой.

Где низкая птица влачит за собой золотой закат со всеми углями его инжира.

Где в лице тигра, обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина, мы чтим первого последователя пророка и читаем сущность ислама.

Где мы начинаем думать, что веры – затихающие струи волн, разбег которых – виды.

И что на свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть бога.

Где звери, устав рыкать, встают и смотрят на небо.

Где живо напоминает мучения грешников тюлень, с воплем носящийся по клетке.

Где смешные рыбокрылы заботятся друг о друге с трогательностью старосветских помещиков Гоголя.

Сад, Сад, где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг.

Сад.

Где орел жалуется на что-то, как усталый жаловаться ребенок.

Где лайка растрчивает сибирский пыл, исполняя старинный обряд родовой вражды при виде моющейся кошки.

Где козлы умоляют, продевая сквозь решетку раздвоенное копыто, и машут им, придавая глазам самодовольное или веселое выражение, получив требуемое.

Где заввысокая жирафа стоит и смотрит.

Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов посмотреть на небо в ожидании грозы.

Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий.

Где косматый, как девушка, орел смотрит на небо, потом на лапу.

Где видим дерево-зверя в лице неподвижно стоящего оленя.

Где орел сидит, повернувшись к людям шей и смотря в стену, держа крылья странно распушенными. Не кажется ли ему, что он парит высоко над горами? Или он молится? Или ему жарко?

Где лось целует сквозь изгородь плоскорогого буйвола.

Где олени лижут холодное железо.

Где черный тюлень скачет по полу, опираясь на длинные лапы, с движениями человека, завязанного в мешок, и подобный чугунному памятнику, вдруг нашедшему в себе приступы неудержимого веселья.

Где косматовласый «Иванов» вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его «товарищ».

Где львы дремлют, опустив лица на лапы.

Где олени неустанно стучат об решетку рогами и колотятся головой.

Где утки одной породы в сухой клетке поднимают единый крик после короткого дождя, точно служа благодарственный – имеет ли оно ноги и клюв? – божеству молебен.

Где цесарки – иногда звонкие сударыни с оголенной и наглой шей и пепельно-серебряным телом, обшитые заказами у той же портнихи, которая обслуживает звездные ночи.

Где в малайском медведе я отказываюсь узнать сосеверянина и вывожу на воду спрятавшегося монгола, и мне хочется отомстить ему за Порт-Артур.

Где волки выражают готовность и преданность скошенными внимательно глазами.

Где, войдя в душную обитель, в которой трудно быть долго, я осыпаем единодушным «дюрьрак!» и кожей семян праздных попугаев, болтающих гладко.

Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веерообразной ногой и после падает в воду, а когда он вскатывается снова на помост, на его жирном могучем теле показывается усатая, щетинистая, с гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой высокой черноглазой ламы и у плоскорогого низкого буйвола и у прочих жвачных движется ровно направо и налево, как жизнь страны.

Где носорог носит в бело-красных глазах неугасимую ярость низверженного царя и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем притаился Иоанн Грозный.

Где чайки с длинным клювом и холодным голубым, точно окруженным очками, оком имеют вид международных дельцов, чему мы находим подтверждение в прирожденном искусстве, с которым они подхватывают на лету брошенную тюленям еду.

Где, вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола, и вспоминая, что глаз казака, глубоко запавший под заломленной бровью, и этой птицы – родича царственных птиц – один и тот же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле. О, соколá, побивающие грудью цапель! И острый протянутый кверху

клюв ее! И булавка, на которую насекомых садит редко носитель чести, верности и долга!

Где красная, стоящая на лапчатых ногах утка заставляет вспомнить о черепахах тех павших за родину русских, в костяках которых ее предки вили гнезда.

Где в золотистую чуприну птиц одного вида вложен огонь той силы, какая свойственна лишь давшим обет безбрачия.

Где Россия произносит имя казака, как орел клетот.

Где слоны забыли свои трубные крики и издают крик, точно жалуются на расстройство. Может быть, видя нас слишком ничтожными, они начинают находить признаком хорошего вкуса издавать ничтожные звуки? Не знаю. О, серые морщинистые горы! Покрытые лишаями и травами в ущельях!

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное и часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы.

Лето 1909, 1911

196. Журавль

В. Каменскому

На площади в влагу входящего угла,
Где золотом сияющая игла
Покрыла кладбище царей,
Там мальчик в ужасе шептал: «Ей-ей!
Смотри, закачались в хмеле трубы – те!»
Бледнели в ужасе заики губы,
И взор прикован к высоте.
Что? Мальчик бредит наяву?
Я мальчика зову.
Но он молчит и вдруг бежит: какие страшные скачки!
Я медленно достаю очки.
И точно: трубы подымали свои шеи,
Как на стене тень пальцев ворожеи.
Так делаются подвижными дотоле неподвижные на
болоте выпы.
Когда опасность миновала, –
Среди камышей и озерной кипи
Птица-растение главою закивала.
Но что же? Скачет вдоль реки, в каком-то вихре,
Железный, кисти руки подобный, крюк.
Стоя над волнами, когда они стихли,
Он походил на подарок на память костяку рук!
Часть к части, он стремится к вещам с неведомой еще

силой –

Тик узник на свидание стремится навстречу милой!

Железные и хитроумные чертоги

В каком-то яростном пожаре,

Как пламень, возникающий из жара,

На место становясь, давали чуду ноги.

Трубы, стоявшие века,

Летят,

Движениям подражая червяка,

Игривей в шалости котят.

Тогда части поездов, с надписью: «Для некурящих» и
«Для служилых»,

Остов одели в сплетенные друг с другом жилы.

Железные пути срываются с дорог

Движением созревших осенью стручков.

И вот, и вот плывет по волнам, как порог,

Как Неясыть иль грозный Детинец, от берегов
отпавшийся Тучков!

О, род людской! Ты был как мякоть,

В которой созрели иные семена!

Чертя подошвой грозной слякоть,

Плывут восстанием на ты иные племена!

Из желез

И меди над городом восстал, грозя, костяк,

Перед которым человечество и все иное лишь пустяк,

Не более одной желёз.

Прямо летящие, в изгибе ль,

Трубы возвещают человечеству погибель.

Трубы незримых духов се! Поют:

«Змее с смертельным поцелуем
Была людская грудь уют».
Злей не был и Кощей,
Чем будет, может быть, восстание вещей.
Зачем же вещи мы балуем?
Вспенив поверхность вод,
Плывет наперекор волне железно-стройный плот.
Сзади его раскрылась бездна черна,
Разверзся в осень плод,
И обнажились, выпав, зерна.
Угловая башня, не оставив глашатая полдня – длинную
пушку,
Птицы образуют душку.
На ней в белой рубашке дитя
Сидит безумное, летя,
И прижимает к груди подушку.
Крюк лазает по остову
С проворством какаду.
И вот рабочий, над Лосьим островом,
Кричит, безумный: «Упаду!»
Жукообразные повозки,
Которых замысел по волнам молний сил гребет,
В красные и желтые раскрашенные полоски,
Птице дают становой хребет.
На крыше небоскребов
Колыхались травы устремленных рук.
Некоторые из них были отягощением чудовища зоба,
В дожде летящих в небе дуг
Летят, как листья в непогоду,

Трубы, сохраняя дым и числа года.
Мост, который гиератическим стихом
Висел над шумным городом,
Объяв простор в свои кова,
Замкнув два влаги рукава,
Вот медленно трогаются в путь
С медленной походкой вельможи, которого обшита
золотом грудь,
Подражая движению льдины,
И им образована птицы грудина.
И им точно правит какой-то кочегар,
И, может быть, то был спасшийся из воды в рубахе
красной и лаптях волгарь
С облипшими ко лбу волосами
И с богомольными вдоль щек из глаз росами.
И образует птицы кисть
Крюк, остаток от того времени, когда четверолапым
зверем только ведал жисть.
И вдруг бешеный ход дал крюку возница,
Точно когда кочегар геростратическим желанием
вызвать крушение поезда соблазнится.
Много сколько мелких глаз в глазе стрекозы оконные
Дома образуют род ужасной селезенки,
Зелено-грязный цинге исконный.
И где-то внутри их, просыпаясь, дитя отирает глазенки.
Мотри! Мотри! Дитя,
Глаза протри!
У чудовища ног есть полос буйнее меха козы.
Чугунные решетки – листья в месяце осени,

Покидая место, чудовища меху дают ось они.
Железные пути, в диком росте,
Чудовища ногам дают легкие трубчатообразные кости,
Сплетаясь змеями в крутой плетень,
И длинную на город роняют тень.
Полеты труб были так беспощадно явки,
Покрытые точками, точно пиявки,
Как новобранцы к месту явки,
Летели труб изогнутых пиявки –
Так шея созидалась из многочисленных труб.
И вот в союз с вещами летит поспешно труп.
Строгие и сумрачные девы
Летят, влача одежды длинные, как ветра сил напевы.
Какая-то птица, шагая по небу ногами могильного холма
С восьмиконечными крестами,
Раскрыла далекий клюв
И половинками его замкнула свет,
И в свете том яснеют толпы мертвецов,
В союз спешащие вступить с вещами.
Могучий созидался остов.
Вещи выполняли какой-то давнишний замысел,
Следуя старинным предназначениям.
Они торопились, как заговорщики,
Возвести на престол – кто изнемог в скитаниях,
Кто обещал:
«Я лалы городов вам дам и сел,
Лишь выполните, что я вам возвещал».
К нему слетались мертвецы из кладбищ
И плотью одевали остов железный.

«Ванюша Цветочкин, то Незабудкин, бишь, –
Старушка уверяла – он летит, болезный».

Изменники живых,

Трупы злорадно улыбались,

И их ряды, как ряды строевых,

Над площадью желчно колебались.

Полувеликан, полужуравель,

Он людом грозно правил,

Он распростер свое крыло, как буря волокна,

Путь в глотку зверя предуказан был человечку,

Как воздушнике путь в печку.

Над готовым погибнуть полем

Узники бились головами в окна,

Моля у нового бога воли.

Свершился перепорот. Жизнь уступила власть

Союзу трупа и вещи.

О, человек! Какой коварный дух

Тебе шептал, убийца и советчик сразу:

«Дух жизни в вещи влей!»

Ты расплескал безумно разум –

И вот ты снова данник журавлей.

Беды обступали тебя снова темным лесом,

Когда журавль подражал в занятиях повесам,

Дома в стиле ренессанс и рококо –

Только ягель, покрывший болото.

Он пляшет в небе высоко,

В пляске пьяного сколота.

Кто не умирал от смеха, видя,

Какие выкидывает в пляске журавель колена!

Но здесь смех приобретал оттенок безумия,
Когда видели исчезающим в клюве младенца.
Матери выводили
Черноволосых и белокурых ребят
И, умирая во взоре, ждали.
Одни от счастья лицо и концы уст зыбят,
Другие, упав на руки, рыдали.
Старосты отбирали по жеребьевке детей –
Так важно рассудили старшины –
И, набросав их, как золотистые плоды, в глубь сетей,
К журавлю подымали в вышины.
Сквозь сетки ячейки
Опускалась головка, колыхая шелком волос.
Журавль, к людским пристрастясь обедням,
Младенцем закусывал последним.
Учителя и пророки
Учили молиться, о необоримом говоря роке.
И крыльями протяжно хлопал,
И порой людишек скучно лопал.
Он хохот-клик вложил
В победное «давлю».
И, напрягая дуги жил,
Люди молились журавлю.
Журавль пляшет звончее и гольче еще,
Он людские крылом разметает полчища,
Он клюв одел остатками людского мяса,
Он скачет и пляшет в припадке дикого пляса.
Так пляшет дикарь над телом побежденного врага.
О, эта в небо закинутая в веселии нога!

Но однажды он поднялся и улетел вдаль.
Больше его не видали.

1909

197. Лесная дева

Когда лесной стремится уж
Вдоль зарослей реки,
По лесу виден смутный муж
С лицом печали и тоски.
Брови приподнятый печальный угол...
И он изгибом тонких рук
Берет свирели ствол (широк и кругол)
И издает тоскливый звук.
Предтечею утех дрожит цевница,
Воздушных дел покорная прислуга.
На зов спешит певца подруга –
Золотокудрая девица.
Пылает взоров синих колос,
Звучит ручьем волшебным голос!
И персей белизна струится до ступеней,
Как водопад прекрасных гор.
Кругом собор растений,
Сияющий собор.
Над нею неба лучезарная дуга,
Уступами стоят утесы;
Ее блестящая нога
Закутана в златые косы.
Волос из золота венок,
Внутри блистает чертог ног:
Казалось, золотым плащом

Задернут стройный был престол.
Очей блестящим лучом
Был озарен зеленый пол.
И золотою паутиной
Она была одета,
Зеленою путиной
Придя на голос света.
Молчит сияющий глагол.
Так, красотой своей чаруя,
Она пришла (лесная дева)
К волшебнику напева,
К ленивцу-тарарую.
И в сумрака лучах
Стоит беззлобный землежитель,
И с полным пламенем в очах
Стоит лучей обитель.
Не хитрых лепестков златой венок:
То сжали косы чертог ног.
Достигнута святая цель,
Их чувство осязает мель,
Угас Ярилы хмель.
Она, заснув с ласкающей свободой,
Была как омут ночью или водоем.
А он, лесник чернобородый,
Над ней сидел и думал. С ней вдвоем,
Как над речной долиной дуб,
Сидел певец – чрез час уж труп.
Храма любви блестят чертоги,
Как ночью блещущий ручей.

Нет сомнений, нет тревоги
В беглом озере ночей.
Без слов и шума и речей...
Вдруг крик ревнивца
Сон разбудил ленивца.
Топот ног. Вопль, брани стон,
На ноги вспрыгнул он.
Сейчас вокруг спящей начнется сеча,
И ветер унесет далече
Стук гневной встречи.
И в ямах вся поверхность почвы.
О, боги неги, пойдите прочь вы!
И в битве вывернутые пни,
И страстно борются они.
Но победил пришлец красавец,
Разбил сопернику висок
И снял с него, лукавец,
Печаль, усмешку и венок.
Он стал над спящею добычей
И гонит мух и веткой веет.
И, изменив лица обычай,
Усопшего браду на щеки клеит.
И в перси тихим поцелуем
Он деву разбудил, грядущей близостью волнуем.
Но далека от низкого коварства,
Она расточает молодости царство,
Со всем пылом жены брэнной,
Страсти изумлена переменой.
Коварство с пляской пробегает,

Пришельца голод утолив,
Тогда лишь сердце постигает,
Что значит новой страсти взрыв.
Она сидит и плачет тихо,
Прижав к губам цветков.
За что, за что так лихо
Ее оскорбил могучий рок.
И доли стана
Блестели слабо в полусвете.
Она стояла скорбно, странно,
Как бледный дождь в холодном лете.
Вкруг глаза, синего обманщика,
Горят лучи, не семя одуванчика?
Широких кос закрыта пеленой,
Стояла неги дочь,
Плеч слабая стеной...
Шептали губы: «Зверь!
Зачем убил певца?
Он кроток был. Любил свирель
Иль страсть другого пришлеца
Законная убийству цель?
В храмовой строгости берез
Зачем убил любимца грез?
Если чет средств примирить,
Я бы могла бы разделить,
Ему дала бы вечер, к тебе ходила по утрам, –
Теперь же все – для скорби храм!
И эти звезды и эти белые стволы –
Ничто! Ничто! – теперь мне не милы.

Был сердцем страстным молодой,
С своей черной бородой он был дитя.
Чего хотя,
Нанес убийственный удар,
Ты телом юн, а сердцем стар,
С черно-синей ночью глаз
И мелкокудрым златом влас?
Иль нет: убей меня,
Чтоб возле, здесь, была я труп,
Чтоб не жила, себя кляня
За прикосанье твоих губ».
И тот молчит. Стеная
Звонко, уходит та
И рвет со стоном волосы.
Тьма ночная
Зажгла на небе полосы
(Темно-красные цвета).
А он бежит? Нет, с светлой улыбкой,
Сочтя приключение ошибкой,
Смотрит сопернику в лицо,
Снимает холодное кольцо.
И, сев на камень,
Зажженный в сердце пламень
Излил в рыданиях мертвенной свирели,
И торжеством глаза горели.

198. И и Э. Повесть каменного века

1

«Где И?
В лесу дремучем
Мы тщетно мучим
Свои голоса.
Мы кличем И,
Но нет ея,
В следах семья.
Уж полоса
Будит три
Все жития,
Сны бытия».

2

Сучок
Сломился
Под резвой векшей.
Жучок
Изумился,

На волны легши.
Волн дети смеются,
В весельи хохочут,
Трясут головой,
Мелькают их плечики,
А в воздухе выются,
Щекочут, стрекочут
И с песней живую
Несутся кузнечики.

3

«О, бог реки,
О, дед волны!
К тебе старики
Мольбой полны.
Пусть вернется муж с лососем
Полновесным, черноперым.
Седой дедушка, мы просим,
Опираясь шестопером,
Сделай так, чтоб, бег дробя,
Пали с стрелами олени.
Заклинаем мы тебя.
Упадая на колени».

4

Жрецов песнопений
Угас уже зой.
Растаял дым,
А И ушла, блестя слезой.
К холмам седым
Вел нежный след ее ступеней.
То, может, блестела звезда
Иль сверкала росой паутина?
Нет, то речного гнезда
Шла сиротина.

5

«Помята трава.
Туда! Туда!
Где суровые люди
С жестоким лицом.
Горе, если голова,
Как бога еда,
Несется на блюде
Жрецом».

6

«Плачьте, волны, плачьте, дети!
И, красивой, больше нет.
Кротким людям страшны сети
Злого сумрака тенет.
О, поставим здесь холмы
И цветов насыпем сеть,
Чтоб она из царства тьмы
К нам хотела прилететь,
От погони отдыхая
Злых настойчивых ворон,
Скорбью мертвых утихая
В грустной скорби похорон.
Ах, становище земное
Дней и бедное длиною
Скрыло многое любезного
Сердцу племени надзвездного».

7

Уж белохвост
Проносит рыбу.
Могуч и прост,
Он сел на глыбу.

Мык раздался
Неведомого зверя.
Человек проголодался,
Взлетает тетеря.
Властители движению,
Небесные чины
Вести народ в сражение
Страстей обречены.
В бессмертье заковав себя,
Святые воеводы
Ведут, полки губя
Им преданной природы.
Огромный качается зверя хребет –
Чудовище вышло лесное.
И лебедь багровою лапой гробет –
Посланец метели веснойю.

8

И

Так труден путь мой и так долог,
И грудь моя тесна и тяжка,
Меня порезал каменный осколок,
Меня ведет лесная пташка.

Вблизи идет лучистый зверь.
Но делать что теперь
Той, что боязливей сердцем птичек?
Но кто там? Бег ужель напрасен?
То Э, спокойствия похитчик,
Твой вид знакомый мне ужасен!
Ты ли это, мой обидчик?
Ты ли ходить по пятам,
Вопреки людей обычаю,
Всюду спутник, здесь и там,
Рядом с робкою добычью?
Э! Я стою на диком камне,
Простирая руки к бездне,
И скорей земля легка мне
Будет, чем твоей любезной
Стану я, чье имя И.
Э! Уйди в леса свои.

9

Э

О, зачем в одежде слез,
Серной вспрыгнув на утес,
Ты грозишь, чтоб одинок

Стал утес,
Окровавив в кровь венки
Твоих кос?
За тобой оленьим лазом
Я бежал, забыв свой разум,
Путеводной рад слезе,
Не противился стезе.
Узнавая лепестки,
Что дрожат от края ног,
Я забыл голубые пески
И пещеры высокий порог.

10

Лесную опасность
Скрывает неясность.
Что было со мной
Недавней порой?
Зверь, с ревом гаркая
(Страшный прыжок,
Дыхание жаркое),
Лицо ожег.
Гибель какая!
Дыхание дикое,
Глазами сверкая,
Морда великая...
Но нож мой спас,

Не то – я погиб,
На этот раз
Был след ушиб.

11

И

Рассказать тебе могу ли?
В водопада страшном гуле?
Но когда-то вещуны
Мне сказали: он и ты –
Вы нести обречены
Светоч тяжкой высоты.
Я помню явление мужа:
Он, крыльями голубя пестуя,
И плечами юноши уже,
Нарек меня вечной невестою.
Концами крыла голубой,
В одежде огня золотой,
Нарек меня вечной вдовой.
Пути для жизни разны:
Здесь жизнь святого – там любовь,
Нас стерегут соблазны.
Зачем предстал ты вновь?

Дола жизни страшен опыт,
Он страшит, страшит меня!
За собой я слышу топот
Белоглавого коня.

12

Э

Неужели, лучшим в страже,
От невзгод оберегая,
Не могу я робким даже
Быть с тобою, дорогая?
Чистых сердц святая нить
Все вольна соединить.
Жизни все противоречья!
Лучший воин страшных сеч я,
Мне тебя не умолить!

13

И

Так отвечу: хорошо же!
Воин верный будешь мне.
Мы вдвоем пойдем на ложе,
Мы сгорим в людском огне.

14

Э

Дева нежная, подумай,
Или все цветы весны
На суровый и угрюмый
Подвиг мы сменить вольны?
Рок-Судьи! Даруй удачу
Ей в делах ее погонь.
Отйду я и заплачу,
Лишь тебя возьмет огонь.

Ты на ложе из жарких цветов,
Дева сонная, будешь стоять.
А я, рыдающий, буду готов
В себя меча вонзить рукоять.
Жрец бросает чет и нечет
И спокойною рукой
Бытия невзгоды лечит
Неразгаданной судьбой.
Но как быть, кого желанья –
Божьей бури тень узла?
Как тому, простерши длани,
Не исчезнуть в сени зла?
Слишком гордые сердца,
Слишком гневные глаза,
Вы, как копыя храбреца,
Для друзей его гроза.
Там, где рокот водопада
Душ любви связует нить,
И, любимая, не надо
За людское люд винить.
Видно, так хотело небо
Року тайному служить,
Чтобы клич любви и хлеба
Всем бывающим вложить,
Солнце дымом окружить.

Угас, угас
Последний луч.
Настал уж час
Вечерних туч.
Приходят рыбаки
На радости улова.
В их хижинах веселье.
Подруги кроткие зари,
Даруя небу ожерелье,
На небосклон восходят снова.
Уже досуг
Дневным суетам
Нес полукруг,
Насыщен светом.
Кто утром спит,
Тот ночью бесится.
Волшебен стук копыт
При свете месяца.
Чей в полночь рок греметь,
То тихо блистающим днем,
Шатаясь, приходит великий медведь,
И прыгает травка прилежным стеблем.
Приносит свободу,
Дарует истому,
Всеми живому

Ночью отдых.

16

И

Мы здесь идем. Устали ноги,
И в жажде дышит слабо грудь.
Давно забытые пороги,
О, сердце кроткое, забудь!
Сплетая ветки в род шатра,
Стоят высокие дубы.
Мы здесь пробудем до утра –
Послушно ждет удар судьбы.

17

Жрец

Где прадеды в свидании
Надменно почивали,

Там пленники изгнания
Сегодня ночевали.
Священным дубровам
Ущерблена честь.
Законом суровым
Да будет им Мечь.
Там сложены холмы из рог
Убитых в охотах оленей.
То теней священных урок,
То роща усопших селений.

18

Толпа

Пошли отряд
И приведи сюда!
Сверши обряд,
Пресекши года.

19

Жрец

О, юноши, крепче держите
Их! Помните наши законы:
Веревкой к столбу привяжите,
И смелым страшны похороны.
И если очи зачаруют
Своей молодой красотой,
То, помните, боги ликуют,
Увидев дым жертв золотой.

20

Вот юный и дева
Взошли на костер.
Вкруг них огонь из зева
Освещает жриц-сестер.
Как будто сторож умирающую,
Приблизясь видом к ожерелью,
Искр летающих собранье
Стоит над огненной постелью.

21

Но спускается Дева
Из разорванных радугой туч,
И зажженное древо
Гасит сумрака луч.
И из пламенной кельи,
Держась за руку, двое
Вышли. В взорах веселье,
Ликует живое.

22

И

Померкли все пути,
Исполнены обеты.
О, Э! Куда идти?
Я жду твои ответы!
Слышишь, слышишь, лес умолк
Над проснувшейся дубровой?
Мы свершили смелый долг,

Толпа родичей

Осужденных тела выкупая,
Мы пришли сюда вместе с дарами.
Но тревога, на мудрость скупая,
Узнает час живыми во храме.
Мы сличим тех,
Кто был покорен крику клятвы,
Кого боялся зоркий грез,
Сбирая дань обильной жатвы,
Из битвы пламеней лучистой
Кто вышел невредим,
Кто поборол душою чистой
Огонь и дым.
Лишь только солнце ляжет,
В закате догорая,
Идите нами княжить,
Страной родного края.

Послесловие

Первобытные племена имеют склонность давать имена, состоящие из одной гласной. Шестопер – это оружие, подобное палице, но снабженное железными или каменными зубцами. Оно прекрасно рассекает черепа врагов. Зой – хорошее и еще лучше забытое старое слово, значащее эхо. Эти стихи описывают следующее событие середины каменного века. Ведомая неясной силой, И покидает родное племя. Напрасны поиски. Жрецы молятся богу реки, и в их молитве слышится невольное отчаяние. Скорбь увеличивается тем, что следы направлены к соседнему жестокому племени; о нем известно, что оно приносит в жертву всех случайных пришельцев. Горе племени велико. Наступает утро, белохвост пронесет рыбу; проходит лесное чудовище. Но юноша Э пускается в погоню и настигает И; происходит обмен мнениями. И и Э продолжают путь вдвоем и останавливаются в священной роще соседнего племени. Но утром их застают жрецы, уличают в оскорблении святынь и ведут на казнь. Они вдвоем, привязанные к столбу, на костре. Но спускается с небес Дева и освобождает пленных. Из старого урочища приходит толпа выкупать трупы. Но она видит их живыми и невредимыми и зовет княжить. Таким образом, через подвиг, через огонь лежал их путь к власти над родными.

1911-1912

199. «Любовь приходит страшным смерчем...»

I. Тень в саду (поет)

Любовь приходит страшным смерчем
На слишком ясные зеркала.
Она вручает меч доверчивым
Убийства красного закала.
Она летит нежней, чем голубь,
Туда, где старая чета,
Как рок, приводит деву в пролубь
И сводит с жизнью счета.
Ее грома клянут отторженные
От всех забав, от всех забот,
С ней бродят юноши восторженные
В тени языческих дубров.
Она портниха ворожбы,
Волшебн<ой> радостной божбы.
Ее шагам в сердца «ау»,
Кружок голубеньких полосок,
Венком украсивших главу,
Свирели вешней отголосок.
Она внимает звонкой клятве,
Резва, как лань, в сердечной жатве.

Мудрец, богине благодарствуй,
Скажи: «Царица! Нами царствуй.
Иди, иди! Тобой я грезил,
Тебе престолы я ковал.
Когда, ведом тобой, как жезел,
Ходил, любил иль тосковал.
Я, песни воин прямодушный,
Тебе, стыдливой и воздушн<о>й,
Во имя ранней красоты
Даю дос<п>ехи и мечты».
Тогда бродили страсти голо
В земле славянского глагола,
И, звонкой кривдой не сочтешь,
Была красивой молодежь.
Из цветов сплетённый меч,
Ты дал силу мне воззвать –
Всем алчущим сна лечь
На дикую кровать.
И, молвы презрев обузы,
Верноподданных союзы
Царства вечной основать.
И ниша жизнь еще прелестней
К огням далеким потечет,
Когда воскликнем: «Нет небесней!» –
Тебе творя за то почет.
Чтоб, благодушно отвечая,
Ты нам сказала, не серчая:
«Да, вашей рати нет верней!
Равно приятны сердцу все вы.

Любите, нежные, парней,
Любимы ими будьте, девы!»
И, быть может, засмеется
Надевающий свой шлем
Захохочет, улыбнется
Кто был раньше строг и нем.
Как прекрасен ее лик!
Он не ведает вериг.
Разум – строгая гробница,
Изваяние на ней.
Сердце – жизни вереница,
Быстрый лёт живых теней.

(Кончает играть.)

II. Голос из сада

За мной, знамена поцелуя,
И, если я паду сражен,
Пусть, поцелуй на мне оснуя,
Склонится смерть, царица жен.
Она с неясным словарем
Прекрасных жалоб и молений
Сойдет со мной, без царств царем,
В чертоги мертвых поколений.

III. Другой голос

Мы потоком звезд одеты.
Вокруг нас ночная тьма.
Где же клятвы? Где обеты?
Чарования ума?
Скорый почерк на записке,
Что кольцом ладони смята.
Знаю, помню, милый близко.
Ночь покровом сердцу свята.
Милый юноша, ужели
Гневный пламень уст потух?
Я стою здесь. Посвежели
Струи ночи. Чуток слух.

IV. Первый голос

Порок сегодня развеивает
Свои могучие знамёна
И желтой тканью одевает
Ночные тусклые времёна.
Божниц в ресницах образа,
С свирелью скорбные глаза,
Вы мне знакомы с молодчества,
Я это вам везде отвечивал.

И взоров скорбное отечество,
Когда страдал, любил и бедствовал.
О, это вам, прекрасно-жгучим,
Послушны мы, порокам учим.
Как дуновенье поздних струй
И сна обещанный покой,
Твой обетован поцелуй
Твоей объемлемы<й> рукой.

V. Второй голос

Воды тихи; воздух красен,
Чуть желтеет он вверху,
Чуть журчит ветвями ясень,
Веткой дикою во мху.
Хоть и низок Севастополь,
Целый год крепился он,
Я стройна, как гордый тополь,
Неприступна с всех сторон.
Ах, Казбек давно просился
Под владычество Москвы,
Но позднее оросился
Кровью снег его главы.
На усердных богомоллов
Буду Дибич и Ермолов.
Дева, бойся указаний
Кремля белого Казани.

Стены, воином пробиты,
Ведь не нужны для защиты.
Были ведомы ошибки
И под Плевной, и на Шипке.
Я их встречу, как Кутузов
Рать нестройную французов.
Ты, что прелести таила,
Право, хрупче Измаила.
Нет, как воин у Царьграда,
Страх испытывая около,
Не возьмешь того, что надо,
Резвой волей в сердце сокола.
Нет, на строгой битве взоров
Буду воин и Суворов!
И красавицу Святославу
Дам и Нарву, и Полтаву!
Я же, выявив отвагу,
У Варшавы возьму Прагу!
Ныне я и ты, мы воины,
Перестанем, успокоенны.
Нет, цветущие сады
Старой тайны разум выжег.
В небесах уже следы
От подошвы глупых книжек.

VI. Второй голос

Кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Останься, странник. Посох брось!
Земного шара хочет ось,
Чтоб роковому слову «смерть»
Игрушкой была в час полночи твердь.
Там сумрак, тень, утес и зной,
Кусты, трава, приюты гаду.
И тополь тонкий и сквозной
Струит вечернюю прохладу.
Стоит священный знойный день,
Журчит ручья руки кистень.
Через каменный дневник,
Одеваем в тени тучею,
В кружев снежный воротник
Ты струей бежал гремучею.
Ты, как тополь стеклянный,
Упав с высоты,
О, ручей, за поляной
Вод качая листы.
Здесь пахнут травы-медоносы
И дальни черные утесы.
И рядом старый сон громад,
Насупив темное чело,
Числа твоих брызг, водопад,
Само божество не сочло!
И синий дрозд

Бежал у камней,
И влажный грозд
Висит меж растений.
Казалось мне, что словом разностопным
Ручей пел славу допотопным
Спутникам прошлых миров,
Жизнь их, веселие, ужасы, гибели.
Те, что от пиршеств столов
В дебри могильные скопами выбыли.
Ах, диким конем в полуденный час
Катился ручей, в ущелии мчась!
Вы, жители нашей звезды,
Что пламень лишь в время ночей.
Конем без узды
Катился ручей.
Вся книга каменного дна
Глазам понятна и видна.
Вверху прозрачная уха
Из туч, созвездий и светил,
Внизу столетий потроха.
По ним валы ручей катил.
Деревьев черные ножи
На страже двух пустынь межи.
Ладьи времен звук слышен гребли,
И бьет зеленые млат стебли.
Под стеклянной плащаницей
Древних мощей вереница.
На этом кладбище валов,
Ручья свобод на ложе каменном,

Носился ящер-рыболов
С зрачком удава желтым пламенным.
И несся рык,
Блестели пасти.
Морских владык
Боролись страсти
За право воздуха глотка,
За право поцелуя.
Теперь лежат меж плитняка,
Живую плотню пустуя.
Сих мертвых тел пронзая стаю,
Я предостережение читаю
Вам – царствам и державам,
Коварствам, почестям и славам.
Теперь же все кругом пустынно,
Вверху, внизу утесов тына,
Под стеклянным плащом,
Меж дубровы с плющом.
Из звезд морских, костей и ниток,
И ракообразных, и улиток,
Многосаженных ужей,
Подводных раков и ежей
Могильным сводом дикий мост
Здесь выгнула земля,
Огнув кольцом высокий рост
Утесов стройного кремля.
Давно умершее жилище,
Красноречивое кладбище,
Где высок утесов храм

Старой крепостью лучам.
Неутомимая работница,
Гробов задумчивая плотница,
То тихий отдых, то недуг,
Своим внимательная взором,
По этим пажитям усталым
Свой проводи усталый плуг.
Давно обманут кубком малым,
Давно разбит я в бурях спором,
Давно храню отчаянья звук!
Приход той славит, кто устал,
Кто прахом был и прахом стал!

VII. Первый голос

Слушай: отчаялось самое море
Донести до чертогов волну
И умчалось в пропасти, вторя
В вольном беге коню-скакуну.
Оно вспомнит и расскажет
Громовым своим раскатом,
Что чертог был пляской нажит
Дщерью в рубище лохматом.
Вдруг вспорхнула и согнулась
И, коснувшись рукою о руку,
Точно жрец, на других оглянулась,
Гусель гулких покорная звуку.

Не больше бел зимы снежок,
Когда, на пальцах ног держась,
Спрямит с землею сапожок,
Весенней бабочкой кружась.
Она легка; шаги легки.
Она и светоч и заря.
Кругом ночные мотыльки,
В ее сиянии горя.
Море вспомнит и расскажет
Грозным своим глаголом,
Что чертог был пляской нажит,
Пляской в капище веселом.
Синеет река,
От нас далека.
В дымке вечерней
Воздух снует.
Голос дочерний
Земля подает.
Зеленых сосен
Трепет слышен.
И дышит осень,
Ум возвышен.
Рот рассказов,
Взор утех.
В битве азов
Властен грех.
Я еще не знаю, кто вы,
Вы с загадочным дерзанием,
Но потоки тьмы готовы

Встретить час за нее лобзанием,
Но краса таит расплату
За свободу от цепей.
В час, когда взойду я к кату,
Друг свободы, пой и пей!
Вспомни, вспомни,
Как погиб!
Нет укромней
Стройных лип.
Там за этой темной кущей
Вспомни синий тот ручей,
Он, цветуще-бегущий,
Из ресниц бежит лучей.
Две богини нами правят!
Два чела прически давят!
Два престола песни славят!
Хватая бабра за усы
В стране пустынь золотой красы,
На севере соседим
С белым медведем.

VIII

Как чей-то меч железным звуком,
Недавно здесь ударил долг.
И, осужденный к долгим мукам,
Я головой упал, умолк.

На берега отчизны милой
Бросал я пену и буруны.
Теперь поник главою хилой,
Тростник главою желтострунный.
Храбрее, юноши! Недаром
Наш меч. Рассудком сумрак освещай
И в битвах пламенным ударом
Свой путь от терний очищай.
Я видел широкого буйвола рог
И умирающий глаз носорога.
А поодаль стоял весь в прекрасном пророк
И твердил: «В небесах наступает тревога!»
Он твердил: «Тот напиток уж выпит,
Что рука наливала судьбы,
И пророчества те, что начертит Египет,
Для всеобщего мира грубы».
Он мне поведал: «Забудутся игры,
Презрение ляжет на кротость овцы,
В душах возникнут суровые тигры,
Презреньем одеты свободой вдовцы».
Я видел – бабр сидел у рощи
И с улыбкой дышал в ствол свирели.
Ходили, как волны, звериные мощи,
И надсмешкою брови горели.
И с наклоном изящным главы
Ему говорила прекрасная дева.
Она говорила: «Любимцы травы!
Вам не хватает искусства напева!»
Ужель не верх земных достоинств

Быть единицей светлых воинств?
Вас, презираемых мечом,
Всех не окровавленных войной,
Бичуй, мой слог, секи бичом,
Топчи и конь мой вороной.
И поток золотых кудрей
Окровавленного лика
Скажет многих книг мудрей:
«Жизнь прекрасна и велика».
Нет, не одно тысячелетье,
Гонитель туч, суровый Вырей,
Когда гнал птиц лететь своею плетью,
Гуси тебя знали, летя над Сибирью.
Твой лоб молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей,
Но, как раньше, блистают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.
И ты застыл в плащах косматорыжих,
Как сей страны нетленный разум,
И лишь тунгуз бежит на лыжах,
Скользя оленьим легким лазом.
О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать,
Какой-то молнии куском
Бросать на темную кровать!
Перед тобою, Ян Собеский,
Огонь восторга бьется резкий.
И русские вы оба,
Пускай и «нет» грохочет злорада.

Юный лик спешит надвинуть
Черт порочных чёрта сеть.
Но пора настала минуть
Погремушкою греметь!
Пояс казацкий с узорною резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Иль вспыхнувший грозно в час ночи разбой –
То наполнило душу мою, человек.
То к свету солнца Купальского
Я пел, ударив в струны,
То, как конь Пржевальского,
Дробил песка буруны.
И, как сквозь белый порох, стен
Блестят иконы Византии,
Так не склоню пред вами я колен,
Судители России.
Смотрите, я крылом ширяю
Туда, в седой мглы белый дол,
И вас полетом примиряю –
Я, вострепнувшийся орел.
Мы юноши. Мечи наши остро отточены.
Раздавайте смело пощечины.
Юношей сердца смелей
Отчизны полей королей!
Кумирами грозными, белыми,
Ведайте, смелы мы!
Мы крепнем дерзко и мужаем
Под тяжким бедствий урожаем.
Когда в десне судьба резцом прорежет,

Несется трусов вой и скрежет.
Меч! Ты предмет веселый смеха,
Точно серьги для девиц,
Резвых юношей утеха,
Повергая царства ниц,
О мире вечном людской брехни
Поклоннику ты скажешь:
«Сейчас умрешь! Еще вздохни!» –
И холодно на горло ляжешь.
Учитель русского семейства,
Злодей, карающий злодейство,
Блажен, кто страсть тобой владеть
Донес до долга рокового.
Промолвит рок тебе: «Ответь!» –
Ты року скажешь свое слово,
А страницы воли звездной
Прочитает лязг железный.
Он то враг, то брат свободы, –
Меч, опоясавший народы.
Когда отчизна взглядом гонит,
Моей души князь Понятовский
Бросался с дерзостью чертовской,
Верхом плывет и в водах тонет...
Военная песнь, греми же всё ближе!
Греми же! Звени же!

IX

Из отдыха и вздоха
Веселый мотылек
На край чертополоха
Задумчиво прилег.
Летит его подруга
Из радуги и блеска,
Два шелковые круга,
Из кружева нарезка.
И юных два желанья,
Поднявшихся столбом,
Сошлись на свиданье
И тонут в голубом.
На закон меча намек
Этот нежный мотылек.
Ах, юнак молодой,
Дай тебе венок надену!
Ты забудешь разбой,
Ты забудешь измену.

X

Но пусть свобод твоих становища
Обляжет сильных войск змея.

Так из чугунного чудовища
Летит высокая струя.
Мы жребия войн будем искать,
Жребия войны, земле неизвестного,
И кровью войны будем плескать
В лики свода небесного.
Ведь взоры воинов морозны,
А их уста немые и грозны.
Из меди и стали стянут кушак,
А на голове стоит шишак.
Мы устали звездам выкать,
Научились звездам тыкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Пусть в ресницах подруг,
Как прежде, блистает таинственное.
Пусть труды и досуг
Юношей – страсть воинственная.
Все ходит сокол около
Прямых и гладких стен.
В походке странной сокола
Покой предчувствием смятен.
Он ходит, пока лов
Не кончен дикой смерти,
И телом мертвых соколов
Покой темницы смерти.

1911–1912

200. Гибель Атлантиды

1

«Мы боги», – мрачно жрец сказал
И на далекие чертоги
Рукою сонно указал.
«Холодным скрежетом пилы
Распались трупы на суставы,
И мною взнуданы орлы
Взять в клювы звездные уставы.
Давно зверь, сильный над косулей,
Стал без власти божеством.
Давно не бьем о землю лбом,
Увидя рощу или улей.
Походы мрачные пехот,
Копьем убийство короля
Послушны числам, как заход,
Дождь звезд и синие поля.
Года войны, ковры чуме
Сложил и вычел я в уме.
И уважение к числу
Растет, ручьи ведя к руслу.
В его холодные чертоги
Идут изгнанницы тревоги.

И мы стоим миров двух между,
Несем туда огнем надежду.
Все же самозванцем поцелуйным,
Перед восшествием чумы,
Был назван век рассудком буйным.
Смеется шут, молчат умы.
Наукой гордые потомки
Забыли кладбищей обломки.
И пусть нам поступь четверенек
Давно забыта и чужда,
Но я законов неба пленник,
Я самому себе изменник,
Отсюда смута и вражда.
Венком божеств наш ум венчается,
Но, кто в надеждах жил, отчается.
Ты – звездный раб,
Род человеческий!» –
Сказал, не слаб,
Рассудок жреческий.
«И юность и отроки наши
Пьют жизнь из отравленной чаши.
С петлею протянутой столб
И бегство в смерти юных толп,
Все громче, неистовой возгласы похоти
В словесном мерцающем хохоте.
О, каменный нож,
Каменных досок!
– Пламенный мозг,
– То молодежь!

Трудился я. Но не у оконченного здания
Бросаю свой железный лом!
Туда, к престолу мироздания,
Хочу лететь вдвоем с орлом!
Чтобы, склонив чело у ног,
Сказать: устал и изнемог!
Пусть сиротеет борозда,
Жреца прими к себе, звезда».

2

Рабыня

Юноша, светел,
Небо заметил.
Он заметил, тих и весел,
Звезды истины на мне,
Кошелек тугой привесил,
Дикий, стройный, на ремне.
К кошельку привесил ножик,
Чтоб застенчиво и впредь
С ним веселых босоножек
Радость чистую смотреть.
С ним пройдуся я, скача,
Рукавом лицо ударив,
Для усмешки отроча,
Для веселых в сердце зарев.

Жрец

Косы властны чернотой,
Взор в реснице голубой,
Круг блистает золотой,
Локоть взяв двойной длиной.
Кто ты,
С взором незабудки?
Жизнь с тобой шутила шутики.
Рабыня

Твои остроты,
Жрец, забавны.
Ты и я – мы оба равны:
Две священной единицы
Мы враждующие части,
Две враждующие дробы,
В взорах разные зеницы,
Две, как мир, старинных власти –
Берем жезл и правим обе.
Ты возник из темноты,
Но я более, чем ты:
Любезным сделав яд у ртов,
Ты к гробам бросил мост цветов.
К чему товарищ в час резни?

Жрец

Поостерегися... Не дразни...

Зачем смеешься и хохочешь?

Рабыня

Хочешь?

Стань палачом,

Убей меня, ударь мечом.

Рука подняться не дерзает?

На части тотчас растерзает

Тебя рука детей, внучат –

На плечи, руки и куски,

И кони дикие умчат

Твой труп разодранный в пески.

Ах, вороным тем табуном

Богиня смерти, гикнув, правит,

А труп, растоптан скакуном,

Глазами землю окровавит.

Ведай, знай: сам бог земной

Схватит бешено копьё

И за честь мою заступится.

Ты смеешься надо мной,

Я созвучие твое,

Но убийцы лезвие,

Наказание мое,

Ценой страшною окупится.

Узнает город ста святош,

Пред чем чума есть только грош.

Замажешь кровью птичьи гнезда,

И станут маком все цветы,

И молвят люди, скажут звезды:
Был справедливо каран ты.
След протянется багровый –
То закон вещей суровый.
Узнай, что вера – нищета,
Когда стою иль я, иль та.
Ты, дыхание чумы,
Веселишь рабынь умы!
С ним же вместе презираю
Путь к обещанному раю.
Ты хочешь крови и похмелий! –
Рабыня я ночных веселий!

Жрец

Довольно,
Лживые уста!

Рабыня

Мне больно, больно!
Я умираю, я чиста.

Жрец

Она, красива, умерла
Внутри волос золотых узла,
И, как умершая змея,
Дрожат ресницы у нея.

Ее окончена стезя,
Она мечом убита грубым.
Ни жить, ни петь уже нельзя,
Плясать, к чужим касаться губам.
Меч стал сытым кровью сладкой
Полоумной святотатки,
Умирающей загадкой
Ткань вопросов стала краткой.
Послушный раб ненужного усилья!
Сложи, о, коршун, злые крылья!
Иди же в ножны, ты не нужен,
Тебя насытил теплый ужин,
Напился крови допьяна.
Убита та, но где она?
Быть может, мести страшный храм?
Быть может, здесь, быть может, там?
Своих обид не отомстила
И, умирая, не простила.
Не так ли разум умерщвляет,
Сверша властительный закон,
Побеги страсти молодой?
Та, умирая, обещает
Взойти на страстный небосклон
Возмездья красною звездой!

3

Точно кровь главы порожней,
Волны хлещут, волны воют
Нынче громче и тревожней,
Скоро пристань воды скроют.
И хаты, крытые соломой,
Не раз унес могучий вал.
Свирельщик так, давно знакомый,
Мне ужас гибели играл.
Как будто недра раскаленные
Жерл огнедышащей горы,
Идут на нас валы зеленые,
Как люди, вольны и храбры.
Не как прощальное приветствие,
Не как сердечное «прости»,
Но как военный клич и бедствие,
Залились водами пути.
Костры горят сторожевые
На всех священных площадях,
И вижу – едут часовые
На челнах, лодках и конях.
Кто безумно, кто жестоко
Вызвал твой, о, море, гнев?
Видно мне чело пророка,
Молний брошенный посев.
Кто-то в полночь хмурит брови,
Чей-то меч блеснул, упав.
Зачем, зачем? Ужель скуп к крови
Град самоубийства и купав?

Висит – надеяться не смеем мы –
Меж туч прекрасная глава,
Покрыта трепетными змеями,
Сурова, точно жернова.
Смутна, жестока, величава,
Плывет глава, несет лицо –
В венке темных змей курчаво
Восковое змей яйцо.
Союз праха и лица
Разрубил удар жестокий,
И в обитель палача
Мрачно ринулись потоки.
Народ, свой ужас величающий,
Пучины рев и звук серчающий,
И звезды – тихие свидетели
Гробницы зла и добродетели.
Город гибнет. Люди с ним.
Суша – дно. Последних вестъ.
Море с полчищем своим
Все грозит в безумстве снести.
И вот плывет между созвездий,
Волнуясь черными ужами,
Лицо отмщенья и возмездий –
Глава, отрублена ножами.
Повис лик, длинно-восковой,
В змей одежде боковой,
На лезвии лежит ножа.
Клянусь, прекрасная глава –
Она глядит, она жива.

Свирель морского мятежа,
На лезвии ножа лежá,
В преддверье судеб рубежа,
Глазами тайными дрожа,
Где туч и облака межа,
Она пучины мести вождь.
Кровавых капель мчится дождь.
О, призрак прелести во тьме!
Царица, равная чуме!
Ты жила лишённой чести,
Ныне ты – богиня мести.
О, ты, тяжелая змея
Над хрупки образом ея, –
Отмщенья страшная печать
И ножен мести рукоять.
Змей сноп, глава окровавлённая,
Бездна – месть ее зеленая.
Под удары мерной гребли
Погибает люд живой,
И ужей вздыбились стебли
Над висячею главой.
О, город, гибель созерцающий,
Как на бойнях вол, – спокойно.
Валы гремят, как меч бряцающий,
Свирели ужаса достойно.
Погубят прежние утехы
Моря синие доспехи.
Блеск, хлещет ливень, свищет град
И тонет, гибнет старый град!

Она прической змей кольшет,
Она возмездья ядом дышит.
И тот, кто слушал, слово слышит:
«Я жреца мечом разрублена,
Тайна жизни им погублена,
Тайной гибели я вею
У созвездья Водолея.
Мы резвились и пели, –
Вдруг удар меча жреца!
Вы живыми быть сумели,
Схоронив красу лица.
И забыты те, кто выбыли!
Ныне вы в преддверье гибели.
Как вы смели, как могли вы
Быть безумными и живы!
Кто вы? Что вы? Вы здоровы!
Стары прежние основы.
Прежде облик восхищения,
Ныне я – богиня мщения».
Вверху ужей железный сноп,
Внизу идет, ревет потоп.
Ужасен ветер боевой,
Валы несутся, все губя.
Жрец, с опущенной головой:
«Я знал тебя!»

201. Ви́ла и Леший. Мир

Горбатый леший и младая
Сидят, о мелочах болтая.
Она, дразня, пьет сок березы,
А у овцы же блещут слезы.
Ручей, играя пеной, пел,
И в чашу голубь полетел.
Здесь только стадо пронеслось
Свистящих шумно диких уток,
И ветвью рог качает лось,
Печален, сумрачен и чуток.
Исчез и труд, исчезло дело;
Пчела рабочая гудела,
И на земле и в вышине
Творилась слава тишине.
Овца задумчиво вздыхает
И комара не замечает.
Комар, как мак, побагровел
И звонко, с песней, улетел.
Качая черной паутиной
На землю падающих кос,
Качала Ви́ла хворостиной
От мошек, мушек и стрекоз.
Лег дикий посох мимо ног;
На ней от воздуха одежда;
Листов березовых венки

Ее опора и надежда.
Ах, юность, юность, ты что дым!
Беда быть тучным и седым!
Уж Леший капли пота льет
С счастливой круглой головы.
Она рассеянно плетет
Венки синеющей травы.
«Тысячелетние громады
Морщиной частою измучены.
Ты вынул меня из прохлады,
И крылышки сетью закручены.
Леший добрый, слышишь, что там?
Натиск чей к чужим высотам?
Там, на речке, за болотом?»
Кругом теснилась мелюзга,
Горя мерцанием двух крыл,
И ветер вечером закрыл
Долину, зори и луга.
«Хоть сколько-нибудь нравится
Тебе моя коса?» –
«Конечно, ты красавица,
То помнят небеса.
Ты приютила голубков,
Косою черная, с боков!»
А над головой ее летал,
Кружился, реял, трепетал
Поток синеющих стрекоз
(Где нет ее, там есть мороз),
Младую Вилу окружал

И ей в сиянье услужал.
Вокруг кудрявы дерева,
Сини, могучи небеса.
Младенец с пышною косою
Стоял в дуброве золотой,
Живую жизнь созерцал
И сердцу милым нарицал.
«Спи, голубчик, спи, малюта,
В роще мира и уюта!»
Рукой за рог шевелит нежно,
Так повторив урок прилежно.
На небо смотрит. Невзначай
На щеку каплет молочай.
Рукою треплет белый чуб,
Его священную чуприну.
«Чуть-чуть ты стар, немного глуп,
Но все же брат лугам и крину».
Но от темени до пят
Висит воздушная ограда,
Синий лен сплести хотят
Стрекоз реющее стадо.
«Много, много мухоморов,
Есть в дуброве сухостой,
Но нет люда быстрых взоров,
Только сумрак золотой.
Где гордый смех и где права?
Давно у всех душа сова?»
На мху и хвое Леший дремлет,
Главу рукой, урча, объемлет.

Как мотылек, восток порхал
И листья дуба колыхал.
Военный проходит
С орлом на погоне;
И взоров не сводит,
Природа в загоне.
Она встает, она идет,
Где речки слышен зов – туда,
Где мышь по лону вод плывет
И где задумчива вода.

Голос с реки

Я белорукая,
Я белокожая,
Ручьям аукая,
На щук похожая,
О землю стукая,
Досуг тревожу я.

«Кто там, бедная, поет?
Злую волю кто кует?»
В тени лесов, тени прохладной,
Стоял угрюмый и злорадный
Рыбак. Хохол волос упал со лба.
Вблизи у лоз его судьба.
Точно грешник виноватый,
Боязливый, вороватый,
Дикий, стройный, беспокойный,

Здесь рыбак пронес уду,
Верен вольному труду.
Неслась веселая вода.
Постой, разбойница, куда?

«Где печали,
Где качели,
Где играли
Мы вдвоем?
Верещали
Из ущелий
Птицы.
Бился водоем».

Козлоногих сторожей
Этой рощи, этих стад,
Без копья и без ножей
Распря видеть умный рад.
Пусть подьют черти руку,
Возглашая, что довольно!
Веселясь лбов крепких стуку,
Веселюсь и я невольно.
Страсть, ты первая посылка,
Чтоб челом сразиться пылко.
Над лысой старостью глумится
Волшебная девица.
Хребтом прекрасная, сидит,
Огнем воздушных глаз трепещет,
Поет, смеется и шалит,

Зарницей глаз прекрасных блещет
И сыплет сверху муравьев.
Они звончее соловьев
На ноги спящего поставят
И страшным гневом позабавят.
Как он дик и как он согнут,
Веткой длиною дрожа,
Как персты его не дрогнут,
Палкой длинной ворожа.
Как дик и свеж
Владыка мреж!
«Я, в сеть серебряных ячеек
Попавши, сомом завоплю,
В хвосте есть к рыбам перешеек,
Им оплеуху налеплю».
Рукою ловит комаров
И садит спящему на брови:
«Ты весел, нежен и здоров,
Тебе не жалко капли крови.
Дубам столетним ты ровесник,
Но ты рогат, но ты кудесник».
Подобно шелка черным сетям,
С чела спускалася коса,
В нее, летя к голодным детям,
Попалась желтая оса.
«Осы боюсь!» Осу поймала;
Та изогнула стан дугой
И в ухо беса, что дремало,
Вонзился хвост осы тугой.

Ручную садит пчелку
В его седую холку.
Он покраснел, чуть-чуть рассержен.
И покраснел заметно он,
Но промолчал: он был воздержан
И не захотел нарушить сон.
«Как ты осклиз, как ты опух,
Но все же витязь верный, рьяный,
Капуста заячья, лопух!
Козел, всегда собою пьяный!»
Устало, взорами небесная
Дышала трудно, но прелестная.
Сверчки свистели и трещали
И прелесть жизни обещали.
Досуг лукавством нежным тешит
И волос ногтем длинным чешет.
И на плечо ее прилег
Искавший радость мотылек.
Но от головы до самых ног
Снует стрекозых крыл станок.
Там небеса стоят зеленые,
Какой-то тайной утомленные.
Но что? «Ква, ква!» – лягушка пела, пасть ужа.
Уже бледна вскочила Вила, вся дрожа.
И внемлет жалобному звуку,
Подъемля к небу свою руку.
Власы волной легли вдоль груди,
Где жило двое облаков,
Для восхищенных взоров судей,

Для взоров пылких знатоков!
О, этот бледный страха крик!
Подъемлет голову старик.
«Не всё же, видно, лес да ели;
Мы, видно, крепко надоели.
Ты дюже скверная особа».
(Им овладели гнев и злоба.)
«Души упрямца нету вздорней!
Смотри, смотри! Смотри проворней!
Мы капли жизни бережем,
Она же съедена ужом».
Там жаба тихо умирает
И ею уж овладевает.
Блестя, как рыбки из корзинки,
По щекам падали слезинки.
Он телом стар, но духом пылок,
Как самовар блестит затылок.
Он гол и наг: ветхи колосья
Мехов, упавших на бедро,
Склонились серые волосья
На лоб и древнее чело.
Его власы – из снега льны,
Хоть мышцы серы и сильны.
«Мой товарищ желтоокий!
Посмотри на мир широкий.
Ты весной струей из скважин
Жадно пьешь березы сок,
Ты и дерзок и отважен,
Телом спрятан у осок.

И, грозя согнутым рогом,
Сладко гредишь о немногом».
Исполнен неясных овечьих огней,
Он зенками синими водит по ней.
И просит, грустящий, глазами скользя;
Но Вила промолвила тихо: «Нельзя!» –
И машет строго головой.
Тот, вновь простерт, стал чуть живой.
Рога в сырой мох погрузил
И, плача, звуком мир пронзил.
Вблизи цветка качалась чашка;
С червем во рту сидела пташка.
Жужжал угрозой синий шмель,
Летя за взяткой в дикий хмель.
Осока наклонила ось,
Стоял за ней горбатый лось.
Кричал мураш внутри росянки,
И неся свист золотой овсянки.
Ручей про море звонко пел,
А Леший снова захрапел!
В меха овечьи сел слепень,
Забывши свой сосновый пень.
Мозоль косматую копытца
Скрывала травка медуница.
И вечер шел. Но что ж: из пара
Встает таинственная пара.
Воздушный аист грудью снежной,
Костяк вершины был лишен,
И, помогая выйти нежно,

Достоин жалости, смешон,
Он шею белую вперил
На небо, тучами покрыто,
И дверь могилы отворил
Своей невесте того быта.
Лучами солнце не пекло;
Они стоят на мокрых плитах.
И что же? Светское стекло
Стояло в черепае на нитях.
Но скоро их уносит мгла,
Земная кружится игла.
Но долго чьи-то черепа
Стучали в мраке, как цепа.
А Вила знак сухой сломила,
С краев проворно заострила,
И в нос косматому ввела,
И кротко взоры подняла.
Рукой по косам провела,
О чем-то слезы пролила,
И, сев на пень взамену стула,
Она заплакала, всхлипнула.
И вдруг (о, радость) слышит: «Чих!»
То старый бешено чихнул,
Изгнать соломинку вздрогнул.
«Мне гнев ужасен лешачих.
Они сейчас меня застанут,
Завоют, схватят и рванут,
И все мечты о лучшем канут,
И речи тихие уснут.

Покрыты волосом до пят,
Все вместе сразу завопят.
Начнут кусаться и царпать
И снимут с кожи белой лапоть.
Союз друзей враждой не понят,
На всех глаголах ссор зазвонят
И хворостиною погонят
Иль на веревке поведут.
Мне чьи-то поступь уж слышна.
Ах, жизнь сурова и страшна!» –
«Смотри, сейчас сюда нагрянут,
Пощечин звонких наддадут
Грызня начнется и возня,
Иди, иди же, размазня!»
Себя обвинив концом веревки,
Меж тем брюшко сребристо-лысое
Ему давало сходство с крысою,
Ушел, кряхтя, в места ночевки.
Печально в чаще исчезал,
Куда идти, он сам не знал.
Он в чащу плешину засунул
И, оглянувшись, звонко плюнул.
«Га! Еще побьют». –
«Достоин жалости бедняга!
Пускай он туп,
Пускай он скряга!
Мне надо много денег!» –
«А розог веник?» –
«Ожерелье в сорок тысяч

Я хочу себе достать!» –
«Лучше высечь...
Лучше больше не мечтать». –
«И медведя на цепочке...
Я мукой посыплю щечки.
Будут взоры удлинёнными,
Очи больше современными.
Я достану котелок
На кудрей моих венков.
Рот покрасив медведхетом,
Я поспорю с целым светом,
И дикарскую стрелу
Я на щечке начерчу.
Вызывая рев и гнев,
Стану жить я точно лев.
Сяду я, услыша ропот,
И раздастся общий шепот». –
«То-то, на той сушине растёт розга». –
«Иди, иди, ни капли мозга!» –
«Иду, иду в мое болото.
Трава сыра». – «Давно пора!»
Досады полная вконец, –
Куда ушел тот сорванец? –
Бросала колкие надсмешки,
Сухие листья, сыроежки,
Грибы съедобные, и ветки,
И ядовитые заметки.
Летела нитка снежных четок
Вслед табуны лесных чечеток.

С сосновой шишкой, дар зайчишки, –
Сухая крышка мухомора
Летит как довод разговора.
Слоны, улитки-слизняки,
И веткой длинной сквозняки,
А с ними вместе города
Летят на воздух все туда.
Она все делалась сердитей
И говорила: «Погодите.
О ты, прижимающий ухо косое,
Мой заяц, ответь мне, какого ты соя?»
Как расшалившийся ребенок,
Покинут нянькой нерадивой,
Бесился в ней бесенок,
Покрытый пламенной гривой.
К ручейной влаге наклонясь,
Себя спросила звонко: «Ась?» –
И личиком печальным чванится
Стран лицемерия изгнанница.
Она пошла, она запел
Грозно, воинственно, звонко.
И над головою пролетела
В огне небес сизоворонка.
Кругом озера и приволье,
С корой березовой дреколье,
Поля, пространство, и леса,
И голубые небеса.
Вела узорная тропа;
На частоколе черепа.

И рядом низкая лачуга,
Приют злодеев и досуга.
Овчарка встала, заворчав,
Косматый сторож величав.
Звонков задумчивых бренчанье,
Овчарки сонное ворчанье.
Повсюду дятлы и синицы,
И белоструйные криницы.
«Слышу запах человеческий?
Где он, дикий? Мех овечий?»
Вид прекрасный, вид пригожий,
Шея белая легка,
Рядом с нею, у подножий,
Два трепещут мотылька.
И много слов их ждет прошептанных,
И много троп ведет протоптанных.

1912

202. Шаман и Венера

Шамана встреча и Венеры
Была так кратка и ясна:
Она вошла во вход пещеры,
Порывам радости весна.
В ее глазах светла отвага
И страсти гордый, гневный зной:
Она пред ним стояла нага,
Блестя роскошной пеленой.
Казалось, пламенный пожар
Ниспал, касаясь древка снега.
Глаз голубых блестел стожар,
Прозя у желтого ночлега.
«Монгол! – свои надувши губки,
Так дева страсти начала.
(Мысль, рождена из длинной трубки,
Проводит борозды чела). –
Ты стар и бледен, желт и смугол,
Я же – роскошная река!
В пещере дикой дай мне угол,
Молю седого старика.
Я, равная богиням,
Здесь проведу два-три денька.
Послушай, рухлядь отодвинем,
Чтоб сесть двоим у огонька.
Ты веришь? Видишь? – Снег и вьюга!

А я, владычица царей,
Ищу покровы и досуга
Среди сибирских дикарей.
Еще того недоставало –
Покрыться пятнами угрей.
Монгол! Монгол! Как я страдала!
Возьми меня к себе, согрей!»
Покрыта пеплом из снежинок
И распустив вдоль рук косу,
Она к нему вошла. Как инок,
Он жил один в глухом лесу.
«Когда-то храмы для меня
Прилежно воздвигала Греция.
Могол, твой мир обременя,
Могу ли у тебя согреться я?
Меня забыл ваять художник,
Мной не клянется больше витязь.
Народ безумец, народ безбожник,
Куда идете? Оглянитесь!» –
«Не так уж мрачно, –
Ответил ей, куря, шаман. –
Озябли вы, и неудачно
Был с кем-нибудь роман». –
«Подумай сам: уж перси эти
Не трогают никого на свете.
Они полны млека, как крынки.
(По щекам катятся слезинки.)
И к красоте вот этой выи
Холодны юноши живые.

Ни юношей, ни полководцев,
Ни жен любимцев, ни уродцев,
Ни утомленных стариков,
Ни в косоворотках дураков.
Они когда-то увлекали
Народы, царства и престолы,
А ныне, кроткие, в опале,
Томятся, спрятанные в полы.
И веришь ли? Меня заставили одеть
Вот эти незабудки!
Ну, право, лучше умереть.
Чем эти шутки.
Это жестоко». Она отошла
И, руки протянув, вздохнула.
«Как эта жизнь пошла!»
И руки к небу протянула.
«Всё, всё, монгол, всё, всё – тщета,
Мы – дети низких вервий.
И лики девы – нищета,
Когда на ней пируют черви!»
Шаман не верил и смотрел,
Как дева (золото и мел)
Присела, зарыдав,
И речь повел, сказав:
«Напрасно вы сели на обрубок –
Он колок и оцарапает вас».
Берет с стола красивый кубок
И пьет, задумчив, русский квас.
Он замолчал и, тих, курил,

Смотря в вечернее пространство.
Любил убрать, что говорил,
Он в равнодушия убранство.
И дева нежное «спасибо»
Ему таинственно лепечет
И глаза синего изгиба
Взор шаловливо мечет.
И смотрит томно, ибо
Он был красив, как белый кречет.
Часы летели и бежали,
Они в пещере были двое.
И тени бледные дрожали
Вокруг вечернего покоя.
Шаман молчал и вдаль глядел,
Венера вдруг зевнула.
В огонь шаман глядел,
Венера же уснула.
Заветы строгие храня
Долга к пришелицам святого,
Могол сидел, ей извиня
Изгибы тела молодого.
Так, девы сон лелея хрупкий,
Могол сидел с своею трубкой.
«Ах, ах!» – она во сне вздыхала,
Порою глазки открывала,
Кого-то слабо умоляла,
Защитой руку подымая,
Кому-то нежно позволяла
И улыбалася, младая.

И вот уж утро. Прокричали
На елях бледные дрозды.
Полна сомнений и печали,
Она на смутный лик звезды
Взирала робко и порой
О чем-то тихо лепетала,
Про что-то тихо напевала.
Бледнело небо и светало.
Всходило солнце. За горой
О чем-то роща лепетала.
От сна природа пробудилась,
Младой зари подняв персты.
Венера точно застыдилась
Своей полночной наготы.
И, добродетели стезей идя неопытной ногой,
Она раздумывала, прилично ли нагой
Явиться к незнакомому мужчине.
Но было сокрыт ответ богини.
[«Он мало мне знаком», –
Она и уме споем решила,
Сорвать листочек поспешила
И тело бледное прикрыла
Березы черным лепестком.
И великодушный к ней могол
Ей бросил шкуру рыси.]
И дева, затаив глагол,
Моголу бросила взор выси.
От кос затылок оголив,
Одна, без помощи подруг,

Она закручивает их в круг.
Но тот, как раньше, молчалив.
Затылок белый так прекрасен,
Для чистых юношей так ясен.
Но, лицемерия престол,
Сидит задумчивый могол.
Венера ходит по пещере
И в горести ломает руки.
«Это какие-то звери!
Где песен нежных звуки?
От поцелуев прежних зноя,
Могол! Могол, спаси меня!
Я вся горю! Горя и ноя,
Живу, в огнистый бубен чувств звеня.
Узнай же! Знаешь, что тебе шепну на ухо?
Ты знаешь? Знаешь, – я старуха!..
Никто не пишет нежных писем,
Никто навстречу синим высям
Влюбленных глаз уж не подьемлет,
Но всякий хладно с книжкой дремлет.
Но всякий хладно убегает
Прочь от себя за свой порог,
Лишь только сердце настигает
Любви назначенный урок.
Как все это жестоко! –
Сказала дева, вдруг заплакав. –
Скажи хоть ты: ужель с Востока
Идет вражда к постелям браков?
К ногам снегов, к венкам из маков?

С хладом могилы отрок одинаков».
Но, неразговорчив и сердит
Как будто, тот сидит.
Напрасно с раннего утра,
Раньше многоголосых утра дудок,
Она из синих незабудок,
В искусстве нравиться хитра,
Сплела венок почти в шесть сажен
И им обвилась для нежных дел.
По-прежнему монгол сидел,
Угрюм, задумчив, важен.
Вдруг сердце громче застучало.
«Могол, послушай, – так начала
Она. – Быть может, речь моя чудна
И даже дика, и мало прока.
Я буду здесь бродить одна
(Ты знаешь, я ведь одинока),
Срывать цветы в густом лесу,
Вплетать цветы в свою косу.
Вдали от шума и борьбы,
Внутри густой красивой рощи
Я буду петь, собирать грибы,
Искать в лесу святого мощи,
Что может этой жизни проще?» –
«Изволь, душа моя, – ответил
Могол с сияющей улыбкой. –
Я даже в лесу встретил
Дупло с прекрасной зыбкой».
В порыве нежном хорошея,

Она бросается ему на шею,
Его ласкает и целует,
Ниспали волосы, как плащ.
Могол же морщится, тоскует
Она в тот миг была палач.
Она рассказывает ему
Про вредный плод куренья.
«Могол любезный, не кури!
Внемли рыданию моему».
Он же, с глазами удовлетворенья,
Имя произносит Андури.
Шаман берет рукою бубен
И мчится в пляске круговой,
Ногами резвыми стучит,
Венера скорбная молчит
Или сопровождает голос трубен,
Дрожа звенящей тетивой.
Потом хватает лук и стрелы
И мимо просьб, молитв, молений
Идет охотник гордый, смелый
К чете пасущихся оленей.
И он таинственно исчез,
Где рос густой зеленый лес.
Одна у раннего костра
Венера скорбная сидит.
То грусть. И, ей сестра,
Она задумчиво молчит.
Цветы сплетая в сарафан,
Как бело-синий истукан,

Глядит в необеспокоенные воды –
Зеркало окружающей природы.
Поет, хохочет за двоих
Или достает откуда-то украдкой
Самодержавия портных
Новое уложение законов
И шепчет тихо: «Как гадко!»
Или: «Как безвкусно... фу, вороны!»
Сам-друг с своею книжкой,
Она прилежно шепчет, изучает,
Воркует, меряет под мышкой
И... не скучает.
И воды после переходит,
И по поляне светлой бродит.
Сплетает частые венки,
На косах солнца седоки.
О чем-то с горлинкой воркует
И подражательно кокует.
Венера села на сосновый пень
И шепчет робко: «Ветер-телепень!»
Один лишь ты меня ласкаешь
Своею хрупкою рукой,
Мне один не изменяешь,
Людей отринувши покой.
Лишь тебе бы я дарила
Сном насыщенный ночлег,
Двери я бы отворила,
Будь ты отрок, а не бег...
Будь любимый человек...

Букашки и все то, что мне покорно!
Любите, любите друг друга проворно!
Счастье не вернется никогда!»
И вот приходит от труда,
Ему навстречу выбегает,
Его целует и ласкает,
Берет оленя молодого,
На части режет, и готово
Ее стряпни простое блюдо;
Сидит и ест... ну, право же, не худо!
Шаман же трубку тихо курит
И взор устало, томно шурит.
И, как чудесная страна,
Пещера в травы убрана.
Однажды белый лебедь
Спустился с синей высоты,
Крыло погибшее колебит
И, умирая, стонет: «Ты!
Иди, иди! Тебя зовут,
Иди, верши свой кроткий труд.
От крови черной пегий
Я, умирающий, клянусь:
Иди, иди, чаруя негой
Свою забытую страну.
Тебе племен твоих собор
Готовит царственный убор.
Иди, иди, своих лелея!
Ты им других божеств милее.
Я, лебедь умирающий, клянусь:

Дитя, вернись в свою страну,
Забыв страну озер и мохов,
Иди, приемля дань из вздохов».
И лебедь лег у ног ея,
Как белоснежная змея.
Он, умирающий, молил
И деву страсти умилил.
«Шаман, ты всех земных мудрей!
Как мной любима смоль кудрей,
И хлад высокого чела,
И взгляда острая пчела.
Я это все оставлю,
Но в песнях юноши прославлю
Вот эти косы и эту грудь.
Ведун мой милый, все забудь!
И водопад волос могуче-рыжий,
И глаз огонь моих бесстыжий,
И грудь, и твердую и каменную,
И духа кротость пламенную.
Как часто после мы жалеем
О том, что раньше бросим!»
И, взором нежности лелеем,
Могол ей молвит: «Просим
Нас не забывать,
И этот камень дикий, как кровать
Он благо заменял постели,
Когда с высокой ели
Насмешливо свистели
Златые свиристели».

И с благословляющей улыбкой
Она исчезает ласковой ошибкой.

1912

203. Марина Мнишек

«Пане! Вольны вы
Меня пленить блестящим разговором,
Умом находчивым и спорым,
В котором всё – днепровская струя
И широко-синие заливы,
Но знайте! Я
Если и слыву всех польских дев резвей
В мазурке, пляске нежной,
В одежде панны белоснежной,
То знайте, нет меня трезвей,
Когда я имею дело с делом;
Я спорю с старцем поседелым».

Смотрит ласково, прищурясь, и добавляет:
«Я не обещаю и не обольщаю,
Но, юноша, заключите свои самые пылкие желанья
В самую ужасную темницу:
Пока я не московская царица,
Я говорю вам: до свиданья!»

Ей покоренный юноша ей смотрит вслед
И хочет самому чуть слышный дать ответ:
«Панна!
В моих желаньях нет обмана!»

Она уходит и платьем белым чуть белеет.
Он замысел упорный в мечтах своих лелеет.
«Панны! Вы носитесь

[На шеях в вас влюбленных паничей],
А после жизнью хладной коситесь,
И жребий радости ничей.
Добро!

И я предстану пред тобой,
Моих желаний страстную рабой,
Одет в венок, багрец и серебро».
И вечером того же дня,
Когда средь братин и медов,
Высоких кубков и рогов
Собралась братья и родня
Обречь часы вечерней лени,
Марина села на колени
К отцу. Под звуки трубачей,
Дворни, шутов и скрипачей
Рукой седины обнимает
И пиру радостно внимает.
Вся раскрасневшись, дочь прильнула
К усов отцовских седине
И, в шуме став с ним наедине,
Шепнула:
«Тату! Тату! Я буду русская царица!»
Не верит и смеется,
И смотрит ласково на дочку,
И тянет старый мед,
И шепчет: «Мне сдается,
Тебя никто сегодня не поймет!»
По-прежнему других спокойны лица.
Урсула смотрит просто, кротко

На них двоих и снова быстрою иголкой,
Проворной, быстрою и колкой,
На шелке «Вишневецкий» имя шьет
Кругом шелкового цветочка.
Меж тем дворовые девицы
Поют про сельские забавы,
Трудясь над вычурным нарядом
Под взором быстрым Станислава,
Ему отвечая украдкой пылким взглядом.
А Мнишек временем вечерним,
К словам прислушиваясь дочерним,
Как и что ему лепечет,
Ей отвечает: «То знает чет и нечет,
В твоих словах рассудка нет».
Таков был Мнишка дочери ответ.
Сечь Запорожская (так сопка извергает
Кумир с протянутой рукой)
Так самозванцев посылает,
Дрожи, соседних стран покой!
Соседних стран покой, дрожи,
Престол, как путник перед ударом молнии, бежи.
Сквозь степи, царства и секиры
Летят восстания кумиры.
И звонким гулом оглашает
Его паденье ту страну,
Куда посол сей упадает,
Куда несет и смуту и войну
Его пылающий полет.

В старинном дереве свичадо,
Дар князя польского Сапеги,
Невест-прабабушек отрада,
Свидетель ласк усталой неги,
Залогов быстроглазых ребятишек, –
Кого ты не было услада,
Кого не заключало в свои бреги!
Пред ним стоит Марина Мнишек.
Две стройные руки
С пухом подмышек
Блестят, сияньем окруженные,
В стекле прекрасном отраженные,
Блестят над кружевом рукавным.
С усмешкой полуважной, полузабавной
Девушка думает о доле самодержавной.
Блошанку дева с плеч спускает
И тушит бледную свечу.
И слабо дышит, засыпает,
Доступна лунному лучу
Золотокудрой головой
И прочь простертою рукой
Под изогнутой простыней.
Зарница пышет. Завтра вёдро.
А мимо окон ходит бодро
Ее помолвленный жених,
Костер вечерних дум своих.
От тополей упали тени,
Как черно-синие ступени.
Лунным светом серебрим,

Ходит юноша по ним,
Темной скорбию томим.
И мыслит: «Я ей не ровесник
Моей породой и судьбой.
Военный жребий: ты – кудесник!
Мой меч за царственный разбой!»
Много благородства и упрямки
В Сапеги старом замке.
В озерах нежатся станицы
Белокрылых лебедей.
И стерегут пруд, как ресницы –
Широко раскрытые зеницы,
Стада кумирные людей.
Там камень с изображением борьбы,
С [движением] протянутой руки
Смотрел на темные дубы,
За голубые тростники.
Уж замысел кровавый
Стал одеваться новой плотью.
Уж самозванец мнит себя с державой,
Красуясь в призрачной милоти.
«Карает провиденье дерзость. Что же?
Возмездьем страшным горделивый,
Я оценю за плаху ложе,
И под мечом судьбы красивый.
А вы, толпа седых бояр! –
С поклоном низким в пыли серой
Вы обопретесь на ладони,
Когда любима мной без меры

Займет престол, молясь Мадонне.
Я буду, может быть, убит,
Исчезнет имя с самих плит,
Убит в дворце великолепном...
Убийцей, раньше раболепным.
У водопада, где божок
С речным конем затеял ссору,
Ты снимала сапожок,
Одевала ножку скоро.
И от взгляда скрывалась за тенью березы...
Пускай гудят колокола,
Когда [девические] грезы
Станут военные дела.
Сему свидетель провидение!»
Порой его давит виденье:
Косматый конь с брадою мужа,
Рысью каменно-гулкой,
Стуча копытом по каменным плитам,
Протягивал руку,
Чтобы прогулкой
Рассеять их скуку.
И мчался после бело-пегий
(Кругами расходилась лужа)
Из тополевого сада Сапеги.
Так на досуге пламенея,
В своем решенье каменея,
Он ходит, строг и нелюдим,
Сам-друг с желанием своим.
Стоила ночь. Как полководцы,

Стояли тихо тополя.
Смотрели в синие колодцы
Звезды, лучами шевеля.
И уж приблизился рассвет,
И ум готовит свой ответ.
Охота. Звон. Как в сказках,
На тылах кисти кречета,
И пляшет жеребцов черкасских
Умных кровная чета.
Промчалась нежная козуля.
Убит матерый был кабан.
И годы всем сочла зозуля:
Ей дар пророчить дан.
И много игр веселых и забавных
Знал старый князь.
Гостей своих в чертогах славных
Он веселил, развеселясь.
И говорит: «Сегодня у Потоцкого ночуем.
Он дома, он хандрит. Он болен почечуем».
И думает Марина:
Сам польский король будет саном ее деверь.
К ее ногам красивым током,
Царицы белого плаща,
Упали юг, восток и север.
Везде затихнут мятежи,
Могучим чувством трепеща
Исполнить волю госпожи.
Ее удел слепой успех.
Она примирит костел с Востоком.

И Мнишек молвил: «Он и ты – вы пара.
Пусть Божия меня постигнет кара,
Если мои имения и рабы,
Бочонки с золотом, ковры
Ему не будут брошены мостом тяжелым
В его походе за престолом».
Гнев разгорелся в старике,
И он держак сжал в пястуке.
И молвил ксендз: «Полячка, посох
Держа в руке, клади свой след в восточных росах.
Умеет с запада порой
Солнце взойти на послух свой.
Покорна вести веры правой,
Вернись в костел с своей державой».

Покоем полно Тушино.
Огни потушены.
Храпят ночные табуны,
Друзья в час мира и войны.
И атаманова подруга,
Как месяц ясный, белолика,
Бьет оземь звонкою подковой
Гвоздей серебряного круга
И мчится в пляске стройна, дика,
Красою гордая здоровой.
Лишь гремлют песню кашевары
Про Днепр, про Сечу и порог.
Очкуром вяжет шаровары
Воин дебелый и высок.

Бежите, русские, бежите.
Быть безоружными дрожите.
Худая слава
Про царство русское бежит.
Повсюду войско Владислава,
И русского ничто уж не дрожит.
Война, война... Он в польском шлеме,
Латинских латах
Повел на битву племя
Людей суровых и усатых.
Литва и Польша, Крым и Сечь,
Все, с чьих плеч
О землю стучал меч,
Делили с ними похода время.
В Калугу гонит князь коня,
Пронзая смутным взором даль,
Там саблей долгою звеня,
Сошлись лях, литвин, москаль.
То Смута. Годы лихолетья и борьбы,
Насильств, походов и вражды.
Поутру бой, разбой иль схватка,
А вечером удалая присядка.
Когда дрожит земля и гнется
Под шагом шаек полководца,
Пирушки и попойки,
И жены веселы и бойки.
Станицей зорь, пожарищ, зарев,
Солнцем ночным висячих марев
Отметил путь противник государев.

И часто длинными ножами кончался разговор,
Кто всея Руси царь – князь Шуйский или вор.
И девы русские порой просили братьев заколоть,
Рукой осязая трепетное сердце,
Не в силах в жизни побороть
Пых нестерпимый иноверца.

А между тем толпой шиши,
Затаены в лесной глуши,
Точили острые ножи,
И иногда седой боярин
Их оделял серебром и золотом,
За ревность к Руси благодарен,
Сойдя к отшельникам усатым.
В шубе овец золоторунных
Стоит избранник деревень.
И с дюжиной углов чугунных
Висит в его руке кистень.
Любимец жен, в кудрей венце,
На вид удалый и здоровый.
Рубцы блистали на лице,
Предметы зависти суровой.
Он стан великих сторожил
И Руси храбростью служил.
Из мха и хвои шалаши
Скрывали русских палаши.
Святая чернь и молодежь
Так ополчилась на ложь.
Тело одних стесняли вериги,

Другие читали старинные книги.
На пришельцев негодуя,
Здесь обитали они скромно,
С работой песни чередуя
И дело делая огромно.
И дивно стучались мечи,
Порою пламенно звенели,
Казалось, в битве бирючи
Взывали в тихие свирели.
Так, стесненны в пределах косных,
Висят мечи на темных соснах.
На темных соснах здесь почила
Седая древность.
Людей же здесь соединила
К отчизне ревность.

Смерть, милостивая смерть! Имей же жалость!
Приди и утоли ее усталость.
Осталась смерть – последнее подобие щита!
А сзади год стыда, скитанья, нищета.
«Дворяне! Руку на держак!» –
Лишь только крикнул Ляпунов,
Русь подняла тесак,
Сев на крупы табунов.
Давно ль Москва в свои кремли
Ее звала медноглаголым гулом.
Давно ль сыны ее земли
Дружили с буйством и разгулом.
Давно ль царицей полумира

Она вошла в свою столицу,
И сестры месяца – секиры
Умели стройно наклониться.
Темрюк, самота, нелюдим,
Убит соперником своим.
Их звала ложь: обычаи страны, заветы матерей –
Все-все похерьте.
Народ богатырей
Пусть станет снедью смерти.
И опечалилась земля,
Завету страшному внемля,
И с верховыми табунами
Смешались резвые пехотники.
С отчизны верными сынами
Здесь были воду жечь охотники.
Всякий саблею звенит,
Смута им надежный щит.
Веселые детинушки
Несут на рынок буйную отвагу.
Сегодня пьют меды и брагу,
А завтра виснут на осинушке.

«Мамо! Мне хочется пить!» –
«Цить, детка, цить!
Ты не холопья отрасль, ты дворянин.
Помни: ты царский сын!»
Вдруг объята печалью:
Отчизне и чужбине чужд,
Валуева пиццалью

Убит мятежный муж.
Плачьте, плачьте, дочери Польши!
Надежд не стало больше.
Под светы молнии узорной
Сидела с посохом Марина.
Одна, одна в одежде черной,
Врагов предвидя торжество,
Сидела над обрывом,
Где мчатся волны сквозь стремнины.
И тихо внемлет божество
Ее роптания порывам.

Москвы струя лишь озарится
Небесных пламеней золой,
Марина, русская царица,
Острога свод пронзит хулой.
«Сыну, мой сыну! Где ты?»
Ее глаза мольбой воздеты,
И хохот, и безумный крик,
И кто-то на полу холодном
Лежит в отчаяньи бесплодном.
Ключами прогремит старик.
Темничный страж, угрюм и важен,
Смотрел тогда в одну из скважин.
Потом вдруг встанет и несется
В мазурке легкокрылой,
С кем-то засмеется, улыбнется,
Кому-то шепчет: «Милый».
Потом вдруг встанет, вся дрожа,

Бела, как утром порошá,
И шепчет, озираясь: «Разве я не хороша?»
Вдруг к стражу обращается, грозна:
«Где сын мой? Ты знаешь! – с крупными слезами,
С большими черными глазами. –
Ты знаешь, знаешь! Расскажи!»
И получает краткое в ответ: «Кат зна!»
«Послушай, послужи:
Ты знаешь, у меня казна.
Освободи меня!»
Но он уйдет, лицо не изменяя.
Так погибала медленно в темнице
Марина, русская царица.

<1912–1913>

204. Хаджи-Тархан

Где Волга прынула стрелою
На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Слово песни кочевое
Слуху путника расскажет:
Был уронен холм живой,
Уронил его святой, –
Холм, один пронзивший пажить!
А имя, что носит святой,
Давно уже краем забыто.
Высокий и синий, боками крутой,
Приют соколиного мыта!
Стоит он, синея травой,
Над прадедов славой курган.
И подвиг его, и доныне живой,
Пропел кочевник-мальчуган.
И псов голодающих вторит ей вой.
Как скатерть желтая, был гол
От бури синей сирый край.
По ней верблюды, качаясь, шел
И стрепетов пожары стай.
Стоит верблюды, сутул и длинен,
Космат, с чернеющим хохлом.
Здесь люда нет, здесь край пустынен,

Трепещут ястребы крылом.
Темнеет степь; вдали хурул
Чернеет темной своей кровлей,
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.
Как веет миром и язычеством
От этих дремлющих степей,
Божеств морских могил величеством,
Будь пьяным, путник, – пой и пей!
Табун скакал, лелея гривы,
Его вожак шел впереди.
Летит как чайка на заливы,
Волнуя снежные извивы,
Уж исчезающий вдали.
Ах, вечный спор горы и Магомета,
Кто свят, кто чище и кто лучше.
На чьем челе коран завета,
Чьи брови гневны, точно тучи.
Гора молчит, лаская тишь.
Там только голубь сонный несся.
Отсель урок: ты сам слетишь,
Желая сдвинуть сон утеса.
Но звук печально-горловой,
Рождая ужас и покой,
Несется с каждою зарей
Как знак: здесь отдых, путник, стой!
И на голубые минареты
Присядет стриж с землей на лапах,
А с ним любви к иным советы

И восковых курений запаха.
Столбы с челом цветочным Рима
В пустыне были бы красивы.
Но, редкой радугой любима,
Она в песке хоронит ивы.
Другую жизнь узнал тот угол,
Где смотрит Африкой Россия,
Изгиб бровей людей где кругол,
А отблеск лиц и чист и смугол,
Где дышит в башнях Ассирия.
Мила, мила нам пугачевщина,
Казак с серьгой и темным ухом.
Она знакома нам по слухам.
Тогда воинственно ножовщина
Боролась с немцем и треухом.
Ты видишь город стройный, белый,
Там кровью полита земля,
Там старец брошен престарелый,
Набату страшному внемля.
Уже не реют кумачи
Над синей влагою гусей.
Про смерть и гибель трубачи,
Они умчались от людей.
И Волги бег забыл привычку
Носить разбойников суда,
Священный клич «сарынь на кичку»
Здесь не услышать никогда.
Но вновь и вновь зеленый вал
Старинной жаждой моря выпит,

Кольцом осоки закрывал
Рукав реки морской Египет.
В святых дубравах Прометея
Седые смотрятся олени.
В зеркалах моря, сиротея,
С селедкой плавают тюлени,
Сквозь русских в Индию, в окно,
Возили ружья и зерно
Купца суда. Теперь их нет.
А внуку враг и божий свет.
Лик его помню суровый и бритый,
Стада ладей пастуха.
Умер уж он; его скрыли уж плиты,
Итоги из камня, и грез, и греха.
Помню я свет отсыревшей божницы,
Там жабы печально резвились!
И надпись столетий в камней плащанице!
Смущенный, наружу я вышел и вылез,
А ласточки бешено в воздухе вились
У усыпальницы – предков гробницы.
Чалмы зеленые толпой
Здесь бродит в праздник мусульман,
Чтоб предсказал клинок скупой
Коней отмщенья водопой
И месть гяуру (радость ран),
Казани страж – игла Сумбеки,
Там лились слез и крови реки.
Там голубь, теменем курчав,
Своих друзей опередил

И падал на землю стремглав,
Полет на облаке чертил.
И, отражен спокойным тазом,
Давал ума досугу разум.
Мечеть и храм песет низина
И видит скорбь в уделе нашем
Красив и дик, зову муэдзина
Зовет народы к новым кашам.
С булыжником там белена
На площади ясной дружила,
И башнями стройно стена
И город и холм окружила.
И туча стрел неслась не раз.
Невест восстанье было раз.
Чу! Слышен плач, и стан княжны
На руках гнется лиходея.
Соседи радостью полны,
И под водою блещет шея.
И помнит точно летописец
Сии труды на радость злобы,
И гибель многих вольных тысяч,
И быстро скованные гробы.
Настала красная пора
В низовьях мчащегося Ра.
Война и меч, вы часто только мяч
Лаптою занятых морей,
И волжская воля, ты отрок удач,
Бросая на север мяч гнева полей.
«Нас переженят на немках, клянусь!»

Восток надел венки из зарев,
За честь свою восстала Русь.
И, тройку рек копьем ударя,
Стоял соперник государя.
Заметим кратко: Ломоносов
Был послан морем Ледовитым,
Спаси рожден великороссов
Быть родом, разумом забытым.
Но что ж! Забыв его венки,
Кричим гурьбой: «Падам до ног».
И в звуках имени Хвалынского
Живет донныне смерть Волынского.
И скорбь безглавых похорон
Таится в песни тех сторон.
Ты видишь степь: скрипит телега,
Песня лебедя слышна,
И живая смерть Олега
Вещей юности страшна.
С косою двойною бог скота,
Кого стада вскормили травы,
Стоит печально. Всё тщета!
Куда ушли столетья славы?
Будь неподвижною, севера ось,
Как остов небесного судна.
В бурю родились, плывем на авось,
Смотрим загадочно, грозно и чудно.
И светел нам лик в небе брошенных писем,
Любим мы ужас, вой смерча и грех.
Как знамя мы молодость в бурю возвысим,

Рукой огневою начертим мы смех.
Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам.
Милы глаза, немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам.
Что делать мне, мой грешный рот?
Уж вы не те, уж я не тот!
Казак сдувал с меча пылинку,
На лезвие меча дыша,
И на убогую былинку
Молилась Индии душа.
Когда осаждался тот город рекой,
Он с нею боролся мешками с мукой.
Запятав в брови взоры синие,
Исполнен спеси и уныния,
Верблюды, угрюм, неразговорчив,
Стоит, надсмешкой губы скорчив.
И, как пустые рукавицы,
Хохлы горба его свисают,
С деньгой серебряной девица
Его за повод потрясает.
Как много просьб к друзьям встревоженным
В глазах, торгующих мороженым!
Прекрасен в рубищах их вырез.
Но здесь когда-то был Озирис.
Тот город, он море стерег!
И впрямь, он был моря столицей.
На Ассирию башен намек,
Околицы с сельской станицей.

И к белым и ясным ночным облакам
Высокий и белый возносится храм
С качнувшейся чуть колокольной.
Он звал быть земное довольней.
В стволах садов, где зреет лох,
Слова любви скрывает мох.
Над одинокою гусяной
Широкий парус, трепеща,
Наполнен свежую моряной,
Везет груз воблы и леща.
Водой тот город окружен,
И в нем имеют общих жен.

1913

205. Сельская дружба

Как те виденья тихих вод,
Что исчезают, лишь я брызну,
Как голос чей-то в бедствий год:
«Пастушка, встань, спаси отчизну!»
Вид спора молний с жизнью мушки
Сокрыт в твоих красивых взорах,
И перед дланию пастушки,
Ворча, реветь умолкнут пушки,
И ляжет смирно копий ворох.
Так, в пряже таинственной с счастьем и бедами,
Прекрасны, смелы и неведомы,
Юношей двое явились однажды,
С смелыми лицами, взорами жажды.
Наутро пришли они, мокрые, в росах,
В руке был у каждого липовый посох.
То вестники блага – подумал бы каждый.
Смелы, зорки, расторопны,
В русые кудрей покрытые копны,
К труду привычны и охотники,
Они просились в работники.
Какой-то пришли они тайной томя,
Волнуемы подвигом общим, –
Ни этих приход мы не ропщем.
Так голубь порою крылами двумя
В время вечернее мчится и серое.

И каждый взглянул на них, сразу им веруя.
Но голубь летит все ж единый.
Пришли они к нам урожая годиной.
Сюда их тропа привела,
Два шумных и легких крыла.
С того напрасно снят, казалось, шлем:
Покрыт хвостом на медной скрепе,
Он был бы лучше и свирепей.
Он русский стог на плечах нес
Для слабых просьб и тихих слез.
Другой же, кроток, чист и нем,
Мечтатель был и ясли грез.
Как лих и дик был тот в забрале,
И весел голос меж мечей!
Иные сны другого ум избрали,
Ему был спутником ручей,
И он умел в тиши часами
Дружить с ночными небесами.
Как строк земли иным созвучие,
Как одеянье сердцу лучшее.
Село их весело приемлет,
И сельский круг их сказкам внемлет.
Твердят на все спокойно «да!»
Не только наши города.
Они вошли в семью села,
Им сельский быт был дан судьбой.
И как два серые крыла –
Где был один, там был другой.
Друг с другом жизни их сплелись;

С иными как-то не сошлись.
И все приветствуют их.
Умолкли злые языки,
Хотя ворчали старики:
Тот слишком лих, тот слишком тих.
Они прослыли голубки
(К природе образы близки),
И парубки, хотя раней косились,
Но и те угомонились.
Не знаю, что тому виною,
Решенье жен совсем иное.
Они, наверное, правы.
Кто был пред ними наяву
Осколком века Святослава
И грозных слов «Иду на вы», –
Пред тем, склонив свою голову,
Проходит шумная орава.
Так, дикий шорох чуть услышат
В ночном пасущиеся кони,
Прядут ушами, робко дышат:
Ведь все есть в сумрака законе.
Когда сей воин, отцов осколок,
Встречался, меряя проселок,
На ее быстрый взор спускали полог.
Перед другим же, подбоченьясь,
Смелы, бойки, как новый пенязь,
Играя смело прибаутками
И смело-радостными шутками,
Стояли весело толпой,

На смех и дерзость не скупой.
Бранили отрока за то,
Что, портя облик молодой,
Спускался клок волос седой
На мысли строгое чело,
Был сирота меж прядей черных.
Казнили стаяй слов задорных
За то, что рано поседел,
Храня другой судьбы удел,
Что пустяки ему важны
И что ему всегда немного нездоровится,
А руки слабы и нежны –
Породы знак, гласит пословица.
Ходила бойкая молва,
Что несправедлив к нему закон
За тайну темную рождения
И что другой судьбы права
На жизнь, счастье, наслаждение
Хранил в душе глубоко он.
Хоть отнял имя, дав позор,
Но был отец Ивана важен
Где-то. То, из каких-то жизни скважин,
Все разузнал болтливый взор.
Враждуя с правом и тоской,
С своей усмешкой удальской,
Стаю молний озорницы
Бросали в чистые зарницы.
«Не я, не мы», – кричали те,
В безумца, верного мечте,

Весною красненький цветок,
Зимой холодный лед снежка
Порой оттуда, где платок,
Когда летал исподтишка.
Позднее с ними примирились
И называть их договорились:
Наш силач
(Пропащая головушка),
И наш скрипач,
И нам соловушка.
Ведь был силен, чьи кудри были русы,
А тот на скрипке знал искусы.
Был сельский быт совсем особый.
В селе том жили хлеборобы
В верстах двенадцати
Военный жил; ему покой давно был велен:
В местах семнадцати
Он был ранен и прострелен,
То верной, то шальной пулей
(Они летит, как пчелы в улей).
И каждый вечер, вод низами,
К горбунье с жгучими глазами
Сквозь луга и можжевельник
С громкой песней ходил мельник.
Идя тропкою ивняка,
Свою он «Песню Песней» пел,
Тогда село наверняка,
Смеясь, шептало:
«Свой труд окончить он успел».

Копыто позже путь топтало.
Но осенью, когда пришли морозы,
Сверкнули прежние угрозы
В глазах сердитых стариков,
Как повесть жизни и грехов,
И раздавалось бранное слово.
Потом по-старому пошло все снова,
Только свадьбы стали чаще,
С хмелем ссоры и смятений.
Да порой в вечерней чаше
Замечали пляску теней.
Но что же?
Недолго длилось все и то же,
Однажды рев в деревне раздался,
Он вырос, рос и на небо взвился.
Забилась сторожа доска!
В том крике – смертная тоска.
Набат? Иль бешеные волки?
«Ружье подай мне! Там, на полке».
Притвор и ствол поспешно выгнув,
В окошко сада быстро прыгнув,
Бегут на помощь не трусы.
Бог мой! От осаждающей толпы
Оглоблей кто-то отбивался.
В руках полена и цепи,
Но осажденный не сдавался.
За ним толпой односельчане,
Забыв свирели и заботы,
Труды, обычай и работы,

На мясе, квасе и кочане
Обеды скудные прервав,
Идут в защиту своих прав.
Излишни выстрел и заряд.
Слова умы не озарят.
На темный бой с красавцем пришлым
Бегут, размахивающим дышлом.
Тогда, кто был лишь грез священник,
Сбежал с крыльца семи ступенек.
Молва далеко рассказала
Об этом крике: «Не боюсь!»
Какая сила их связала,
Какое сердце и союз!
В его руке высокий шест
Полетом страшным засвистал
И круг по небу начертал.
Он им по воздуху провел,
Он, хищник в стае голубей.
Умолкли возгласы: «Убей!»
И отступили люди мест,
И побежали люди сел.
«В тихом омуте-то черт!» –
Молвил тот, кто был простерт.

Наверно, месяц пролежал
Борис, кругом покрытый льдом, –
Недуг кончиной угрожал.
Он постарел и поседел.
Иван, гордясь своим трудом,

Сестрою около сидел,
И в темный час по вечерам,
Скорбна, как будто войдя в храм,
Справлялась не одна села красавица,
Когда Борис от ран поправится.
И он окрепнул наконец,
Но вышел слабый, как чернец.
Меж тем и сельских людей гнев
Улегся, явно присмирив.
Борис однажды клятву дал
Реку Остер двенадцать раз,
Не отдыхая, переплыть,
Указ судьбы его не спас.
Он на седьмом погиб. Не плакал, не рыдал
Иван, но, похоронив, решил уйти.
Иных дней жребий темный вынул
И, незамеченный, покинул
Нас. Не знаю, где решил он жить.
Быть может, он успел забыть
Тот край, как мы его забыли,
Забвенью предали пути.
Но голубь их скитаний, хром,
Отныне сломанным крылом
Дрожит и бьется, узник пыли.
Так тяжело падает на землю
Свинцом пронзенный дикий гусь.
Но в их сердцах устало внемлю
Слова из книги общей: «Р у с ь».

206. Каменная баба

Старик с извилистою палкой
И очарованная тишь.
И, где хохочущей русалкой
Над мертвым мамонтом сидишь,
Шумит кора старинной ивы,
Лепечет сказки по-людски,
А девы каменные нивы –
Как сказки каменной доски.
Вас древняя воздвигла треба.
Вы тянетесь от неба и до неба.
Они суровы и жестоки,
Их бусы – грубая резьба.
И сказок камня о Востоке
Не понимают ястреба.
Стоит с улыбкою недвижимой,
Забытая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом.
Здесь девы скок темноволосой
Орла ночного разбудил,
Ее развеянные косы,
Его молчание удил!
И снежной вязью выются горы,
Столетних звуков твердые извивы.
И разговору вод заборы

Утесов, сверху падших в нивы.
Вон дерево кому-то молится
На сумрачной поляне.
И плачется и волится
Словами без названий.
О, тополь нежный, тополь черный,
Любимец свежих вечеров!
И этот трепет разговорный
Его качаемых листов.
Сюда идет «пиши-пиши»,
Златоволосый и немой.
Что надо отроку в тиши
Над серебристою молвой?
Рыдать, что этот Млечный Путь не мой?
«Как много стонет мертвых тысяч
Под покрывалом свежим праха!
И я – последний живописец

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.